

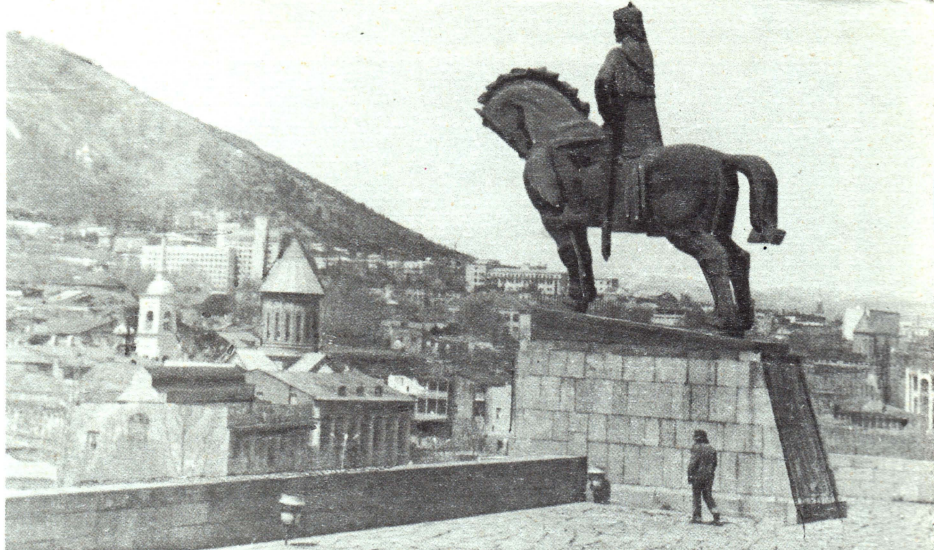
УРАЛЬСКИЙ

Следопыт

3 '90

9-102

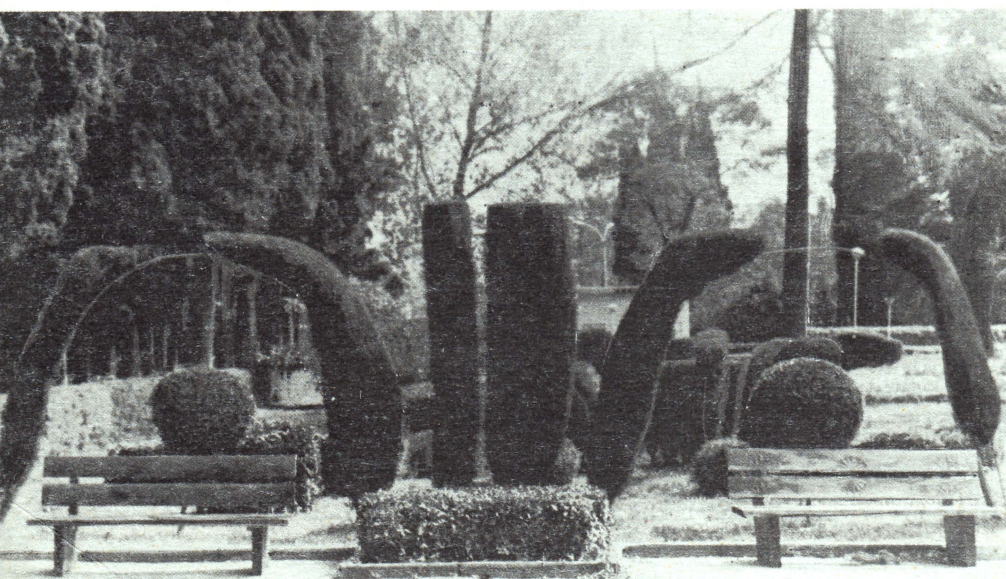

Тбилиси. Панорама старого города
Архитектурные формы современного города

Ленинград. Невский проспект
Сочи. В парке «Ривьера»

Его Величество Вал
Рисунок Андрея Пулатова

— Дорогой, что вытворяет Аэрофлот!.. Ехал к тебе на Урал, а очутился в Мехико-сити! — так говорил мой друг Вахтанг, разглядывая диковинные рогатки на одной из улиц в центре Свердловска.

Отдадим должное юмору кавказского гостя и извинимся перед работниками воздушного транспорта — по крайней мере, таких казусов с ними не случается.

Но шутка обернулась горькой иронией. Похожими на мексиканские кактусы оказались всем известные тополя... Они были чудовищно обезглавлены.

**СТИЛЬ «МЕКСИКАНСКИХ КАКТУСОВ»,
ИЛИ КОГДА ПОПАЛА «ПОД
СОКРАЩЕНИЕ»
ЛАНДШАФТНАЯ АРХИТЕКТУРА!**

Очерк Александра Семенова
читайте на странице 7.

Фото автора

В НОМЕРЕ:

КРАЕВЕДЧЕСКИЙ БУМЕРАНГ	2
М. Быкова	
КОЛЫБЕЛЬ КОМИ	4
А. Семенов	
СТИЛЬ «МЕКСИКАНСКИХ КАКТУСОВ», ИЛИ КОГДА ПОПАЛА ПОД СОКРАЩЕНИЕ ЛАНДШАФТНАЯ АРХИТЕКТУРА!	7
Л. Нечаев	
НЕЩЕЧКО. Повесть. Окончание.	12
Г. Зайцев	
КЛАД ПУГАЧЕВА: ЛЕГЕНДЫ И ФАКТЫ	20
В. Жемчужников	
БАЙКАЛЬЦЫ КАМЕННОГО ВЕКА	22
В. Борисов	
НА ЧЕЛЯБИНСКОЙ СЦЕНЕ	25
А. Горшман	
НЕИЗВЕСТНЫЙ ОБРЕТАЕТ ИМЯ	26
Е. Кузванова	
СТИХИ	27
А. Савченко	
ПО СЛЕДАМ КАТАСТРОФЫ «ВАЙГАЧА»	27
ЖУРНАЛ В ЖУРНАЛЕ «АЭЛИТА»	
А. Стоянов	
ВПОЛНЕ ПОРЯДОЧНЫЙ МИР. Повесть	29
Н. и С. Ореховы	
ПРИСКАЗКА. Рассказ	44
С. Михалёв	
ФОРС-МАЖОР. Рассказ	51
ЗАОЧНЫЙ КЛФ	53
Т. Тайганова	
ПАСЫНОК. Рассказ	55
Ф. Кулаков	
ЛЮБОВ ПОКЛОНЧИКОВ. Рассказ	58
Е. Касимов	
СТИХИ	59
Л. Беньковский	
ДЕРЕВО РУССКОЕ	60
МИР НА ЛАДОНИ	61
И. Беляев	
ТРАВЫ НА БУГРЕ	62
Б. Рябинин	
ОЗЕРО ДЖЕКА ЛОНДОНА	65
А. Кристи	
ТРАГЕДИЯ В МАСДОН МЕЙНОР. Рассказ	68
М. Орлов	
НАШ ГИМН — ЖЕСТЧЕ	72
«НЕ МНОГИХ ДОБРОВОЛЬНЫЙ КРЕСТ...»	74
М. Козловский	
БУДЕТ АДРЕСНАЯ КНИГА	74
О. Сардак	
РЮРИК НА АВЕРСЕ	75
ПРАВДА ЛИ, ЧТО	76
А. Вигилев	
ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫЕ ЧУДАКИ	77
Г. Каёта	
ПЕРВЫЙ, ПЕРВЫМ И ВПЕРВЫЕ...	78
МИР НА ЛАДОНИ	80

ЛИТЕРАТУРНО-
ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ
ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
ЖУРНАЛ
ДЛЯ ДЕТЕЙ
И ЮНОШЕСТВА

ОРГАН СОЮЗА
ПИСАТЕЛЕЙ РСФСР
СВЕРДЛОВСКОЙ
ПИСАТЕЛЬСКОЙ
ОРГАНИЗАЦИИ
И СВЕРДЛОВСКОГО
ОБКОМА ВЛКСМ

ИЗДАЕТСЯ
С АПРЕЛЯ 1958 ГОДА

СВЕРДЛОВСК
СРЕДНЕ-УРАЛЬСКОЕ
КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

Редакционная коллегия:

Станислав МЕШАВКИН
(главный редактор),
Евгений АНАНЬЕВ,
Виктор АСТАФЬЕВ,
Виталий БУГРОВ,
Муса ГАЛИ,
Юний ГОРБУНОВ,
Герман ИВАНОВ,
Сергей КАЗАНЦЕВ
(ответственный секретарь),
Владислав КРАПИВИН,
Юрий КУРОЧКИН,
Давид ЛИВШИЦ,
Николай НИКОМОВ,
Олег ПОСКРЕБЫШЕВ,
Анатолий СЕМЕРУН,
Константин СКВОРЦОВ,
Аркадий СТРУГАЦКИЙ

Художественный редактор
Евгений ПИНАЕВ
Технический редактор
Людмила БУДРИНА
Корректор
Ольга НАГИБИНА

Адрес редакции:
620219, г. Свердловск,
ГСП-353, ул. Декабристов, 67

Телефоны отделов:
22-36-62 (прозы и поэзии),
22-45-01 (краеведения,
фантастики),
22-10-74 (публицистики,
молодежных проблем),
22-04-81 (науки и техники,
писем, секретариат)

Рукописи принимаются перепечатанными на машинке через 2 интервала, 60 знаков в строке, 28—30 строк на странице.

По вопросам подписки и доставки обращаться в районные отделения «Союзпечати». Бракованные экземпляры отправлять в типографию издательства «Уральский рабочий».

Сдано в набор 06.12.89.
Подписано к печати 22.01.90.
НС 15022.
Формат бумаги 84×108^{1/16}.
Бумага типографская № 2.
Высокая печать.
Усл.печ. л. 8,82.
Уч.-изд. л. 13,3.
Усл. кр.-отт. 11,76.
Тираж 500 000.
(1-й завод: 1—250 000).
Заказ 528.
Цена 40 коп.

Типография издательства
«Уральский рабочий»
620219, г. Свердловск,
пр. Ленина, 49.

На 1-й стр. обложки
фотоэтиюд О. Капорейко

В. Городилина из Алапаевска спрашивала о судьбе часовни в г. Полевском. На ее вопрос ответил краевед Александр КОЗЛОВ.

Исчезнувшая часовня

Весной 1867 года на Базарной площади заводского поселка Северский при большом стечении народа состоялось освящение новой часовни Преображения с собственным престолом. Безымянные мастера построили часовню из металла, превратив ее в произведение искусства. Ажурные стены часовни, словно бы сотканые из замысловатых узоров, имели нежно-голубой цвет, и потому вся верхняя часть сооружения вместе с крышей и миниатюрными куполами как бы парила над землей. Для большего эффекта «парящие» детали выглядели более массивно, имели зеленоватую окраску.

Часовня была изготовлена из стали с малым количеством чугуновых и медных деталей, а кресты сверкали на солнце разноцветным стеклом. Северцы сразу же полюбили «стальной храм», видя в нем нечто большее, чем обрядовое сооружение, но и церковь не осталась внакладе. Особенно прекрасна была часовня во время пасхальных праздников: заботливые руки украшали ее гирляндами разноцветных электроламп, хотя они еще были большой ред-

КРАЕВЕДЧЕСКИЙ

костью; женщины наряжали стены бумажными цветами; «бомбардир» руководил фейерверками, стрельбой из медной пушки. Здесь веселились, пели, слышалась музыка «тальянок», «хромок», «двухрядок» — это состязались местные гармонисты-виртуозы, стремясь не посрамить свой цех, свою смену. Словом, этот маленький храм и после революции оставался в поселке одним из культурных центров.

Шестьдесят пять лет простояло ажурное сооружение, радуя людей. Но в 1932 году решением поселкового Совета часовня Преображения была в одночасье разрушена, изрезана на куски молодежной бригадой под плач сердобольных старушек и неодобрительные взгляды мастеровых. В тот же день покореженные части погрузили на телеги и отправили на заводской шихтовый двор, откуда они и проследовали в огненное жерло печи. Так навсегда исчезло уникальное произведение уральских мастеров.

Какое-то время по району ходили слухи, что, мол, нашлись добрые люди, выкрали часовню из шихтарника, спрятали ее в надежное место. Но, к великому сожалению, легенда пока не имеет подтверждения. Она — скорее желание, чем реальность.

Неизвестны также имена архитектора и мастеров-строителей часовни Преображения.

Фото из архива краеведа С. П. Кузнецова.

Загадочную монету, изображение которой прислал в редакцию читатель Н. П. Партин (1989, № 7), распознал свердловчанин Александр Геннадьевич НЕСТЕРОВ. Публикуем его ответ.

Монета с монисто

Монета, изображенная на фото (к сожалению, одна из сторон ее оказалась «вверх ногами»), — среднеазиатская танга кокандского правителя Худояр-хана, правившего с перерывами в 1845—1875 годах. С его именем связано присоединение значительной части Средней Азии к России.

После вступления русских войск

в Ташкент и Ходжент, Худояр-хан в 1868 году признал себя вассалом Российской империи. Однако многие представители кокандской племенной аристократии, опиравшиеся на кочевников-киргизов, выступали против поиска компромиссов с Россией. Мятежников возглавил старший сын хана, бек Анджиана Наср ад-Дин. Худояр-хан был низложен и бежал в Ташкент под защиту генерала К. П. Кауфмана. Но недолго продержался и Наср ад-Дин, побежденный самозванцем Пулад-ханом, провозгласившим «священную войну» против «неверных» русских. Вскоре, однако, его войска были разбиты, а сам Пулад-хан казнен. В феврале 1876 года самое крупное среднеазиатское государство — Кокандское ханство — вошло в состав России.

Монеты-танги означенного типа широко бытовали в Иране, Афганистане и Средней Азии в XVIII—XIX веках; их чеканили и иранские шахи из династии Каджаров, и мангытские эмиры Бухары, и ханы Коканда из династии Минг, к которой принадлежал Худояр-хан. Как правило, они чеканились из серебра довольно высокой пробы, поэтому и получили широкое распространение.

Традиция использования монет в качестве украшений идет с глубокой древности и известна у многих народов. В праздничном женском костюме народов Поволжья и Урала (тагар, удмуртов, мари, мордвы и др.) монисто с монетами — обязательный элемент. Потребность в серебряных монетах для этих целей была настолько велика, что правительство в XVIII—XIX веках чеканило монеты — копии, специально предназначенные для украшений.

На монистах встречаются монеты самых разных эпох и народов. Например, на Украине — древнеримские серебряные динарии I—III веков н. э. На Урале, естественно, использовались для украшений чаще всего русские и среднеазиатские монеты, попадавшие на Урал и в Поволжье через Западный Казахстан. В этих краях можно встретить серебряные копеечки XVII века, массивные рублевики XVII и XIX веков, древние арабские дирхемы и среднеазиатские танги, образцом которых и служит наша монета. Иногда обнаруживаются и совершенно экзотические экземпляры. Мне доводилось видеть монисто, украшенное 8-реаловыми монетами испанского короля Фердинанда VII, отчеканенными в 1808 году в Мадриде, и монисто с монетами английской колонии Стрейтс-Сеттельментс (на территории современной

БУМЕРАНГ

Малайзии) второй половины XIX века. Однако это — исключения.

Следует заметить, что монеты не стоит снимать с монист. Монета на монисто — памятник этнографии народов Урала. Она расскажет нам много больше, чем снятая с украшения.

Читатель дополняет

«Робинзоны в русском лесу»

С интересом ознакомился в вашем журнале с публикацией мемуаров русского писателя-эмигранта Михаила Осоргина «Времена». Отраднo, что это имя пришло к нам из забвения, как имена В. В. Набокова, И. С. Шмелева, М. А. Алданова и многих других.

В первой главе своей повести Осоргин рассказывает, как он в детские годы с восторгом прочитал книгу «Робинзоны в русском лесу». Присоединяюсь к эмоциональной оценке писателя: «Лучшей детской книжки не было никогда написано».

Автора писатель запомнил. И неудивительно, ведь впервые эта приключенческая повесть появилась еще в 70-х годах XIX века. Она была напечатана в литературно-художественном педагогическом журнале «Семья и школа» в № 1—5 за 1873 год. Автор ее О. Качулкова. Никаких сведений о ней в энциклопедиях не имеется¹. Эта увлекательная повесть сродни знаменитому «Робинзону Крузо» Д. Дефо, только в отличие от Робинзона Д. Дефо, попавшего на необитаемый остров в океане, два русских мальчика-подростка волею случая попадают в дремучий русский лес и живут в нем многие месяцы со скудным запасом питания и нехитрым крестьянским инструментом.

Осоргин, вероятно, читал повесть, изданную отдельной книгой. Мне неизвестно, когда она выходила.

Отмечу, что журнал «Семья и школа» выписывала и читала семья Ульяновых. Кстати сказать, в номерах, что хранятся в моей домашней

¹ «Словарь псевдонимов» И. Ф. Масанова сообщает, что О. Качулкова — это литературный псевдоним педагога Ольги Ивановны Хмелевой. Будем благодарны читателям и краеведам за дополнительные сведения о писательнице.

библиотеке, напечатана детская повесть английского писателя Уйда «Недло и Патраси» (в журнальном варианте «Фландрская собака»), повесть-сказка Жорж Санд «Розовое облако», повесть ирландской писательницы Эджворт «Прусская чаша».

А. СЛУПКО.

г. Алмалык Узбекской ССР.

Снова о библиотеке Д. Дидро

В статье Игоря Подгорного «Тайна библиотеки Дидро» (1988, № 11) сказано, что на сегодняшний день найдено всего 50 (из 3 тысяч) книг библиотеки Дидро. Поиски исчезнувшего собрания продолжаются в архивах и фондах Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина.

Но вот в «Правде» за 6 января 1989 года в статье К. Раша «Пятьдесят раз горел» утверждается, что библиотека Д. Дидро ныне находится в столичной академии им. М. В. Фрунзе (вырезку я вам высылаю). Какова же истинная судьба библиотеки?

Е. ГРИГОРЬЕВ.

г. Гомель.

С письмом читателя редакция познакомилась автора заметки в журнале краеведа И. А. Подгорного и получила ответ: «К сожалению, сенсации не получилось — книжное собрание Дидро действительно не найдено. А заведующий библиотекой академии А. Кузнецов написал мне следующее: «...сообщаю Вам: корреспондент «Правды» К. Раш в статье «Пятьдесят раз горел» ввел читателя в заблуждение, так как в библиотеке военной академии им. М. В. Фрунзе книг Дидро не было и нет».

Читатель спрашивает

Памятник в Новгороде

Увидел в вашем журнале изображение памятника в Новгороде «Тысячелетие России». Очень бы хотелось прочитать на страницах «Уральского следопыта» об истории создания этого памятника. Говорят, что на нем изображены 128 фигур.

А конкретно кто? Куда я только ни обратился и нигде не получил ответа.

В. КОВАЛЕВ.

Крым, г. Красноперекопск.

Медаль из бабушкиного сундука

Прошу, если возможно, объяснить, что за медаль хранится у нас в доме с незапамятных времен. Она досталась мне от тетки, а той еще от моей бабушки перешла. Все старики умерли, а из родителей никто не знает, что это за медаль. Кому она давалась и за что, кто мог ее получить — офицер или солдат? Многие ли получали такие медали? Возможно, я узнаю, кто был один из моих предков.

Н. СЕМЕНОВ.

г. Кемерово

КОЛЫБЕЛЬ КОМЫ

Майя БЫКОВА

Рис. Владимира Ганзина

ПО ПРИРОДЕ Я МЕЧТАТЕЛЬ — И ЭТО ОПАСНАЯ ЧЕРТА, Я ВПОЛНЕ СОЗНАЮ, ЧТО МОГУ УВЛЕЧЬСЯ ЛОЖНЫМ, ОБМАНЧИВЫМ, ПОИТИ ПО ПУТИ, КОТОРЫЙ ЗАВЕДЕТ МЕНЯ В ДЕБРИ, НО Я НЕ МОГУ НЕ ИДТИ ПО НЕМУ, МНЕ НЕНАВИСТНЫ ВСЯКИЕ ОКОВЫ МОЕЙ МЫСЛИ, Я НЕ МОГУ И НЕ ХОЧУ ЗАСТАВИТЬ ЕЕ ПОЙТИ ПО ДОРОЖКЕ, ПРАКТИЧЕСКИ ВАЖНОЙ, НО ТАКОЙ, КОТОРАЯ НЕ ПОЗВОЛИТ МНЕ ХОТЬ НЕСКОЛЬКО БОЛЕЕ ПОНЯТЬ ТЕ ВОПРОСЫ, КОТОРЫЕ МУЧАТ МЕНЯ.

В. И. ВЕРНАДСКИЙ

Поток информации о наступлении человека на природу по всему земному шару так широк, что невольно опускаются руки. Люди, попавшие в плен глубокой апатии, смирившиеся с экологической ситуацией последней трети нашего столетия, скептически наблюдают за теми немногими, кто пытается что-то сделать, чтобы задержать хотя бы вчерашний день природы. Будучи горожанином, трудно представить себе, что где-то еще стоит нетронутая тайга и текут меж крутых берегов прозрачные, как хрусталь, реки, а в холодных глубинах этих рек затаиваются, будто литые, двухкилограммовые хариусы, и семга спешит сюда на нерест, и по воде проплывают неправдоподобные утки, а в небе кружат хищные птицы...

И тем не менее я побывала в таком краю совсем недавно, в 1988 году. Тиманский краж — колыбель народа коми. Река Кедва.

С времен верхнего плейстоцена эти места не были под морем, и не утонул их ледник — вот потому-то здесь так много реликтов. Только на Белой Кедве, пройденной на катамаранах, около шестидесяти видов растений относятся к географическим реликтам. Здесь более ста видов мхов, незаменимых экологических помощников человека — индикаторов загрязнения атмосферы, чутко реагирующих на пагубное воздействие агрессивных агентов среды. Значит, не так уж плохи прогнозы жизни реки и ее окрестностей? К тому же, в результате заповедных мер на всем пути нам не встретились люди. Нет здесь и хоженых троп по-над рекой. Казалось бы, живи себе, природа, и живи!

Но каждый раз, когда утка крохаль, не выдержав страха за свой выводок, вдруг срывается из-под низко нависшего берега и, нелепо растопырив крылья, устремляется на стремнину, а затем долго шла перед носом катамарана, как бы увлекая его за собой, кто-нибудь из членов экспедиции не выдерживал и каждый раз говорил: «Глупая, зачем стараешься, кому ты нужна со своими голенастыми недорослями?»

Но, увы, она была права. А мы не правы. И это мы поняли там, куда добрались те, кто призван был охранять заповедные места, но нередко сам губил все, что жило и множилось, недоступное большинству, но зато в обилии достигающее элитарному меньшинству. Это обидная правда, но пока — правда. Одному из нас пришлось составить соответствующий акт на «охранителя» природы.

«Почему в человеке все так и трепещет, когда он видит вольную живность?» — спросила я незадолго до поездки одного из главных охотоведов страны. — Естественно ли это? — «Да, — ответил он. — Это в человеке настолько издревле, настолько естественно, как сама жизнь». Что

же, очевидно, для местного жителя, коренного обитателя охотничий синдром естествен, а для заезжего молодца? Для тех, кто раз в год приезжает сюда, чтобы доказать одному себе, что он еще «ого-го», что он еще и ловок, и добычлив? И ведь минут, минут, представьте себе, многие заслоны. И ставит-таки перемет у тихой заводи: на старице, а то и на притоке — колыбели речной молодежи и приюта для матерых «любителей уединения», которым ну никак нельзя проявить себя в главном течении могучей хрустальной воды. А я так и живу с неприятием любой охоты, любого отлова, преследования да и просто запаха содранной чешуи или пущенной крови. Мне достаточно увидеть живое живым. «Ну, матушка, это уж слишком! Быть на реке и питаться сублиматами!» Понимаю — крайность. Но с детства, с войны знаю, как страшно определять судьбу живого, когда бабушка решала, быть или не быть поросенку Ваське, который даже еще не набрал вес...

Судьба реки, судьба берегов...

В низовье приветливые косцы (здесь их называют покосниками) манили к берегу обещанием горячего чая и простокваши. Мимоходом пожаловались, что юноша поранил сильно ногу, а медпункт в поселке недавно закрыли. Мы поделились средствами фармакопен.

За нехитрым столом, на который вытряхнули конфеты, сам собой возник разговор о житье-бытье, о местном животноводстве, о качестве и себестоимости молока, а потом и вообще о здешнем растительном и животном мире. О возможностях и правилах охоты. А дальше — на самую мою любимую тему: о встречах с медведем и его повадках, его свойствах, может быть, кажушихся необычными. Один из собеседников провел пастушеское лето в угодьях этого зверя. Считает, что если его не задеть, то он человеку ни с того ни с сего никогда ничего плохого не сделает. Ну, а если, не приведи господь, ему что-то в тебе не понравится, то добра не жди: ни твоему скоту, ни тебе самому покоя не будет, здесь и элементы вздорности и мстительности... Или это уже из привычки очеловечивать животных? Из бесед поняла: край этот можно назвать медвежьим.

На небольших песчаных отмелях (а это всегда самые лучшие подходы к воде), если давно не было дождя, можно легко считать следы зверей — так же легко, как казания улиц на схеме города. Да уж поверьте — приходится разбивать палатки на отпечатках устрашающих лап.

Говорят, что беды нынешних рек не вчера родились — задолго до того времени, когда еще не было правил, разъясняющих, что надо оставлять прибрежные леса на не-

сколько десятков метров нетронутыми (чего явно недостаточно, если говорить серьезно). Вот, дескать, и не догадывались тогда, потому и рубили деревья вплотную к реке. Вроде удобно, экономично. Доведа экономику до абсурда, видеть экономии там, где нет ничего общего с этим понятием — воистину большое искусство!

Так в чем же причина такого неразумного, такого целевого уничтожения родной природы? Не жалеючи и малых рек, на которых невозможно соорудить какую-либо станцию, бесчисленных притоков, подпитываемых неутраченными родниками. В основном пришлые, но и местные люди вырубали-таки прибрежный лес, именно его, как нарочно. И на основном течении нашей реки — местами, чтобы было где сено брать. Ради этих лоскутных сенокосов обнажают реку, сено возят чуть ли не на вертолетах, а берег из-за этого соскальзывает в воду — помните избитое: природа Севера уязвима.

Внешне пока все выглядит еще прилично. Красотища необыкновенная. Вроде бы и король есть, да не сразу поймешь, что он голый. Разве что придется дожидаться ребенка, который бы сказал взрослым дядям правду? Почти все притоки еще совсем недавно стояли здесь обрамленные лесами, до них добиралась нерестовая рыба ценных пород. Были они, подпитывающие царственную реку, столь интересными, что один не замерзал ни при какой суровой зиме, а второго прихватывало лишь при минус тридцати. Это тоже не от очень хорошей жизни реки. Но птицы, которые там оставались то ли случайно, то ли согласно их законам, не гибли никогда. Вот они, таежные кольца жизни! А то многие из нас, поди, слышали про полярные, а про такие вряд ли.

И вот живет река, уже давно догадавшаяся, что ее «ветви» обрублены и в прямом, и в переносном смысле. А тут еще геологи обнаружили какой-то дефицит на ее берегу. И не побережье — тайга задрожала. Люди теперь с опаской показывают в сторону реки. Да, бездумный человек с техникой хорошего не сулит. Хотя пока не известен злешний запас полезных ископаемых, его так и называют — предполагаемый. Может быть, и не обман, да ведь сколько раз уже так было, сколько раз по этому сценарию разворачивалась экологическая трагедия.

Наша река (теперь и наша, коль не выходит из памяти!) не имеет большого статуса. Уж если по поводу Байкала — пресного моря мирового масштаба — возвышались голоса его заступники со страниц периодики и едва-едва защитили, то кто спасет невеликую реку в малонаселенном районе? Какими должны быть слова предостережения, чтобы чиновник, хозяйственный, человек с пилой «Дружба» задумался?

Год назад соединили берега нашей реки, перекинули деревянный мост, снесенный первым же паводком, из-за чего русло устремилось в новом направлении, пробиваясь через бурелом. А на месте моста осталось нагромождение бревен, памятник человеческой глупости...

Прекрасные ложа злешних рек со временем превращаются в невиданную каменную пустыню: окаменевшие стволы, раковины, следы древней жизни. Музей под открытым небом. Отнюдь не тихая грусть овладевает каждым, увидевшим это: уход жизни впечатляет.

«Напишите, пожалуйста, что-нибудь в защиту нашей реки, — попросил председатель сельского Совета В. А. Канев и почему-то отвернулся от меня. — Мы в ту сторону теперь не ходим. Только те, кто косьбой занят».

Заметьте, не о сложностях быта, не о скудном снабжении (притом запреты на охоту и рыбную ловлю — и это для местного населения!), не о том, что закрыли медпункт по совершенно неоправданному соображению (здесь проживает более пятисот человек), шла речь. О реке. О судьбе реки.

А как же при всем при этом обстоят дела с фауной?

Фауна не слишком богата, но есть реликтовые раритеты. Да какие! Лет двадцать назад главный хранитель музея Дарвина и основатель семинара по реликтовому гоминиоду (снежному человеку) указал исследователю проблемы Владимиру Михайловичу Пушкареву именно на

эти места как на возможное место обитания легендарного существа. Он считал, что реликтовая флора может подвести и к реликтовой фауне! Верная, плодотворная подсказка!

И вправду, рассказов о реликтовом гоминиоде здесь, на Тиманском кряже, как и на всем нашем Севере, предостаточно. Но я-то ценю даже не новый сюжет и не свидетельство о встрече с таинственным зверем. Иногда косвенные признаки присутствия этого существа дают побольше информации, нежели рассказ типа «что-то темное мелькнуло в темноте». Для меня дороже тот психологический климат, который рождается в неторопливом и будто случайном разговоре о реликтовом гоминиоде. Сыграть роль «первооткрывателя» практически очень трудно.

Прекрасным собеседником оказался колхозник Михаил Егорович Рочев, он же и охотник. Впервые о необычном двуногом звере он услышал в 1953 году: факт встречи произошел около поселка Ярыга с одним из местных жителей. Не менее его взволновала и история, приключившаяся в селе Помозгино, кстати, она была освещена в местной печати. «Вот с тех самых пор, — рассказал Михаил Егорович, — когда понял, что это не сказка, сам мечтаю встретить зверя. Я всего-навсего человек и, безусловно, испугаюсь. Но уже не представляю себе жизни без встречи с ним. Как можно ходить рядом и не видеть!» Очевидно, эта простая мысль чаще всего и побуждает к поиску — и не только заинтригованного старожила.

Жить рядом — и не встретить? Мы сплавлялись все дальше и дальше...

Пора раскрыть, кто скрывается за местоимением «мы». Мы — Александр и Олег Фесенко, Ирина Немеш, Галина и Анатолий Нестеровы, Валерий Торлопов, я, а еще репортер, операторы, звукооператор (все в надежде на встречу, которой так и не произошло в этот год в этом месте). Мы из Москвы, Черкасс, Оренбурга, Горького, Ухты. Так вот, впереди нас ожидал, пожалуй, самый существенный рассказ об очевидном и невероятном — Николая Канева. Они с приятелем Олегом отправились в январе 1980 года на охоту, на лыжах. Дело обычное. У дальнего переката они остановились в знакомой избушке: попить чаю, отдохнуть. Когда услышали шаги со стороны реки, решили, что кто-то из охотников ищет привал. Николай рассказывал, что успел подумать: «Еще чайку попьем...» И направился к двери, чтобы открыть пришедшему. Толкнул дверь, но она не открылась сразу. Дело в том, что каждый тянул ее в свою сторону. Что это за гость, который не совсем хорошо представляет себе, как дверь открывается? Или поземку успело нанести под дверь?.. Николай вдруг оказался лицом к лицу с человеком, покрытым с ног до головы светлой шерстью, ростом под два метра. «Шерсть длинная, сантиметров пятнадцать, — рассказывал Николай. — На лице — корочка. Глаза узкие, нос очень курносый, ноздри видны. Звуки он никакие не издавал, молча смотрел на меня». Рассматривали друг друга недолго. Николай с силой потянул дверь и отпрянул к задней стене избушки, где почти без чувств пребывал Олег. Дверь плотно захлопнулась. Еще раз открывать ее пришелец не стал. Когда товарищи пришли в себя, Олег от неловкости за пережитый страх схватил ружье и стал кричать: «Открой дверь, я его убью!» «Открывай сам, если ты такой храбрый», — помнится, отвечал Николай. И только тут заметил, что деревянная ручка от двери до сих пор зажата в его кулаке. Пальцы пришлось разгибать по одному. Потом, направив ружье на дверь, они в страшном напряжении так и сидели, пока не уснули. Утром, едва открыв глаза, сразу вышли в лес, засыпанный новым снегом. Следов никаких, и приятели заспешили домой.

Надо отдать парням должное — они оставили записку. Мол, знайте, люди добрые, что такого-то дня избушку посетил неведомый зверь, похожий на человека...

Почти по всем рекам этого края бытуют рассказы о нашем герое. Причем есть совсем недавние. Есть и сведения о двуногих, проживающих на болотах, казалось бы, в местах крайне неудобных. Как рассказы, так и местность

мы оценили со своей точки зрения положительно: пока наличествует все необходимое для обитания реликтового гоминоида.

Вот уже и наступил новый сезон моей работы. Мои интересы переместились в Заполярье, где нашим коллективом (В. Роговым, М. Гавриловым, Л. Ершовым и мной) обнаружен резерват искомым животных. А мысленно я все возвращаюсь на скромную и прекрасную Кедву. Жадно ловлю в печати фразы, чаще всего казенные, скупо выраженные, но точно обозначающие все то, что мною воспринято и пережито на уровне эмоций. Например: «Освоение огромных территорий Севера не может быть отраслевой ведомственной задачей какого-нибудь министерства и даже нескольких — это, безусловно, общегосударственная проблема». Или: «В настоящее время получение максимальной выгоды при минимуме затрат должно сочетаться с расходами на сохранение экологического равновесия...» А вот теплее сказано: «Мы до сих пор безмятежно купаемся в лесном сырье. Наше сознание развращено хвастливой уверенностью, что наша страна сказочно богата «зеленым золотом», что у нас половина мировых запасов самого ценного хвойного леса...» Это как раз о Коми АССР. Причем сказано человеком, от которого постарались избавиться самым безнравственным способом, который только можно придумать, лишь за ПОНИМАНИЕ серьезности экологической катастрофы — Владиславом Лариным, бывшим заведующим лабораторией лесоведения научного республиканского центра Коми АССР. Не знаю, я всего один раз слышала выступление на эту тему представителя высшего эшелона местной власти, а именно первого секретаря Коми обкома КПСС, и очень поверила ему.

Как широко и глубоко мы осведомлены о положении дел с тропическими лесами. Уже с детства почти все можем рассуждать об уничтожении там легких планет. А что такое леса нашего Севера?

На северных территориях западного полушария лесами ежегодно вырабатывается почти полтора миллиарда тонн кислорода. Столько же и на территории восточного. Это те же, что и там, «зеленые легкие», но о роли которых до сегодняшнего дня скромно умалчивается, чтобы никто не посмел так же вольно рассуждать о них, как в первом случае. Конечно, менее экзотичны растения Севера, но функции свои они выполняли еще до недавнего времени вполне профессионально и добросовестно.

Как успокаиваем мы свое сознание одним только пониманием того, что природа Севера очень уязвима и легко разрушается! Такого рода фразы воистину застряли в зубах. Неужели этим пониманием исчерпывается представление об интеллекте?

А ведь в описываемых нами условиях ежегодный прирост фитомассы и ее общие запасы, по мнению знатоков, в пять — пятнадцать раз меньше, нежели южнее. То же относится к почвенной микрофлоре и микрофауне. На Севере проходят границы распространения многих растений, а также позвоночных и беспозвоночных животных. Здесь такие экстремально-пороговые условия, где любое воздействие разрушает экосистему — из учебников в учебник коучет это предложение, но ума не прибавляет.

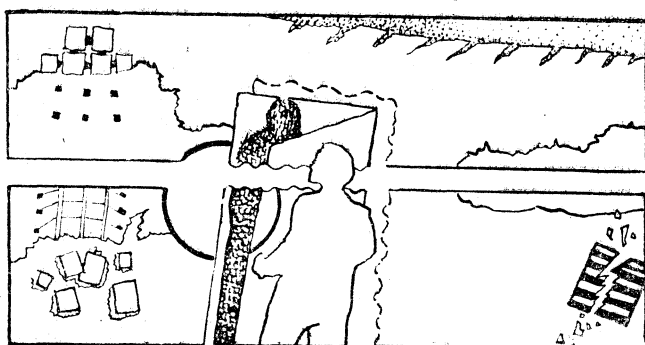
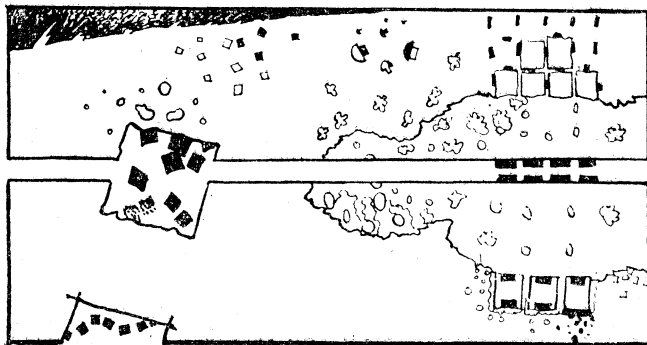
Из-за того, что леса беспощадно дорубивают по Черной Кедве и сводят их по притокам Белой Кедвы, реки обмелели. Небольшое повышение летних температур в 1987 году, по сравнению со средней многолетней, привело к тому, что хариус не выдержал такой термальной перегрузки. Он всплывал кверху брюхом. Ведь общеизвестно, что у большинства видов рыб температурный оптимум приближен к максимуму. Даже незначительное превышение температуры, по сравнению с оптимумом, чаще всего приводит организм к гибели.

Ну а знаком ли кто-либо с более сказочным сюжетом, чем обещания лесовосстановительных мероприятий? Это понятие перешло в область фольклора значительно устойчивее, чем предположение о существовании животного, которое избегает встречи с человеком уже не одно тысячелетие, прячась за литературными образами лешего, домового и прочих персонажей.

Заметьте, речь идет о малонаселенной местности, где не дымят трубы, нет никаких выбросов гигантских индустриальных монстров. Просто есть река, лес, редкие сенокосы.

Мы все и всё знаем о растительном и животном мире нашей страны, о Севере в частности, даже об экологическом состоянии планеты в целом. Далеко не всем приятны, казалось бы, научно-фантастические идеи о возможностях, в случае летального исхода с планетой Земля, поискать убежища на других планетах. Но тогда почему мы не пользуемся уже накопленными представлениями, знаниями, целесообразностями? Чего мы ждем?

Еще совсем недавно на подобном вопросе могла бы закончиться любая статья (с уклоном в экологию). Сегодня понимание экологической проблемы ведет к вопросам народовластия. Народовластие — единственное, что можно противопоставить безумию самоуничтожения, или, если вспомнить Станислава Лема, всей сумме технологий. Надо покончить с эрой отстрела защитников зеленого движения. Пять раз стреляли в бразильского Ганди Франсиско Мендесу. Это преступление против экологии, как его оценили единомышленники, завершилось гибелью Мендесы 22 декабря 1988 года. Так-то у индейцев! А разве пепел Клааса не стучит в мое сердце? Наш спутник Валерий Торлопов не один раз оказывался под прицельным огнем браконьеров. Уже и к дереву привязывали, чтобы попасть наверняка. (Ведь даже браконьер перевелся профессиональный — только что и оставляет на природе подранков!). Торлопов — коми по национальности, воспринявший от предков представление о целесообразностях в природе. Он преподаватель вуза, один из энтузиастов природоохранного дела в Ухте. Этот интеллектуальный высокообразованный человек не дрогнул и продолжает свое дело на земле предков. Не слишком ли высока цена такой работы? Как мы любим уже погибших — первопроходцев, поэтов, природоохранителей! А как же с живыми? Нам дан все же один шанс изменить сложившуюся ситуацию — выборы лучших людей, истинных патриотов, равнодушных — в местные Советы. Это единственная сила, способная реально преодолеть браконьерство и государственного масштаба — браконьерство чиновников и ведомств, которым пока удастся подменить жизнь планом.

ПАРК ОТДЫХА — БЕЗ КУЛЬТУРЫ?..

«Для располагающего сады не столько нужно знание геометрии, сколько то искусство увеселиться натурой, которое толь немногие знают», — так писал выдающийся ученый и знаток садового дела А. Г. Болотов.

«Мне кажется, что для разбивки садов более надобно музыкальное мастерство», — дополняет его архитектор П. Гонзаго.

И наконец: «Садово-парковое искусство — одно из самых сложных синтетических искусств» (так выразиться мог, разумеется, лишь наш современник).

Первые два высказывания сделаны лет на двести раньше последнего. Но, оставляя в стороне различия в языковом стиле, приходим к выводу: создание парка или сада — это искусство. А его творцы — надо думать, люди очень разносторонние — являли в лучших произведениях его удивительную гармоничную слитность природного и человеческого факторов.

Бесспорно: побывав в Петродворце или Версале, оценишь их рукотворную красоту и величие. Но наблюдаем ли мы такие произведения зеленой архитектуры в наших городах? Или, как истинные шедевры любой другой музыки, не часто являются они в повседневной жизни?

Впрочем, в мире царствует закон соответствия. Исходит он из здравого смысла: не то плохо, что плохо — а то, что неуместно. Нелепо же, отправляясь в колхоз, облачаться во фракционную пару... Может быть, теперешним городским застройкам, унылым и безликим, более подходит и соответствующее «оформление»: прямолинейные однообразные посадки деревьев вдоль улиц, бесхитrostные живые изгороди и изуродованные тополя? Хватит горожану цветущих по весне кустов сирени, тюльпанов, пробивающихся на заброшенной клумбе — довольно с него и этого! Изящные дворцы Альгамбры для многих из нас так же недоступны, как подлинное полотно Рафаэля..

Беда, однако, не в том, что улицы наших городов до сих пор не стали музеем произведений ландшафтной архитектуры, — хуже то, что все они созданы в отдаленном прошлом. Сегодняшнее садово-парковое строительство не балует нас даже редчайшими шедеврами. В чем причина кризиса «жанра»?

Сады и парки прошлого создавались десятилетиями. Величественные ансамбли Павловска — произведение трех поколений талантливых скульпторов во главе с Камероном, Бренном, Гонзаго. Парковые архитекторы вложили в свои творения собственное представление о прекрасном, все эти творения отмечены индивидуальным «почерком». Не зря утверждают, что старые парки можно «читать», как книги — захватывающие страницы поведают и о значительных событиях прошлого, и о борьбе художественных направлений и стилей, и о самом авторе расскажут немало.

Большие знатоки ландшафтной архитектуры А. П. Вергунов и В. А. Горохов отмечают интересную эволюцию понятия «сад» (парк). Вначале был сад-«парадиз», наполовину реальный, наполовину выдуманный, населенный диковинными птицами и необычными растениями, — уголок райского блаженства. Позднее, у древних греков, он приоткрыл античные легенды и мифы — олицетворенные искусными зодчими и мастерами топиарного искусства, они точно выразили идеалы своего времени.

Иные традиции сложились в период средневековья у садоводов Японии и Китая. Восточный садик мал и выполнен в естественном природном стиле. Здесь нет величественных колонн и скульптур, шикарных ротонд, манящих изумрудом зелени газонов, роскошных цветочных клумб. Тона приглушены, матово-зелены, даже серы. На всем как бы чувствуется налет старины. Одинокая беседка, будто порожденная самой природой, изящные мостики над ручьем, живописные извитые дорожки — все распола-

Александр
СЕМЕНИН

СТИЛЬ «МЕКСИКАНСКИХ КАКТУСОВ»,

или когда попала «под сокращение»
ландшафтная архитектура?

гает к уединению, к углубленному внутреннему созерцанию.

Прошли века, и в не далекое уже от нас время человек начал покорять природу, а в создаваемых садах и парках демонстрировать свою власть над ней. Его воображения хватило на портреты вождей, кропотливо собранные из ковровых растений... В рябиновых и липовых аллеях появились гипсовые, каменные, бронзовые дорожные доярки и былинно-могучие шахтеры. Их честный немигающий взгляд призывал несознательных граждан к новым трудовым успехам.

Что значит для нас парк сегодня? ЦПКиО — парк культуры и отдыха. Странно... Неужто так разнородны и далеки друг от друга эти понятия? Либо культура — либо отдых?..

Произошла смена акцентов. Современные парки созданы для развлечений (то бишь, для отдыха), но мало полагают, допустим, к философским медитациям. Не найти там композиций, ярко раскрывающих колорит эпохи: все донельзя упрощено, все — ниже предела «прожиточного минимума».

Всего проще объяснить девальвацию садово-паркового искусства всеобщим духовным застоем, поразившим нас в последние десятилетия. Но первопричина явления зародилась раньше.

Знаменитые парки прошлого создавались как загородные парадные резиденции. Служили они для знатных вельмож, которые не считались со значительными затратами, привлекали к работе выдающихся архитекторов, скульпторов, искусных садовников. Нередко и сами с увлечением разрабатывали проекты будущего сада, путешествовали и привозили саженцы экзотических растений, ломали головы над направлением мраморной лестницы или над выбором места для искусственного грота. Понятно, что союз людей заинтересованных, не ограниченных в средствах и творческом поиске, нередко рождал подлинные шедевры. Но очевидно и то, что эти сказочные уголки были предназначены для немногих.

Общенародный городской парк в России появился лишь в конце XIX века. От него протянулись ниточки и к нашим паркам, продолжением его особенностей и проблем явились и беды нынешнего «зеленого строительства». Общенародный парк был прост, строг, а роль его чисто функциональная — предоставить рабочему люду хоть какой-то зеленый уголок для отдыха: небольшой участок, бесхитrostно засаженный деревьями, эстрада для духового оркестра, одна-две клумбы и аллея для прогулок...

Предназначенный для массового пользования парк не мог не утратить былых достоинств. Тщательная проработка плана, богатый породный состав деревьев, замысловатые фонтаны и каскады — все это требовало усилий, времени, энтузиазма, средств, а на повестку дня ставилось

хоть какое-нибудь озеленение многочисленных новостроек...

И было бы все не так плохо, но фатальную сверхважность приобрела отчетность о количестве посаженных деревьев и площади разбитых клумб. Среди многих жертв процентомании оказалась и ландшафтная архитектура. Вы вдумайтесь, как «новаторски» она переименована — «зеленое строительство»!.. И отдана она во власть не архитекторов, а прорабов, которым — запланированные объемы освоены, посадки проведены — и хоть трава не расти.

Воспитанное на антиобразцах население не оставалось в долгу и... рубило, выгапывало, рвало, оскверняло... Причина и следствие менялись местами и, побратавшись, выродились в оборотня разгильдяйства и всеобщей апатии. И — нечего делать! — напрашивается безрадостный и безысходный вывод: утратили парки былые достоинства по причине своей общедоступности. Значит впрямь красота — только для избранных? А общенародное — обязательно плохо?

Не хотелось бы в это верить. Да и опыт других стран подсказывает: причины паркового кризиса не столько социальные, сколько организационные.

Японцы, привыкшие ценить и замечать красоту живо, получают с детства такой заряд ненавязчивого эстетического воспитания, что не мыслят жизни своей без ежедневного общения с природой. Оригинальные искусства бонсаи и икебана, многочисленные праздники цветов, обязательное выращивание семей на крохотных участках перед домом цветов и деревьев, наличие общедоступной сельскохозяйственной техники, превращающей уход за растениями в приятное времяпровождение на свежем воздухе — все это и многое другое прививают бережное и чуткое отношение к живому. Да и в социалистических странах Европы — Венгрии, ЧССР, ГДР, чьи территории почти полностью преобразованы человеком, найдется немало примеров умело созданных культурных ландшафтов.

...Что-то, однако, мне подсказывало, что белы «зеленого друга» в городе не следует сводить к отсутствию должной организации озеленения и эстетической глухоте граждан. Ведь и сам этот «монстр» — современный город — окружил растения необычной средой существования. И нельзя, к тому же, говорить об изъянах ландшафтной архитектуры, не зная, куда нас ведут градостроители.

И я окунулся в стихию асфальта и камня.

В «КАМЕННОМ МЕШКЕ» ГОРОДА

— Города — это хранители истории и достижений человечества. Именно они являются лабораторией человеческой мысли и крупными очагами просвещения.

— Нет! Это накопители наших ошибок и жертвы невежественных решений. Восторги по поводу их процветания сродни эйфории наркомана!..

— Но развитие человечества неизбежно приводит к возникновению крупных городов... Они — лицо цивилизации и его экономический каркас.

— Помилуйте, о какой цивилизации может идти речь, если «покоренная» природа тут и там мстит, и в первую очередь городам — экологическими кризисами!

Такую оживленную перепалку «технар» с природолюбом легко представить, как некогда волновавший всех спор между физиками и лириками. Последний, кстати, не выявил победителя, видимо, из-за излишней крайности предлагавшихся сторонами аргументов. А в нашем случае «противоборство» возникло по поводу того, ЧТО признавать главным в жизни крупных людских поселений. Но те и другие, очевидно, соглашались с явным парадоксом: создав для удобства город, человек одновременно заложил основу для постепенного ухудшения своей жизненной среды.

Великие утописты прошлого Сен-Симон и Кампанелла мечтали о том, что в городах будут царствовать счастье и социальная справедливость. Но рост благосостояния и комфорта не сделал человека счастливым, а небывалое

развитие науки и техники реально угрожает здоровью горожанина. Уже не только пессимисты уверовали в кризис крупных городов и самого процесса градостроения.

Созданная городом искусственная среда влияет даже на климат. Метеорологи отмечают: на 10—14 дней увеличивается безморозный период, на неделю раньше сходят снега, а летом иссушенный бетоном и асфальтом воздух, задыхающийся в веренище многоэтажек, раскислен и сух, как в пустыне.

Тяжело растениям в городе. Перерытый грунт, как губка, впитывает дождевую воду, уплотнена в плотную корку земля, перенасыщена примесями металлов и щелочей. А воздух?... Сернистый газ, ядовитые окислы, выхлопные газы, смешанные с пылью... Неудивительно, что деревья живут в городе в 3—8 раз меньше, чем их сельские собратья. Город оказывает на окружающую среду свое влияние на расстоянии, в 40—50 раз превышающем свой собственный диаметр. Опасно это чрезвычайно — ведь город не обладает способностью к саморегуляции: его существование зависит от прилегающей к нему ближней или дальней загородной растительности. Оттуда он черпает порции неспорченного воздуха. И вдруг этого буфера не станет!

Демографы предсказывают, что к 2000 году в городах будет жить 70—80 процентов населения Земли. Появятся гигантские мегаполисы с населением в 20—80 миллионов человек. Принципы же градостроения сплошь и рядом сводятся к оценке лишь технических, инженерных возможностей будущего строительства. И не от мира сего, щедрым и незлобивым надо быть гражданином, чтобы искренне утверждать, что все делается для счастья и блага человека... Чем можно, например, объяснить постройку между двумя, близко расположенными друг к другу домами, третьего, ни по высоте, ни по стилю не сочетающегося с соседями здания, а главное, уничтожающего дворы с их старыми деревьями, тенистыми уголками отдыха — с частицей нашей жизни?!

Большинство градостроителей понимает, что города не могут неограниченно захватывать все новые пространства, разрастаясь до размеров небольшого государства. На каком-то этапе неизбежно будет достигнута «критическая масса».

Английский ученый Д. Томсон писал, что самое разумное — разделить крупные города на секторы, в которых проживало бы около 50 тыс. человек. Такие «ячейки» обладали бы всем необходимым для собственного воспроизводства и были бы отделены друг от друга обширными участками естественной растительности.

Чего хотелось бы в будущем избежать, так это городов-«специалистов». И по сей день мы с гордостью говорим: «Иваново — город текстильщиков», «Донецк — город шахтеров» и т. п. И словно забываем, что такая «профессионализация», такая монокультура порождает массу демографических и социальных проблем и вполне определенных профессиональных болезней.

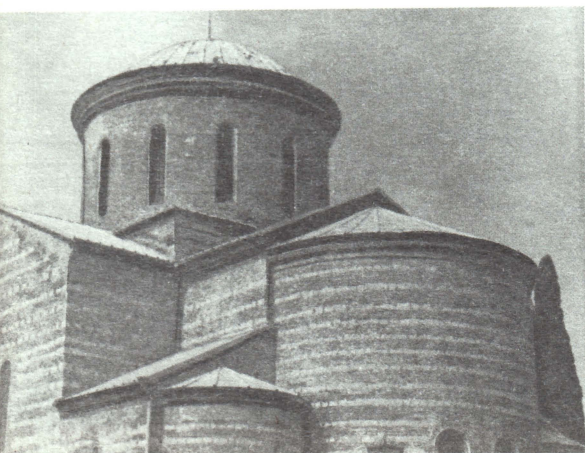
Сегодня нет недостатка в проектах, призывающих к децентрализации крупного производства. Миниатюризация заводов и фабрик — в этом, считают их авторы, города найдут свое спасение. Что же касается крупной промышленности, от которой совсем избавиться, разумеется, не удастся, ее предлагают то значительно отдалить от жилых построек, то разместить на островах, под землей и даже в космосе.

Проекты, как видим, бывают и фантастическими. Быть может, завтра не вызовут недоумения жилые здания в форме яйца, воронки или паруса. Архитектура будущего вряд ли будет однозначной. Интересен проект профессора Карела Гонзика, создавшего жилище в виде мобильной ячейки, которая может перемещаться, объединяться с другими ячейками. Таким образом, путешествует уже не человек, а его дом.

Возможно, сады и парки будущего также претерпят метаморфозы и, как весь город, будут подвержены непрерывной динамике. И тогда перемещающиеся цветочницы, произвольно комбинируемые друг с другом аллеи и роцци,

Пицунда. Памятник архитектуры — храм X века. В наши дни здесь проходят концерты органной музыки

Ленинград. В оранжерее Ботанического института им. В. Л. Комарова

В старом парке

Тбилиси. Средневековый храм

На площади Советской Армии в Свердловске

Деревянная скульптура Геродота украшает вход в лесопарк им. Лесоводов России

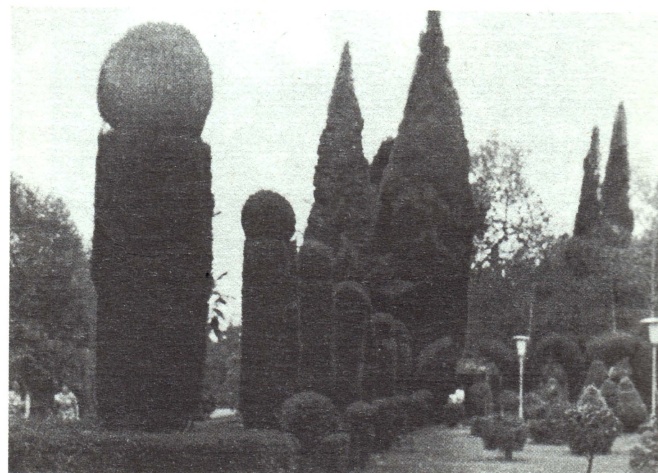
Сочи. В парке «Ривьера»

Колонновидная туя и голубая ель — североамериканские экзоты, которых можно встретить в ботанических садах и парках нашей страны

Сочи. В парке «Ривьера»

Адлер. В Приморском парке

Шаровидные разновидности ивы — перспективные растения для озеленения городов Урала

в которые пожелал бы выйти рано утром житель нового города, станут реальностью.

Я обратился к специалисту — ректору Свердловского архитектурного института Г. С. Заикину.

РАЗГОВОР С КОМПЕТЕНТНЫМ ЧЕЛОВЕКОМ

— Геннадий Сергеевич, за чем все-таки будущее: за малыми городами, неограниченно разрастающимися конгломерациями, или, быть может, Земля превратится в гигантский лесопарк, равномерно заселенный людьми, как видится это фантасту А. П. Казанцеву?

— Всегда существовали теории, предсказывающие особенности роста городов. В некоторых из них утверждается неизбежность неограниченной концентрации населения в крупных городах, грозящей серьезными экологическими последствиями. По-моему, это ложные опасения. Формы расселения людей складывались исторически. В будущем (по крайней мере, в ближайшем) сохранятся и крупные города, и районные центры, и «малые формы» — деревни, хутора, села. Сама жизнь и потребности людей будут поддерживать разные структуры поселений. И через столетия люди будут нуждаться в сельскохозяйственных продуктах, в полноценном отдыхе в живописном лесу и на берегу озера.

— Все это значит, что не утратят былого значения и традиционные формы городского озеленения — бульвары, парки, скверы. Только вот заниматься организацией их создания будут, видимо, профессионалы и, прежде всего, ландшафтные архитекторы. Готовит ли их ваш институт?

— К сожалению, нет. Когда-то была у нас кафедра ландшафтной архитектуры, но попала «под сокращение». Ее специалисты не находили работу по специальности в уральских городах. Странно сказать: на них даже не поступало заявок. В настоящее время ежегодно порядка десяти студентов выпускаются нами с достаточным багажом знаний в этой области, но получают работу по другому профилю.

— Невостребованность специалистов, энтузиастов своего дела — где отсюда ли главная беда внутригородского озеленения? В чем вы видите здесь основные проблемы?

— Много стихийности и беспланиовости. Делом этим, как правило, занимаются случайные люди. Поражает прямолинейность и унылая простота в посадках деревьев и кустарников. Все делается без души и фантазии. Провозглашаемая ныне экологизация — часто лишь дань конъюнктуре, стремление выглядеть идущим в ногу со временем. А городское озеленение по-прежнему кормится по «остаточному» принципу. Генеральный план застройки Свердловска хотя и включает в себя элементы экологической программы, но формально. Вот вы спросили о ландшафтных архитекторах — да ведь экологический аспект провален в образовании студентов архитектурного профиля. Отсюда — безликие пятиэтажки, быстро занимающие городские пустыри; как следствие — столь же однообразные бульвары и скверы, составившие зеленую зону новостроек.

Прервем разговор с ректором, чтобы привести несколько цифр. Ежегодно в Свердловске высаживается 40 тыс. деревьев, 120 тыс. кустарников, цветов — на площади 100 га; на озеленение тратится почти 2 млн. рублей. В городе 22 парка, 24 бульвара, 92 сквера. На человека приходится более 10 кв. м зеленых насаждений. И если не предъявлять строгих эстетических требований к посадкам, то перед нами, казалось бы, вполне благополучная картина. Но на поверку и количественные достижения оказываются не вполне удовлетворительными. Ведь отражают они посаженные, а не сохраненные цветы, деревья, кустарники...

— Противоречия и кризисы городов неизбежны, — продолжает Геннадий Сергеевич, — хотя долгое время мы и пытались доказывать, что «наши» города, конечно же, самые чистые и зеленые. Другой вопрос — как их преодолеть? Главная наша беда в том, что городские ресурсы

безжалостно растаскиваются отдельными ведомствами. У компетентных руководителей нет возможности целиком определять развитие той сферы деятельности, с которой они связаны. К сожалению, у многих уже утрачено чувство хозяина. Надежду, однако, вселяет то, что в обществе создан определенный потенциал недовольства собственной нерадивостью, активизируется самодельная ветвь в общественном развитии, но, к сожалению, в ней нет профессионального начала.

— Геннадий Сергеевич, вопросами озеленения должны заниматься не просто профессионалы, а высококвалифицированные специалисты разных направлений — ландшафтные архитекторы, ученые-ботаники, практики-озеленители. И, грубо говоря, по чьей вине или некомпетентности зеленый наряд города не удовлетворяет нас?

— Я бы не стал искать козла отпущения. Слабы все звенья. Виновато закономерно сложившееся отношение. Нужна единая градостроительная политика, в которой во главу угла не ставилась бы одна экономика. Изменится политика в градостроении — в каждом звене появятся знающие, влюбленные в свое дело люди. Они и сегодня есть, но не могут себя проявить — сказывается сила инерции десятилетиями создававшейся бюрократической системы управления... Вы посмотрите, — ректор показывает лист бумаги, весь испещренный подписями должностных лиц, — с каким количеством людей мы вынуждены согласовывать наши планы. Архитекторы сами часто ничего не могут решать.

И все же повод для оптимизма есть. Наш город Свердловск для населения почти в 1,4 млн. человек довольно компактен по территории, что облегчает решение проблемы. Со всех сторон Свердловск окружен лесопарками — зелеными клиньями проникают они в самый город. В этом смысле соседи-уфимцы нам могут только позавидовать, их город вытянулся более чем на 50 км; а скажем, в Волгограде протяженность городской линии составляет 80—90 км!

— ...И все-таки: время ли заниматься сегодня вопросами ландшафтной архитектуры, коль скоро во многих наших парках и скверах не налажены даже элементарные мероприятия по сбережению зеленых насаждений?

— Думаю, что время. Любое направление в архитектуре всегда вторично по отношению к социальным процессам. Но архитектура оказывает и обратное воздействие на общественное движение — формирует представление людей об идеале. Стремление к красоте никогда не было преждевременным.

На мажорной ноте и закончилась эта беседа. И так хотелось надеяться, что в скором будущем, встречая гостей, нам не придется опускать глаза от недовольства, наталкиваясь на запущенные газоны или «шедевро» типа «мексиканских кактусов»! В зеленом наряде проспектов и улиц мы увидим многие экзоты, акклиматизированные в ботанических учреждениях Урала; узнаем мы и старых знакомых — например, те же липы и тополя, рябины и клены. Все будет по-прежнему как будто, и... что-то неумолимое изменится, — но от такой малости возникнет вдруг ощущение ритма, совершенных пропорций и открывшихся перспектив, завораживающих удивительной гармонией и контрастом посаженных рядом растений... А это значит, что дела коснулась рука Мастера...

Только одна мысль-заноза портила благостное настроение: реальна ли диктатура профессионала в озеленении? Заиграет ли «музыка» парков и садов, созданных современными ландшафтными архитекторами? Ведь прежде всего они призваны создать тот «переходный мостик», наладив который в своем общении с природой, мы будем руководствоваться законами красоты и гармонии. И что делает творение рук человеческих соответствующим, созвучным природе?

В надежде получить ответ хотя бы на последний вопрос, я и отправился на встречу с заведующим кафедрой обработки древесины Свердловского лесотехнического института Геннадием Артемьевичем Поводом.

В ПОИСКАХ «ПЕРЕХОДНОГО МОСТИКА»

«Живое и мертвое дерево должны быть рядом», — сказал Геннадий Артемьевич. Странная, с претензией на многозначность фраза? Отнюдь нет. Утверждение меткое и образное, когда уразумеешь суть дела. Но обо всем по порядку.

Свердловчане, конечно, знакомы с деревянными скульптурами, украшающими вход в парк имени Лесоводов России. Около 15 лет назад созданы они сотрудниками лесотехнического института В. П. Черновым, В. Ф. Гавриловым и моим сегодняшним собеседником. Как же возник этот замысел?

Побывали как-то работники Горлесхоза в Брянске и подивились оригинальным скульптурам, созданным тамошними мастерами. Привлек и необычный материал — дерево! Поделались впечатлениями дома — и нашли свои энтузиасты.

Долото, и стамеска, и... руки. Коллеги из Брянска использовали осину, березу и бук, уральцы — древесину хвойных пород. Вначале была мысль: воплотить в дереве персонажей бажовских сказок. Но столько уж им посвящено работ, что захотелось взять тему новую. Так появилась цель: познакомиться с древней историей Урала, достаточно малоизвестной и отрывочной. На работу ушли годы. Зато сегодня, входя в парк, люди видят уникальную коллекцию из 18 фигур. Смотришь на них — и словно погружаешься в века минувшие...

Открывает своеобразный парад фигура Геродота. Он пишет, что именно здесь, на берегу нынешней Исети, проходил торговый путь из Греции в Центральную Азию. А жили здесь исседоны — «многочисленные и очень доблестные воины, богатые конями, стадами овец и быков. Они... являются самыми могучими из всех мужей».

Рядом с «отцом истории» видим мощного Борея — бога северного ветра, живущего в пещере на Рифейских (Уральских) горах и словно символизирующего суровую силу уральской стихии. «Любовь», «Материнство», «Воспитание» — в скульптурах с такими названиями отразились темы, которые принято называть вечными. А вот и «Охотник Кудым Ош» — уральский Прометей, ударом стрелы отбивший кусок солнца и подаривший его людям.

— От замысла до его воплощения путь редко идет по прямой, — говорит Геннадий Артемьевич. — А для тех времен это особенно точно: утверждать и согласовывать уже разработанные проекты скульптур приходилось в многочисленных инстанциях. Некоторые из них так и не прошли: верх взяло ханжеское радение бюрократов о своем народе, «который не мог все понять как надо». А от иных идей нам пришлось отказаться самим. Так, мы предполагали оформить несколько троп, проходящих в глубине лесопарка, скульптурами, символизирующими празднества, народные гулянья, стихийные бедствия. Но, к сожалению, опыт убеждал: скульптуры, поставленные в лесу, вскоре становятся жертвами тех, чьи «автографы» постоянно видишь на обезображенной коре деревьев. Пришлось разместить скульптуры «на виду» — около нового здания лесотехнического института. И второе: тогда почему-то считалось, что художники такого рода должны быть полнейшими бесребренниками, в соответствии с этим принципом и оплачивался их труд...

Ученые подсчитали: сегодня из древесины получают около 20 тысяч видов различных изделий и продуктов. Честь и хвала всем, кто изготавливает фанеру и скинпидар, мебель и хвойный концентрат! Однако к дереву — и живому, и мертвому — почти всегда сохраняется чисто прагматический подход. Утрачиваются вековые традиции резьбы по дереву — давнего излюбленного вида творчества русского человека. А ведь у мастеров прошлого любой бытовой предмет, будь то чашка, ложка или стул, соединяли в себе очевидную утилитарность и красоту. Затеяливая резьба и кружева, причудливые коньки, диковинные птицы и звери украшали деревенские избы. Дом кошемлем и под четыре коня, изба со связью и двухдворовая усадьба, пяти- и шестистенки — как разнообразно было крестьянское жи-

лище! Постепенно, однако, дерево стали вытеснять. Его посчитали слишком хрупким и недолговечным по сравнению с металлами и новейшими синтетическими материалами. А между тем, в том же лесотехническом институте разработаны методы обработки древесины различными составами, которые позволяют значительно продлить вторую жизнь дерева. Да и исторический опыт свидетельствует об этом: века простояли вырубленные народными умельцами избы и церкви, боярские хоромы и крепостные стены.

Глядя на деревянные скульптуры, созданные Г. А. Поводом и его товарищами, а также на «Поляну сказок» (творение других авторов), где поселились Емеля со Щукой, Медведь, играющий на гармошке, и добрый Леший, у которого вместо усов выросли почему-то еловые шишки, — понимаешь главное: все эти произведения, помимо несомненных художественных достоинств, отличаются еще удивительной гармонией, слитностью с окружающей природой. Сделаны они из того же «материала», что растущие рядом деревья. Они — ее порождение и продолжение. «Живое и мертвое дерево должны быть рядом».

Вот по такому «переходному мостику» я и совершил путешествие в природу — тот путь, который мы проделываем, когда с душой открытой и доброй пытаемся проникнуть в ее сокровенные тайны, а не идем с нестигаемым упорством напрямик, оставляя после себя потомкам мелеющие реки, заросшие лебедой и польной многокилометровые отвалы и иные образцы человеческой недалекости.

Таких путей, впрочем, много.

В СОЮЗЕ С «НОВОЙ» НАУКОЙ

Будь искренен, читатель: когда заходит речь о городском озеленении, тебя часто охватывает скука? И, кажется, все так просто! Да, надо: больше сажать деревьев и кустарников, лучше за ними ухаживать, разумно омолаживать старые посадки. Не надо: рвать цветы, уничтожать якобы мешающие строительству бульвары и скверы и просто зеленые островки, превращать тополя в растительных монстров... А бесконечные проблемы нашего «зеленого строительства», конечно же, объясняются только чьими-то нерадивостью и равнодушием. Как говорится, проявляйте, граждане, сознательность, не ходите по газонам — и все будет хорошо!

Что ж, обращусь тогда к области знаний, которую сегодня каждый признает наукой. Речь идет об экологии. По словам академика С. С. Шварца, это — «теория создания измененного мира». Именно она должна выяснить, что нужно делать, чтобы наш город стал, как выражаются специалисты, средой, благоприятной для жизнедеятельности и отдыха людей.

Создать такую среду без растений невозможно. Но как их садить, каким видам деревьев и трав следует отдать предпочтение, как спланировать посадки, при которых достигался бы наибольший «оздоравливающий эффект» — на эти еще не решенные вопросы экологи и должны дать ответ. И, конечно, в содружестве с ландшафтными архитекторами.

Скептики пророчат: они всегда будут не в ладу друг с другом — три «кита», на которых держится городское озеленение: экономика, экология, эстетика. Как достопамятные лебедь, рак и щука, тянут они в разные стороны. Альпийская горка или цветник, безусловно, красивы, однако дороги и малочисленны с точки зрения эколога. Последнему по душе пришлись бы пресловутые живые изгороди и обширные по территории густые посадки деревьев — гигиеническая их роль, несомненно, выше. Как отмечает ландшафтный архитектор Л. С. Залеская, система парков Лондона — «это не мелкие пятна зелени, разбросанные по всей территории города, а участки зеленых насаждений, возведенных в самой гуще застройки. Огромные лужайки, водоемы, группы старых вековых деревьев создают в центре города условия, близкие к природным». А в США даже готовят специалистов по городскому лесоводству...

Мы же по-прежнему ориентируемся только на тради-

пионные клумбы и равномерно редкоствольные аллеи посадки. И словно забываем, что городской ландшафт должен строиться на контрасте регулярных архитектурных застроек, густонасаженных деревьев, кустарников — и широких свободных пространств, занятых цветами и газонными травами. (Ведь это азбучная истина для ландшафтного архитектора!). Достигается мнимая всеохватываемость, а по сути — распыление средств и минимальный экологический эффект.

К сожалению, сегодня почти нет четких представлений об оздоравливающих свойствах зеленых насаждений в зависимости от вида растений, размеров и планировочной структуры зеленых зон. Мало принимается во внимание и то, что городской природный ландшафт очень динамичен, а старые запущенные посадки могут сыграть и отрицательную роль, став источником болезней растений.

Ученые подсчитали, что в «экологически сбалансированном» городе площадь зеленых насаждений должна занимать не менее $\frac{1}{3}$ территории города. Биолог из Гарта В. Мазинг утверждает: для выращивания растений в городе надо использовать все свободные пространства — не только бросовые земли и неудобья, но и стены, крыши домов. При этом более, чем площадь, важна биологическая продуктивность и продолжительность вегетационного периода растений. Вот почему так желанны на наших улицах хвойные породы, а также деревья и кустарники с рано распускающимися почками и поздним осенним листопадом. Нужны растения пыле- и газоустойчивые, быстрорастущие, способные легко размножаться и стойкие к болезням и вредителям.

Вообще же селекция «городских» деревьев и кустарников только начинается.

Немало сторонников находит теория «мозаичности» городского ландшафта. Ее приверженцы склонны полагать, что следует стремиться не столько к созданию некой абстрактной «оптимальной» среды, сколько к разнообразию городских ландшафтов. Иными словами: если в городе протекает река, имеются холмистые участки и озеро, территория естественной растительности, окруженная новостройками, — надо их все сохранить, добиться, чтобы «жизненный тонус» был достаточно высок. Чем разнообразнее живая система, тем она устойчивее.

Сады и парки должны создаваться и с учетом фитонцидной активности деревьев и кустарников. Более полувека назад ботаники Г. Моллиш и Н. Г. Холодный открыли, что все растения выделяют летучие вещества — фитонциды. Оказывается, эти газы «невидимки» уничтожают микроорганизмы и очищают воздух. Влияют они и на самочувствие и настроение человека. Увы, вопрос этот изучен еще так слабо, что проектировать, скажем, сквер с определенными фитонцидными свойствами озеленитель не может.

Неверно утверждать, что экология — безродное детище наших дней. Слов нет, именно в последние годы остро встала перед нами проблема охраны природы и выживания человечества в среде, которую оно изрядно подпортило. Как грибы после дождя, появляются экологические комитеты, союзы, неформальные объединения. А в ряде стран партии «зеленых» надеются завоевать парламентское большинство, обещая оздоровить планету. И забывается, что в любую «темную и мрачную» эпоху всегда можно было найти примеры рачительного и вдумчивого отношения к природе. Очередная «новинка» вдруг оказывается полужабытой идеей.

Еще в XIX веке была разработана концепция лесопаркового пояса вокруг крупных городов. И именно тогда Вена и Будапешт окружили рукотворные леса. Эта своеобразная «ограда» должна была оздоровить атмосферу самих городов и защитить прилегающую растительность от промышленных выбросов. Рост населения привел, однако, к тому, что застройки стали появляться... по обе стороны зеленого пояса, который, оказавшись внутри города, или погибал постепенно, или «съедался» новостройками. Так, с легкостью, походя, одни безжалостно уничтожали то, что выстрадали в научных спорах другие. А терпеливые озеленители начинали все заново в надежде на мудрость будущих поколений...

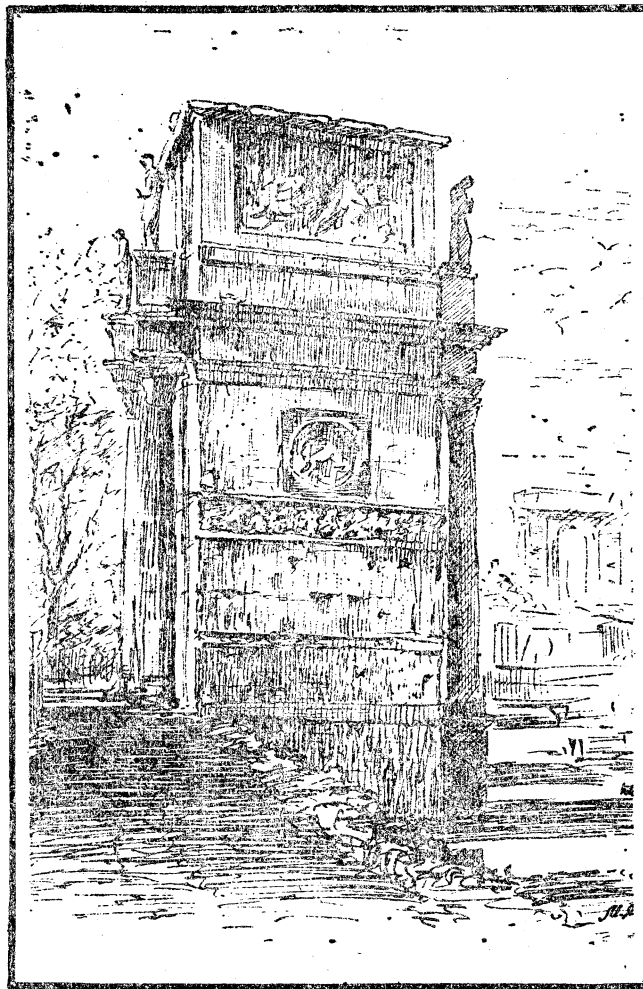
И вот мир дожил сегодня до гамлетовской дилеммы: быть или не быть? Оправдает ли гомо сапиенс свое название — человек разумный? Сотворит ли царство социальной и природной гармонии — ноосферу, как мечтал об этом великий В. И. Вернадский? Или сбудутся мрачные прогнозы Б. М. Козо-Полянского, утверждавшего, что человек уничтожит живую природу и станет ликвидатором собственной эволюции? Эти вопросы остаются открытыми...

Вот так, дорогой читатель, начав разговор на «банальную» тему, мы вдруг пришли к выводу о большой значимости ее для выживания человечества. Не так уж неожиданно, как можно было бы представить, основываясь на бодрых реляциях иных «героев» зеленого строительства... Для них собственное дело — маленькое и скромное — конечно, не связано с глобальными проблемами.

Наш город — наш дом. И все мы должны принимать участие в его создании в меру своих возможностей. В меру собственной компетенции. И в союзе с людьми знающими. Для них это дело — призвание, ему они отдадут свои силы и душу.

Профессиональные экологи и ботаники, цветоводы и ландшафтные архитекторы должны иметь возможность полностью посвятить себя делу, которому служат. Предоставит ли наше время им такую возможность?..

Рис. Михаила Меницкова

НЕЩЕЧКО

Повесть

Леонид НЕЧАЕВ

Рис. Николая Мооса

Часть вторая

Волк

1

Привяли травы, посветлел от золотой листвы лес. Хлопотали, наедались к отлету зяблики, овсянки, зарянки... Птицы шли в отлет дружно, а это по примете — к строгой зиме. Торопились в путь скворцы и грачи. Недалек день, когда потянут над лесом последние перелетные птицы — журавли, утки...

Все готовились к зиме — каждое творение согласно со своей мудростью. Кроты, мыши усердно запасались кормом. Трава и та на зиму откладывала в корни запас.

Иван ловил на озере в водорослях леща, который еще клевал на червя, короеда и кузнечика. Еще брала на живца щука, но, хоронясь от надвигающихся холодов, она, долго не раздумывая, зарывалась в илистые ямы. Рыбалка становилась никудышной. Язь перестал клевать, начал уходить на

зимовку в глубокие места. В зимовальные ямы стала прятаться плотва; туда же скатывался ерш.

Рыбы у Ивана все же было навялено немало. Он хранил ее частью в избе, частью в амбаре. Припасы, присланные Петром Филиппычем, он расходовал очень экономно. Однако нужно было либо как можно скорее выбираться из суземка, либо основательно готовиться к зиме: промстить срубец, печь поправить — вся потрескалась, сходить в Алексеевское за новыми припасами и, если уж зимовать в лесу, выправить документ на охоту.

В любом случае надо было сходить в Алексеевское, поспрашивать, не продается ли в самом Алексеевском или где-нибудь в округе по сходной цене изба. Разузнать насчет работы. Может, его в самом деле возьмут в объездчики. Хорошо бы...

Что бы ни делал Иван — ловил ли рыбу, брал ли клюкву на кочкарнике, обдумывал ли будущее свое устройство — он часто с испугом спохватывался: а где же мишка? — и, вспомнив, что отвел его в лес, заругнет. Не раз ему казалось, будто медвежонок глядит на него из темного угла избы; не раз в лесу чудился он то в кустах, то на дереве; а уж снился чуть ли не каждую ночь: то маленький и почему-то рыжий, сидит он одинешенек на прогалинке и жалобно ревет, то ползет к Ивану и все никак не доползет... Проснется Иван — сердце от жалости разрывается. Лежит, вспоминает, как спал с приемышем и как тот угревал ему бок; как, бывало, в бескормицу, не получив угощения, мишка ворчал и ходил взад-вперед, сокрушенно хватаясь лапами за голову; как медвежонок хорошо разбирал, когда лучше было не подходить к Ивану, а когда можно было гладкой-лаской одолеть сердитость Ивана и склонить его к забаве...

Без медвежонка пусто стало в избе. Иван теперь даже заводил ходики. «Для цивилизации, — говорил он. — А то живу по-звериному, в безвременье». Но от громкого тиканья ходиков в избе становилось еще тоскливее.

«Чего жду? — подавленно думал Иван. — Нужно немедля идти в Алексеевское». И не хотел признаться, что все еще боится за медвежонка, которого доверил лесу; что хочет быть рядом со своим нещечком; что безрассудно надеется встретиться с ним...

В канун того дня, в который Иван по своему твердому решению должен был отправиться в Алексеевское, на Мокрой Поляне появились двое незнакомых в егерской форме. Иван поднялся из избы на крышу встречать их.

Оба при ружьях, с рюкзаками. Один высокий, с Ивана, но очень уж худ и сух — такому только за зайцами бегать; другой пониже ростом, молодой; лет двадцати пяти, тоже хвощ хвощем. У высокого водянисто-серые, холодные глаза, нос с хищной горбинкой. Он здоровается не подавая руки; а молодой даже не сказал «здравствуйте» — кивнул головой.

— Ну, как поживаем? — сдержанно поинтересовался высокий.

— А ничего, — ответил Иван. — Кормлюсь пока на болоте... Да егерь Петр Филиппыч не забывает, кой-чем поддерживает. Мне много не надо — одной головой живу...

Еще не зная толком, кто перед ним и по какому

Окончание. Начало в № 2.

делу, но видя людей в форме, Иван уже признавал их за начальство и, хотя не чувствовал за собой вины, отвечал, как бы оправдываясь.

— Петр Филиппыч уже не егерь,— строго сказал молодой.— Вместо него теперь Ястребов,— представил он высокого.— Просим, как говорится, любить и жаловать.

— А это Полазнов,— в свою очередь отрекомендовал Ястребов молодого.— Тоже, как видишь, егерь.

— Мы в целях безопасности вдвоем,— зачем-то объяснился молодой.

Ястребов огляделся, посмотрел испытующе на Ивана:

— Значит, живешь ничего?

— Одна голова и бедна — да одна...

— Одна говоришь? — вскинул белесые бровки Ястребов.— А медвежонок?

Ивана бросило в краску. Вот оно что! Вот как жуликал Артюхин!..

— Только не надо отпираться. На тебя доказали. Есть два свидетеля,— говорил Ястребов, похлопывая ладонью по висевшему на боку планшету.— Выдай медвежонка, и оформим соответствующие бумаги.

Иван опустил голову, вздохнул:

— Это верно, держал я медвежонка...— Помолчав, поднял на Ястребова беззащитный взгляд:— А потом отвел его в лес...

Ястребов по-птичьи, боком взглянул на Полазнова:

— Осмотри избу.

Тот ткнулся к избе и остановился, не зная, как в нее войти.

— Я через дыру лазаю,— подсказал Иван и добавил, как бы извиняясь:— В лесу человек лесует...

— Кто лесует, а кто и звереет,— произнес Ястребов, многозначительно глядя Ивану в глаза.

— Это верно,— согласился Иван.— Человек звереет, если он с корня срезан.

— С какого такого корня?

— А с правды человеческой...

— С человеческой? — переспросил Ястребов, уже с любопытством глядя на Ивана.— А какая же еще есть правда?

— Вольная.

Ястребов хотел было продолжить интересный разговор, но в этот момент Полазнов высунулся из дыры и объявил, что медвежонка в избе нет.

— Обыщи баню и амбар,— скомандовал Ястребов и снова обратился к Ивану:

— Для подсадки держишь?

— Кого? — спросил Иван.

— Или на шубу?

— А!..— осклабился Иван и щипком оттянул на груди рубаху:— Видал, в каких я шубах хожу? До сквозины пронеслась. А о порточкины хоть спички присекай.

— Не прибедряйся. Ты, говорят, избу покупать собираешься...

— Верно, хочу купить избушку... Ну, и с работой решить. Там Петр Филиппыч хлопотал насчет меня... Чтобы, значит, в объездчики меня взяли...

— Теперь никаких объездчиков,— сказал Ястребов, высматривая Полазнова.— Теперь об этом и думать забудь...

— Почему такое? — спросил Иван.

Ястребов молчал.

— Разве из-за медвежонка? Так ведь я его в лес отвел...

— И тут негу! — крикнул Полазнов.

Ястребов нахмурился:

— Обойдем деревню и прилегающую территорию.

Иван пожал плечами:

— Конечно, это ваше дело, но только зря вы ищете.

Обойдя деревню и опушку, они вернулись и, остановившись поодаль, стали совещаться. Наконец Ястребов подозвал Ивана.

— Веди нас на то место, где оставил медвежонка,— упрямо потребовал Ястребов.— Мы должны увидеть его самого или его следы.

— Или продукты его жизнедеятельности,— заторил Полазнов.

— Нет, не пойду я,— вздохнул Иван.— Нельзя мне с ним встречаться...

— Тогда накажем за нарушение! — раздраженно сказал Ястребов.

— Что же я нарушил?

— Вот что,— Ястребов достал из планшета тоненькую книжицу, полистал ее, ища нужное место.— Запрещается... Так... Запрещается добыча медведей текущего года, отлов медвежат для содержания их в неволе. За нарушения по указанным пунктам штраф до пятидесяти рублей... Понятно? Это тебе не я говорю и не он,— указал Ястребов на Полазнова,— это закон гласит.

— Так ведь медвежонок был присталой. Я его не добывал и в неволе не содержал.

Лицо Ястребова покрылось красными пятнами. Ему нечего было сказать.

— Теперь вот что,— помолчав, продолжал Иван.— Поскольку избу в Алексеевском я не купил и не знаю, когда куплю, мне, может, еще придется пожить здесь некоторое время. Стало быть, мне нужно разрешение на охоту. За чем я и собирался на завтра идти к вам. А вы сами пожаловали.

Полазнов, видя Ястребова в затруднительном положении, в замешательстве, бросился на выручку:

— Вам — разрешение?.. Вы меня извините, но это уже наглость. А кабан тоже сам себя убил и сам из себя жаркое сделал?

— Кабан — моя вина,— признался Иван.— Что было, то было.

— Так вот,— мерял Ивана негодующим взглядом Полазнов,— никакого разрешения вам не будет. Мало того, вы еще понесете наказание за незаконный отстрел кабана.

Говоря, Полазнов взглядывал на Ястребова, как бывало, Дуксан облаивал человека или зверя, взглядывая на Ивана, сверяя с ним свои действия и ожидая похвалы за рвение.

— Как так? — помрачнел Иван.— За кабана я уплатил... через Петра Филиппыча.

К Ястребову вернулось самообладание.

— Сто пятьдесят рублей ты уплатил в возмещение ущерба, причиненного государственному охотничьему фонду. То есть, действительно, за кабана. Но кроме того, ты должен еще уплатить и штраф — за нарушение. Понятно?

— Что ж непонятного? Штраф так штраф... — бормотал Иван в растерянности.— Скажите, сколько там. Уплачу до копейки...

— Разумеется,— отчеканил Ястребов.— Далее. За приобретение, хранение и использование гладко-

ствольного оружия без разрешения милиции и без охотничьего билета, за уклонение от регистрации и перерегистрации налагается штраф до двадцати рублей с конфискацией оружия. Понятно?

Не доверяя себе в том, что он правильно понял Ястребовскую речь, Иван посмотрел на Полазнова, как будто попросил его перевести книжную тарбаршину на простой язык.

— Ружье заберем,— перевел Полазнов.

— Ружье?..— изумленно переспросил Иван.

— Да, ружье,— безжалостно смотрел на Ивана Ястребов.

— Оно у него в избе висит, я видел,— сказал Полазнов.— Пойти забрать?

— Чего-о?..— выдохнул Иван. У него сжались кулаки и свирепо выпятилась нижняя губа.

Полазнов невольно отступил на шаг, а Ястребов для устрашения поправил на плече ружье.

— Ружье отцовское, довоенное,— тяжело дышал Иван.— Не дам.

— Наши действия правомерны,— стоял на своем Ястребов.

— Мы все правильно делаем,— «перевел» Полазнов.

Ивана душила ярость.

— Да я вас, правильных...— прорычал он.

Услышав угрозу, Полазнов снова испуганно пятился, а Ястребов снял с плеча ружье и наставил его на Ивана. Иван двинулся на ружье. Лицо у Ястребова от напряжения сделалось еще острее. Отведя рукой ствол, Иван взял одного и другого за шиворот. Ястребов оказался в правой руке, а Полазнов в левой. Приподняв обоих, так что они едва касались земли носками сапог, Иван сказал:

— Экие вежи! Хлопнуть бы вас лбом об лоб — и тоже ведь было бы правильно...

Разжав пальцы, он повернулся и, ссутулясь, пошел в избу.

— Рукам волю даешь?.. Ну-ну! — грозился ему в спину Ястребов.— Мы с тебя глаз не спустим! Посмотрим, по какой правде ты тут живешь!..

— Мы с участковым придем! — кричал уже издали Полазнов.

2

Смертельно обиделся Иван.

Теперь в обездчики точно не возьмут. Он, конечно, пастух грамотный, может и в пастухи пойти; да только теперь людям хоть на глаза не показывайся. Опозорен, браконьер...

И лесовать нельзя. Нет разрешения на охоту, ни даже на ружье. Пороху и то в магазине не продадут.

Что называется, проштрафился.

Теперь за ним следить будут. Вот до чего дожил. «Ну, ну...— гневно думал Иван.— Следи. Много увидишь...» Лицо его приобретало свирепый вид, серые глаза грозно сверкали из-под белесых бровей..

Посыпались осенние деньки, словно листья с дерева. Не успел глазом мигнуть, а уже летят по пустынному поднебесью журавли.

Деньки красные, погожие, а у Ивана на душе ненастье. Выйдет он на крышу, послушает, как журавли разговаривают, и еще лучше закручинится. Заберется назад в избу, «в логово» свое, задумается,

сидя беспряютно у окна. «Не в пору егеря сменился. Вон как круго все замешалось!.. Ну да что поделаешь, надо обмогаться. Ноги-руки свои, голова смышленная, глаз верен. Пока собою добр, пока года не поджимают, прокормлюсь в лесу, на болоте. Весной огород вскопаю — вон сколько земли гуляет! Полоску ржи посею, картошку посажу, грядку луку, кончик гороху... Все необходимое в хозяйстве есть: топор, пила, заступ, коса... Все отцовское-дедовское в сохранности: берестяная севалка, серп, цеп, ночвы, деревянные жернова, корчаги... Все старинное, сручное, крепкое... Небось, и тесто смекну затворить — напеку ржаных пирогов с горохом, как мать пекла».

Так на малое время заглаживал Иван свою тоску.

Нагуливая запасы жира, рыскали по лесу, по Мокрой Поляне кабаны; забегали снова и на заброшенные огороды. Всяк по-своему готовился к зиме. Подновляли, выветляли шубки лисы, белки, зайцы. Волк покинул логово, стал бродить. По привычке жались к дворам сороки — да что проку в пустых дворах? Позарывались в ил лягушки, попрятались в корье насекомые. Солнце все реже выглядывало из серого одеяла.

У всех все шло своим чередом, все заботы были во благо; у одного Ивана как стало неладно с зимы, так до сих пор все наперекосяк. Вроде ничего худого не делал, а увяз, как в болоте.

Не веселили его сердце ни гроздья калины и рябины на задах усадеб, ни преобильные моховики, козляки, черноголовики, ни северные гости, гонцы зимы — клесты, чечетки, хохлатые свистели — ничто, прежде радовавшее, всегда казавшееся новым, будто увиденным впервые в жизни. Колол ли он впрок дрова, собирал ли грибы, клюкву и бруснику по кочкарнику, резал ли и катал дробь, чинил ли зимнюю одежду — овчинную куртку, обшитую черной материей, суконную солдатскую шапку, рукавицы; он думал неотрывно об одном. Дело, действительно, крепко замешалось, запуталось. Что его в обездчики не возьмут, это еще полбеды. Что с новыми егерями вышло недоразумение, это похуже, это обида и бесчестие перед людьми. Но другое мучило Ивана. Не забыл он слов Артюхина о пределе человеческой доброты. О том, что человек добр до случая.

Неудобная эта мысль, точно коряга в ручье, затрудняла течение Ивановой жизни. Его прямая душа не могла обойти опасную мысль. Ее нужно было одолеть, потому что недодуманная она подстергала, как подраненный хищный зверь.

...Вздев на плечо ружье, Иван выбрался из избы. Огляделся; пошел поляной, затем лесом-болотняком. Шел к густым ельникам, где прятались слишком рано перелинявшие зайцы. Впрочем, беляки забегали и в болотняк: зеленая кора на осинах — горькое заячье лакомство — то тут то там подглодана по голени. Не останавливаясь, Иван снял ружье с плеча, зажал его под мышкой, надеясь выстрелить по косому, если тот вдруг выскочит из кустов.

«Уязвил ты меня, Артюхин,— тоскливо думал Иван, обшаривая взглядом кусты.— Ну и ладно. Никто не хорош — ни волк, ни человек. У всех природа на худое повернута... Если человек чем и отличается от волка или от собаки, то тем лишь, что дальше всех вперед смотрит. Собака тоже вперед кости прячет — да на сколько там ее умишка хва-

тит: на день, на два, на неделю! А то зароет и забудет. И медведь-скотинник тушу впрок зарывает. И белка — на целую зиму запасает. Но все же с человеком никто не сравнится».

Хотел Иван знать последнюю правду о человеке и думал об этом неотступно.

«Страшная она, волчья правда, — хмурился он, вышагивая широко и твердо и без нужды крепко сжимая в ладони гладкое ружейное ложе, — да не страшнее человеческой. Волк режет овцу не жалючи — и оттого он у нас плохой. Мы же порешаем ее с жалостью — и потому считаем себя хорошими».

Он еще больше выпячивал свирепую губу и зыркал исподлобья по кустам, желая немедленно выпалить в зайца и как бы доказать тем самым, что он, Иван, в самом деле таков же, как волк, и даже хуже того.

«Хорош человек! Одомашнил животных, вошел к ним в доверие, попросту сказать — обезоружил! — и теперь со спокойной совестью режет их... Хуже волка такой человек, потому что волк не ищет себе друзей для пропитания впрок. Хуже волка, потому что волк не может обходиться без мяса, а человек может — а мясодоступен. Хуже, потому что волк достает зверя бегом и клыками, а человек огнестрельным оружием...»

Не гладил Иван человека, нет! Круто наводил справедливость: каков есть, таков есть.

Тяжелые, неподым мысли отнимали не меньше сил, чем долгая ходьба по болотному кустовью да по чашобе с ветробоем. Если бы Иван еще больше вник в себя, то должен был бы признаться, что думание для него нынче едва ли не важнее добывания пищи.

Так и вышло: отвлекшись мыслями, проглядел зайца. Вскинул ружье, бабахнул — беляк, в зимнем светлом жилете, цел и невредим; припрыснул между кустами, только его и видели.

— Экая я ворона! — сердито тряхнул ружьем Иван.

Сстуляясь, нырнул в ельник, куда ускакал беляк. Ступал бесшумно по мху, сожалея, что нет Дуксана — тот живо затравил бы лопухого. Бегать за зайцем без собаки — все равно что ветер ловить.

Еще несколько раз выпрыгивал из-под елок стропуный Иваном беляк, гремел выстрел за выстрелом — но безрезультатно. То ли ружье не пристреляно, то ли Иван худой стрелок стал...

«А может, я дурака валяю, жалость разыгрываю? — все больше обозлился Иван. — Неужто зайца дробиной не достану?..»

В который раз вспомнились ему клыки — кабаньих и волчьих — и он привычно провел кончиками пальцев по рубцу на бедре и на шее. «Тут выбирай, — думал он, перезаряжая ружье. — Либо превосходи могуществом волка, либо превращайся в зайца, грызи кору и бегай от волчьего зареза».

Через некоторое время, поднятый страхом, выскочил на прогалину и замер на задних лапах крупный беляк. И тут Иван увидел, что это было то самое место, где он оставил своего нещечка, доверчиво евшего обманный хлеб...

Глупый беляк торчал на прогалинке, как пенек. Иван только что не застонал от душившей его тоски; разрядил ружье в небо и быстро зашагал прочь, не разбирая дороги.

Выйдя на Мокрую Поляну, он остолбенел: над остатками его избы нехотя поднимался пресыщенный пиршеством черный дым.

«Припасы! Порох!» — бросился Иван к избе.

Огонь сожрал верх избы. Крыша сгорела дотла; потолок рухнул; верхние венцы выгорели до самых окон. Пожар начался наверху, в дымоходе. Давно пора было очистить дымоход от сажи...

Порох сгорел. Консервы на поставце были целы. — Беды по бедам! — бормотал Иван, осматривая пожарище. — Безчастный я человек...

Они уже притерпелись друг к другу — Иван и волк. Упорно, неуступчиво брели по глубокому снегу, не сближаясь и не теряя друг друга из виду.

Оба преследовали лосиху, уходившую в сторону Красной рели. Иван шел по ее следу, а волк передвигался поодаль справа, маяча в голых кустах.

Лес, казалось, звенел от мороза. После сухого, жаркого лета зима выдалась крепкая. Как схватило с самого начала, так не отпускало ни на день. Недвижно, покорно стоял лес, пережидая небывалую лютость. Все живое попряталось, и только трое — лосиха, Иван и волк — брели сумеречным долгим утром к Красной рели...

После пожара Иван перебрался в соседнюю избу, где прожила свои сто лет старуха, которую до самой смерти все, даже дети, запросто звали Катей. Катина изба еще при жизни хозяйки от ветра жилахалась, а теперь так обветшала, что, кажется, от дыхания качается. Ткни — махоркой рассыпется. Иван перенес туда съестные припасы и кое-какие уцелевшие пожитки. Зачем-то повесил на стену ходики, которые, впрочем, с посещения егерей не заводил. Выискал среди обугленных бревен и бритвенный прибор с продавленным зеркальцем, но с пожара не брился. «Вот, — сказал, переселившись, — буду доживать, как жук подпленный».

Легко сказать «буду доживать»; а консервы, вяленая рыба, сушеные грибы, ягоды — на исходе. А пороху нет. А душа от неустройства ноет, вся истомилась, извелась...

Сядет Иван на железную кровать с веретьем, набросанным поверх панциря, уставится на неподвижные ходики и сидит так невесть сколько. Потом махнет рукой и скажет горестно: «Живу — ни волк, ни пес!»

Одолсвала его безнадежность. Но, хотя Иван и повторял, что зря он, безчастный, на свет народился, что теперь у него даа друга — метель да вьюга, что рад бы он встретить случайную смерть, в глубине души тайлось желание перешагнуть через обиду и отчаяние и сейчас, немедленно уйти к людям. Однако непросто было сделать этот шаг. Непросто и — возможно ли? Обида его была подобна помрачению.

Иван словно ждал какой-то крайности, которая решила бы все.

Поэтому, когда припасы кончились, он как будто даже с облегчением сказал: «Ну вот, есть нечего — на что надеяться?»

Сидел, голодный, в избе, вспоминал свою жизнь и, словно просыпаясь, вскидывался: «Надо силки разбрасывать, капканы ставить, луки настораживать! Пора, давно пора. А ты, Ястреб, поймай меня в такую лютость! Да куда тебе. Небось, и нос на улицу не высунешь...» Иван торжествовал от чувства превосходства над Ястребовым.

Но тотчас вспоминался другой обидчик, Артюхин, и Иван тяжело дышал в бессильном гневе. Артюхин захлестнул на Иване такую петлю, из которой, кажется, ни в жизнь не выбраться... «Вот худо-то, вот худо,— бормотал Иван, беспокойно расхаживая по избе.— Как подумаешь, что ты человек — до крайности, а в крайности — волк, так жизнь и становится постылой, а смерть желанной».

...Нынче он вышел в горячке из избы — снегу к лицу приложить — и в сумерках углядел в огороде след. Подошел, наклонился.

Прошел лось. С кровью.

Иван огляделся: кто-то должен тропить зверя. Не увидев никого, сбежал в избу, оделся.

Пошел по следу, замечая, с какой стороны капала кровь. Черные дырочки в снегу виднелись то справа, то слева. Значит, лось ранен в голову или в шею. Оглядывается, роняя капли крови то справа, то слева.

Вскоре он настиг раненое животное. Им оказалась стельная лосиха. Она шла медленно, с останками.

Озираясь, Иван нащупал под курткой на брючном ремне охотничий нож. С сожалением подумал о том, что не прихватил топор. В последнее время совсем растерянный стал.

Взявшись за рукоятку ножа, еще раз оглянулся — и тут увидел позади себя в бреднишке волка. Тот недвижно стоял в кустах, следя за Иваном.

— Ну, чего? — хрипло сказал Иван, доставая нож. — Никак в третий раз встретились...

Волк метнулся в лес.

Иван перевел взгляд на корову. «Так вот кто тебя ранил!.. Бросился, стало быть, на шею, а ты стряхнула его. Ну-ну, поглядим, что дальше будет...»

Время от времени Иван резко оглядывался и замечал волка, серой тенью мелькавшего среди кустов.

— Злой год, злой... — бормотал Иван, закрывая рукавицей заросшее бородой и усами лицо. Мороз жег легкие, и Иван кашлял. Корова, останавливаясь, тоже кашляла. Она отдыхала все чаще, и теперь Иван шел почти вплотную за ней. У нее был гладкий круп, провисшее брюхо, ноги в белых чулках.

— Жалко тебя, большеухая, — шевелил Иван онемелыми губами. — Ну да что подделаешь... Крепись, хоть разопрись. Надо нутрону набивать.

Бесконечно тянулись сумерки. Казалось, что незаметно они из утренних перешли в вечерние, так и не ставши днем. Корова едва передвигалась, судорожно выдергивая из глубокого снега ноги. У нее часто вздымались бока, из ноздрей с шумом вырывался пар; она фыркала, прочищая ноздри. Иван тоже быстро слабел и, отдыхая, прислонялся к деревьям.

Волк все чуял, видел и слышал и неотступно следовал за лосихой и за человеком, за жертвой и за охотником, который тоже мог превратиться в жертву...

Волк, должно быть, чувствовал себя обиженным: у него из пасти вырывают зараненного или зверя, которым по праву собирался попировать... Но настырность его, конечно же, была не от обиды, а из расчета: авось что-нибудь перепадет. Хоть кости, хоть снег с кровью.

Иван стискивал в руке нож, боясь уронить его в снег. Вот еще у него друг — нож. Только в лесу

сполна поймешь, что значит для человека острая, холодно сверкающая полоска стали!

Он вынул нож на корову, а теперь держал его против волка. Корова, она и сама свалится. Иван, можно сказать, и не охотился, а только ждал, когда корова сама рухнет. Если же понадобится, он добьет ее. Она все равно не выживет — истечет кровью. Или достанется волку.

Иван отрежет всего два оковалка. Или чуть больше.

Вытирая рукавицей слезившиеся от мороза глаза, бормотал:

— Брюхо погубит род человеческий. Ей-ей, погубит...

Остановившись, лосиха оглянулась на Ивана, как будто спрашивала печальными глазами, идти ли дальше, или же все должно произойти здесь. Иван тоже остановился. Корова вздохнула и покорно пошла дальше.

Волк перебежал от куста к кусту сзади и чуть сбоку. Приглядевшись и принюхавшись, он почти перестал прятаться. Человек без ружья. Значит, можно приблизиться. Волк люто морщил нос и наседал, подгоняя охотника. Ему не терпелось броситься на жертву, но он не мог оставить у себя за спиной человека.

Иван косился на волка: тот был лобаст, с крепкой шеей и грудью; по покатою спине шла темно-рыжеватая полоска остевых волос — возможно, это был волкопес, чем и объяснялась его необыкновенная дерзость. Иван уважал волчью силу и выносливость. Уважал он и волчий ум, особенно проявляющийся, когда волки охотились стаей. И сейчас он видел этот ум. Волк предлагал охоту вдвоем. Он оттирал Ивана вперед и влево, а сам забегал справа, чтобы кинуться растерявшемуся животному на шею.

— Хлопочешь? — бормотал Иван, тяжело дыша. — Дружка нашел?.. Ну, что ж... Ты ни волк, ни лось — и я ни зверь, ни человек. Ты одинок — и я одинок. Ты стар — и я стар. Ты голоден — и я голоден...

Кроме силы, выносливости и ума было в волке что-то такое, что не нравилось Ивану. Даже в фигуре его было что-то двойственное, подлое: грозный перед с хищной пастью, с настороженными ушами, с мускулистой шеей и могучей грудью — и трусливо подбравший зад с постоянно опущенным хвостом.

Волк, конечно, нападал и на сильных зверей и существ — и на лося, который ударом копыта может проломить ему грудь, и даже на человека, который может ранить или убить его ножом; но нельзя сказать, что волк предпочитает бой на равных; волку все равно, кого резать: Ивана, корову, овцу или совсем беспомощного утенка в гнезде; волку лучше, когда жертва безоружна и беззащитна; волки любят охотиться стаей, они преследуют лося по глубокому снегу, по насту, который выдерживает тяжесть волчьего тела и позволяет быстро настигнуть взынувшего в снегу лося, волки любят загонять лося на наледь, в полыньи, в бурелом; а для одиночек легкой поживой становятся подранки и стельные самки. У волка, кроме правды хищной силы, другой правды нет.

Теперь, когда Иван волей или неволей подчинился волку, отвращение к волчьей подлости стало и отвращением к себе.

Живя среди людей, порой трудно узнать, добр человек на самом деле, или он только лишь хочет

выглядеть таким перед другими. Про инюго думалось: оградись он с полным ручательством от человеческого осуждения, каким бы он себя выказал?.. И вот теперь, оставшись один в сонжинском суземке, в пропавшем месте, где нет ни тору, ни езды, Иван с удивлением обнаружил, что ему не безразлично, каким быть. Живешь один, как черт в болоте — будь каким хочешь, каким придется быть! Лучше волка, хуже волка — не все ли равно? Никто тебя не видит, сам только видишь себя. Да видит корова. Да волк. А все оправданий ищешь. Перед кем? Зачем?

Дивно...

Иван шумно вздохнул. И жалость душит, и отращение гложет — а голод велит. Все мучение — и совесть, и голод. Выбирай!

«Ага! — обрадовался Иван и повернулся к волку. — Вот наша с тобой разница. Я могу выбирать, а ты нет... У меня жалость к корове — а у тебя нет. У меня отращение к себе — а у тебя нет. Я предпочитаю схватываться на равных — а ты...» Иван осекся; повернулся к лосихе — та легла, но тут же взметнулась, пошла.

4

Солнце поднялось над деревьями и остановилось. Лес, смотревший утром хмуро, настороженно, теперь доверился солнцу, просветлел, повеселел. В глухом ельнике Иван услышал клестов. Вертятся они, красноватые и желто-зеленые, на елке-кормилице, из шишек жирные смолистые семечки выклеивают, перекликаются, довольные всем на свете. Вот уж кто не боится стужи! Даже птенцов зимой выводят.

Ожил лес. Там заячий следочек, там лисий. А там снег взорвался — рябчик выпорхнул. Из лунки тяжело и стремительно вылетел глухарь, потянул наискосок к вершинам голенастых сосен. У него полет сильный и ровный — поневоле залюбуешься...

Иван насупился. Тут подошла бы его тулка — ружье кучного и резкого боя. Ударил бы по петуху в лет крупной дробью — только перья полетели бы...

Доверился лес солнцу, а солнце обманчивое, студеное. Не успело взойти — уже садится. Зимний день короток и лют; а ночь еще лютее. Небо ясное, мороз безжалостен.

Несмотря на ходьбу, колени у Ивана становились бесчувственными, пальцы на ногах тоже немели. «Кабы мне унты, как у тех, что на вертолетах прилетали, — подумал Иван, — да полушубки ихние...»

Волк наседавал, и Иван, избегая волчьего прыжка, шел быстрее, обходя лосиху слева. Ему не хотелось схватываться с волком. Ему нужна была пища. Кусок мяса — чтобы, наконец, утолить голод.

Выбиваясь из сил, корова поднималась на Красную рель. Прижатая сзади волком, а слева Иваном, она вынуждена была карабкаться по самой крутой и ползкой части склона. Справа от нее гряда обрывалась отвесным высоким берегом. Корова взбиралась по кромке. Один неверный шаг — и она сорвется и разобьется насмерть.

Волк вел себя напористо и в то же время осторожно. Бывалые всегда осторожны.

Он подгонял человека, управлял им, потому что человек не преследовал корову, а просто следовал за ней. Иван лез в гору, уже подчиняясь не столько

своей воле, сколько волчьей. Так идти было легче. Волк это чувствовал и продолжал нажимать.

Он ненавидел человека и при малейшей возможности прыгнул бы ему на плечи и рванул бы клыками шею. Но он улавливал в Иване что-то такое, что внушало ему страх... А главное — есть более верная добыча: корова. Потому что она более слабая. Самая слабая из троих. И потому что против нее большинство.

Старики много рассказывали про волчий ум. Свои волки никогда в Выползихе не разбойничали — и тем самым уберегали логова от беспощадного разорения, а себя от истребления. По разумению Ивана весь волчий ум сводился к самосохранению любой ценой, чем и объяснялось то, что «свои» не разбойничали в Выползихе даже в голодные времена. Голодали — зато жили. Тем более, что голод они переносят лучше всех: могут не жрать и по две недели кряду, оставаясь при этом сильными и неутомимыми. Да они и не голодали — бегали в Алексеевское. На махах за час-полтора туда добегут...

Нет, все же не нравился Ивану волчий ум. Другое дело медведь. После человека — первый ум в лесу. Матуха за медвежат себя не пожалеет. А волчица — был случай в суземке — на малых ребят не напала, когда они волчат из логова таскали, хотя волчицы и волки любят-таки своих детенышей и по-родительски очень заботливы.

Тут подлость себялюбия. Злые шутки играет с себялюбцами их природа, бросая то в крайность страха, то в крайность безразсудства. То ребят побоялись, а то за почтальоншей, в розвальнях сидевшей, в самое Алексеевское примчались, и двое из стаи получили по горсти дрови в брюхо.

...У Ивана темнело в глазах; он с силой зажмуривался и резко открывал глаза, прогоняя морок. В глазах плавали огненные брызги; лицо горело. «Худо. Горячка...» Он зачерпнул снегу, приложил к лицу. Постоял, прислонившись спиной к толстой сосне. Оглянувшись, увидел совсем близко от себя неподвижно стоявшего волка. Долго смотрел на него, как будто вспоминал что-то и никак не мог вспомнить. Наконец произнес равнодушно, безжизненно:

— Никакой ты не Дуксан. Ты даже не похож на Дуксана.

Помолчав, сказал с обидой:

— Это ты сожрал моего Дуксана! А теперь хочешь сожрать меня.

Волк выжидал. Иван отвернулся от него и ступил к корове, застрявшей в снегу по самое брюхо. Шел, браня наглый волчий род:

— Не зря вас ампулами перетравили. Чести не знаете... Гляди — меня в стаю вбил! Думаешь, ночь-матка — все гладко?..

У Ивана закружилась голова, и он опустился в снег на колени.

— Коровы захотел? Ишь, пряткий... Толсто будет...

Поднялся, побрел, проваливаясь по пояс.

— Не на Дуксана ты похож, а на этого... который избу поджег...

У коровы часто вздымались бока, отчаянно раздувались ноздри. Иван подступил к ней на расстояние вытянутой руки. Снимая рукавицы, переложил нож в левую руку.

Здесь легче всего расправиться с ней. Правым боком она уперлась в сосну, отделявшую ее от обрыва. Иван зашел к ней почти спереди, к большой горбоносой морде. Хотя преследование подходило к успешному концу, он не испытывал никакой радости.

Корова покорно смотрела на Ивана. В глазах у нее стояли слезы.

Иван пошатнулся и привалился спиной к сосне. Съезжая в снег, заметил, как трусливо и злорадно следит за ним волк. «Вот и моя смертушка», — подумал Иван... И почудилось ему, будто сидит он летом на горячей земле под избой, прислонясь спиной к венцам сруба и вытянув ноги, а нещечко, доверчиво примостившись у него между ног, лакомится сахаром.

Иван хочет улыбнуться, но онемелые губы не растягиваются. Он открывает глаза.

Корова изводила волка своей близостью, запахом. Она смертельно устала; человек тоже. Доступность искушала волка, притупляя осторожность и страх. И он, метнувшись мимо неподвижного человека, прыгнул на лосяху и повис у нее на шее. Она взметнулась, и волк скатился в снег. Иван выбросил руку и со всей своей чудовищной силой схватил волка за шею. Волк судорожно задергался, скребя когтями задних лап по куртке и норю извернуться и ухватить пастью руку. Иван поднялся, ступил шаг, другой; отвел руку с намертво зажатым в ней зверем, как будто намеревался бросить его с берега вниз; но вместо этого с внезапной яростью широко размахнулся и страшным ударом преломил зверя о ствол сосны...

Ночью, пересекая сузенок, он несколько раз падал лицом в снег, и теперь ему казалось, будто он не прошел, а прополз весь свой путь. Падать в снег было опасно: можно обморозить лицо и хуже того — уснуть и не проснуться, — и он в минуты слабости торопился обнять дерево. Так он шел, обнимая березы и осины, которые по-сестрински поддерживали его.

В глубоком месте Иван упал в снег, и в тот миг ему показалось, будто он повалился в яму к медвежонку. Ослабившись, Иван прижался всем телом к своему дорожному, и сразу стало тепло.

— Дай-ка я о тебе еще поревную, — пытался шепельнуть губами Иван.

Все это время, с самой разлуки, он только и думал о том, как бы еще поревновать о своем сладком, вопреки рассудку мечтал снова встретиться с ним, готов был разыскать его берлогу и залечь с ним...

А корова, думал Иван, лежа в снегу, она отдышится. Подкрепится корой сосны, а потом спустится в чернолесье — на брединник, осину, рябину. В апреле отелится; тотчас оближет и накормит своего горбоносого длинноногого телячка, и тот, под ее сильным и ласковым языком, а потом с соском в губах, дающим густое теплое молоко, подумает, что весь мир вокруг похож на мать: нежно дышит на него ветер, сладко пахнет трава, и солнце трогает его горячим и ласковым языком...

— Добро, добро... — бормотал Иван, и лес, казалось, еще более замирал, вслушиваясь в его долгожданную радость.

КЛАД ПУГАЧЕВА:

Легенды и факты

12 сентября 1987 года в «Строительной газете» появилась статья «Знаю, где клад!». Ее автор — бывший инженер-геолог, а ныне пенсионер В. Бондарев утверждал, что готов показать место, где захоронены несметные богатства, спрятанные Емельяном Пугачевым. Основанием для заявления послужила расшифровка рисунков на малахитовой плитке, принадлежавшей уральскому профессору А. Малахову.

Газета организовала экспедицию из энтузиастов города Ташкента. Уральскому производственному геологическому объединению было поручено оказать экспедиции всемерную помощь. Объединение направило квалифицированных геологов, обеспечило участников автомашинами, снаряжением и оборудованием на несколько тысяч рублей. С 26 июня по 22 июля 1988 года экспедиция искала клад, объявленный В. Бондаревым. Кстати сказать, она была уже одиннадцатая по счету.

ГОВОРЯЩАЯ ПЛИТКА

Профессор Анатолий Алексеевич Малахов был на Урале личностью известной. В разное время он работал в Свердловском горном институте им. В. Вахрушева, в Уральском филиале АН СССР, в Свердловском институте народного хозяйства, проводил исследования для Уральского геологического управления. Перу А. Малахова-писателя и публициста принадлежит около полусотни книг и множество статей, популяризирующих геологические знания.

Начиная с 1970 года, разные периодические издания напечатали статью А. Малахова о тайне малахитовой плитки — феноменальном, с его точки зрения, открытии.

Суть его состояла в следующем. Старый горщик подарил ученому малахитовую плитку. Профессор обнаружил на ней бесчисленное количество рисунков, исполненных в специфической «малахитовой живописи», названной им «уральским литостилем». Техника его сводилась к нанесению на малахитовую поверхность малахитовой же краской сверхминиатюрных изображений, которые можно разглядеть лишь при увеличении в несколько десятков тысяч раз. С плитки сделали несколько сот снимков, по которым и стали «расшифровывать» якобы нарисованное.

Из всех рисунков нас будут интересовать только те, что связаны с восстанием Пугачева. В частности, А. Малахов увидел рисунок Уткинского завода — место сражения восставших с правительственными войсками (ныне г. Староуткинск). В одной из статей фигурирует такой абзац: «У противоположного края плитки размещены пейзажи реки Чусовой, то есть все то, что расположено на западе Среднего Урала. В середине плитки — озеро Таватуй, Невьянск и Семь Братьев, а с юга в эту зону двигались «гонцы» с караваном наиболее секретных документов и ценнейшей части казны Пугачева».

С него все и началось. Толпы кладоискателей ринулись в долину реки Чусовой. Но попытаемся хладнокровно рассудить, мог ли быть здесь клад Пугачева, где возможное его захоронение и какова вероятная ценность.

ВЕРСИЯ «ПУГАЧЕВ»

Поскольку сторонники «клада Пугачева» указывают конкретную географическую привязку — реку Чусовую, то давайте проследим, пересекался ли путь Пугачева с бассейном этой реки.

Пребывание Е. И. Пугачева на Урале расписано буквально по дням. 22 ноября 1772 года он приехал в Яицкий городок и в доме Дениса Пьянкова впервые заявил, что он Петр III. В конце ноября — начале декабря этого же года новоявленный царь посещает Мечетную и Малькову, где 19 ноября его арестовывают и препрождают в казанскую тюрьму. 29 мая 1773 года он бежит на Южный Урал. Четыре недели сколачивает повстанческое ядро в Таловом Умете, в доме казака Оболяева. 15 сентября вблизи Толмачева Хутора он составляет свой первый манифест и, спустя два дня, оглашает его.

18 сентября Пугачев начинает движение вдоль границы с Малой казахской ордой, захватывая один форпост за другим. 5 октября он подступает к Оренбургу. В этом районе Пугачев находился безвыездно до 22 марта 1774 года, т. е. вынужден был снять осаду с Оренбурга и двинуться на северо-восток. С этого момента он уже нигде долго не задерживается. Терпит поражение под Троицкой крепостью и поворачивает на северо-запад. 11 июня проходит Красноуфимскую крепость, а затем движется на Осинский завод, вступая в район Нижней Волги. 24 августа 1774 года Пугачев проиграл свое последнее сражение — под Смоленской Ватагой. Брошенный всеми, с кучкой, казались бы, преданных казаков он бежит на реку Малый Узень, где 8 сентября «единомышленники» связывают своего царя и 15 сентября сдают правительственным войскам.

Итак, ближе линии Каслинский завод — Красноуфимская крепость Пугачев к бассейну реки Чусовой не приближался, а это не менее чем в 120 км от самой ближней точки бассейна.

Следовательно, версия, что Пугачев с отрядом лично захоронил клад на Чусовой, отпадает. Посмотрим другие варианты.

ВЕРСИЯ «БЕЛОБОРОДОВ»

Иван Белобородов — виднейший сподвижник Пугачева — гораздо более перспективен как «хозяин клада».

Его путь на Среднем Урале известен еще более подробно.

В своих показаниях следственной комиссии Белобородов сообщил, что узнал о восстании Пугачева 1 января 1774 года. 4 января он вместе с Кантазаром Усаевым вступил в Нижне-Иргинский завод, а 6-го, уже самостоятельно, захватывает Ачицкую крепость. Далее он движется на восток вверх по течению реки Бисерти. К ногам восставших падает Бисертская крепость (ныне с. Афанасьевское), Кленовская крепость, Бисертский завод Демидова, Киргизанская крепость, а в середине января — Грбовская (ныне с. Первомайское). Эта крепость уже находилась в бассейне реки Чусовой, и перед восставшими открывалось названное на реку ожерелье казенных и частных заводов, деревень и пристаней.

ЧЕМ БОГАТ КЛАД?

Войска Белобородова перешли Чусовую по льду, 18 января ворвались в Билимбаевский завод, а 20-го без особых трудностей захватили грунцу Васильевско-Шайтанских заводов (ныне г. Первоуральск). Более чем на месяц заводы становятся местопребыванием ставки Белобородова. Отсюда восставшие распространили свою власть от Ревдинского завода в верхней части бассейна Чусовой до Илимской пристани в нижней ее части.

Однако во второй половине февраля 1774 года началось общее контрнаступление правительственных войск. 19 февраля майор Гагрин разбил восставших под Красноуфимском, а затем форсированным маршем подошел к Уткинскому заводу и 26 февраля ворвался в него. Лишь небольшая кучка людей во главе с сотниками Перхачевым и Журбинским ушла на север.

29 февраля к заводу подошел сам Белобородов с главными силами. Он попытался захватить завод, но был наголову разбит и рассеян. Бросив припасы и артиллерию, Белобородов с тремястами человек бежал на юг и более здесь не появлялся.

Значит, можно предположить, что владельцем ценностей был Белобородов, а географически местонахождение клада привязать к Уткинскому заводу. До этого момента Белобородову не было смысла что-то прятать.

Иных вариантов не существует. Такие крупные военачальники пугачевского войска, как Казнафар Усаев и Салават Юлаев, никогда в долину Чусовой не спускались. Что касается более мелких руководителей восстания, то лишь сотники Перхачев и Журбинский могли что-то спрятать на отрезке от Уткинского завода до Илимской пристани.

ГДЕ ИСКАТЬ КЛАД?

Еще одна цитата из А. Малахова: «Другой рисунок удалось отождествить с одной из скал реки Чусовой. Я не буду рассказывать, как сложно было провести это отождествление. Потребовались многие годы этого. Совпали такие детали, как элементы залегания слоистости и трещиноватости, отдельные глыбки горных пород на заросшей части склона. Эта скала оказалась Камнем Боярин по реке Чусовой. Скала расположена недалеко от Староуткинского завода, где проходили батальи в пугачевские времена».

Казалось бы, все укладывается в последовательный ряд рассуждения: караван с казной и документами — долина реки Чусовой — Уткинский завод — скала Боярин. Но кто же мог захоронить клад? Разгромленные под Уткинским заводом войска восставших паннички бежали вниз по реке и в тот же день сдались в плен. Когда к заводу подошли основные силы Белобородова, то их также разбили. Вряд ли они шли на этот тяжелый бой с караваном ценностей и документов. Ни времени, ни смысла в этом не было. Захоронить клад в этом районе могли только сотники Перхачев и Журбинский после первого разгрома 26 февраля. Они двинулись вниз по льду реки и за каких-то 10-12 часов прошли около 40 км. Им-то был смысл увезти с собой ценности и архив, если таковые существовали.

Именно на их пути, примерно в 10 км от Староуткинска, на левом берегу Чусовой встретился Камень Боярин с пещерой, где они могли спрятать ценности и, завалив вход, двинуться дальше. Им предстояло пройти до конца дня еще 30 км до Илимской пристани, где они были задержаны кордоном капитана Дурново.

Но бывает и другое мнение. Отталкиваясь от той же цитаты А. Малахова, но расцвеченной последующими толкованиями, которых в опубликованных работах профессора нет, некоторые пришли к выводу, что клад в пещере Камня Кликунчик, ниже по течению на правом берегу Чусовой, примерно в 240 км от Староуткинска.

Последователи А. Малахова указывают точно: золотой короной, в которую вмонтирован бриллиант в 90 карат, ценными предметами, деньгами в бочонках и секретными документами. В. Бондарев утверждал, что на Чусовой спрятана «Казна Российской империи», даже подсчитал стоимость клада: ни много, ни мало — два миллиарда рублей!

Под термином «Казна Российской империи» в XVIII веке подразумевалось собрание ценностей, принадлежавших императорскому дому, а также актив государственных банков. Это не только денежные запасы, но и драгоценные металлы, золотые и серебряные монеты в бочонках, ювелирные изделия, коронационные уборы, платья, усыянные самоцветами и жемчугом, исторические драгоценные камни, штучное оружие и доспехи.

Со времен Ивана Грозного и вплоть до 1917 года казна лишь дважды покидала свое место: в 1812 и 1915 годах. Путь ее перемещения точно известен. В период восстания Пугачева «Казна Российской империи» обреталась в хранилищах и на Урал не выезжала. Впервые она попадает на Урал в Гражданскую войну.

Что касается пугачевской короны, то это утверждение и вовсе фантастично. Ни в одном документе нет упоминания о том, что Пугачев появлялся в короне.

Про захват Пугачевым огромных ценностей ходят легенды. Однако все случаи точно учтены в архивных документах. Общая сумма денежных реквизиций составляет около 200 тыс. рублей. Заметим, что самые крупные суммы были изъяты в последние недели восстания в низовьях Волги и на Чусовую никак попасть не могли. Ценных же вещей было захвачено сравнительно немного и главным образом на Южном Урале. Они уместились в семи сундуках, что хранились у Пугачева в Бердской слободе. Их содержание описывает В. Шишков в своем романе: «В первом сундуке были материи кусками и 25 серебряных чарок; во втором — мужские бешметы и казачьи уборы с позументом; в третьем — восемь шуб мужских и женских, в четвертом — меха лисьи и белычьи, в остальных трех сундуках — серебряные стаканы, чарки, подносы, подсвечники, кумачи, китайки, белье, домашняя рухлядь».

Все это было разграблено или захвачено царскими войсками после бегства Пугачева из-под Оренбурга.

Можно также сосчитать, какую денежную казну взял Белобородов в бассейне реки Чусовой: Ревдинский и Бисертский заводы — 44 рубля; Верхне- и Нижне-Шайтанский — 172, Билимбаевский завод — 518, Нижне-Иргинский — 1240, Уткинский — 1500. Всего 3474 рубля. Остальные 27101 рубль, что числится в реквизициях Белобородова, изъяты им на заводах Южного Урала.

Известно и другое: когда Белобородов был в Илимской пристани, майор Фишер из Екатеринбурга сделал налет на ставку повстанцев в Шайтанском заводе, пожег ее и захватил 20000 рублей деньгами, ценную икону богоматери и породистых лошадей.

Так что Белобородову практически прятать было нечего. В лучшем случае это могли быть медные деньги, которые представляют лишь нумизматический интерес.

Остались нетронутыми сокровища Екатеринбурга, Нижнего Тагила, Невьянска, Сысерти, Полевского, а именно в этих городах находились резиденции первостатейных богатеев Урала — династий Демидовых, Турчаниновых, Рязановых, Яковлевых и других.

ЕЩЕ СОМНЕНИЯ

С Камнем Кликунчик, на котором так настаивают В. Бондарев и его товарищи, возникает целый ворох новых сомнений.

Сомнение первое. А. Малахов писал: «Казачи постепенно разгружали караван и погрузили сокровища на поджидавшие лодки и плоты».

По сведениям метеослужбы, ледоход на реке Чусовой,

на основании полуторавековых наблюдений в этом районе, колеблется между 20 и 25 апреля. Самый ранний зафиксирован 30 марта 1961 года. Даже если мы возьмем в расчет его, то в это время армия Белобородова была уже в степях Южного Урала, а Пугачев готовился к битве под Сакмарским Городком в Оренбуржье. По времени каравану, если он разгружался на Чусовой, надо было перенести свои ценности не в лодки и плоты, а в сани и кошевы.

Сомнение второе. Известно, что самая нижняя точка по реке Чусовой, где появлялись повстанцы — это Илимская пристань. Сюда разбитые на Уткинском заводе отряды пришли поздно ночью 26 февраля. Ниже по течению, мимо отряда капитана Дурново, могли проскочить единицы, может, маленькие группы, но уж никак не караван с большим грузом, который прошел незамеченным по реке не менее 170 км до Камня Кликунчик! Это абсолютно исключено в районе, буквально запруженном правительственными войсками.

Сомнение третье. Наличие злополучной короны было установлено по фотоснимкам, сделанным с большим увеличением, все с той же малахитовой плитки. Фотоснимки столь смутны и неясны, что зритель волен сам фантазировать, что там изображено. А плитка бесследно исчезла. Да и откуда взяться в 1774 году золотой короне с крупным бриллиантом? Золотых дел мастеров на территории восстания не было. Из царского собрания корон в XVIII веке ничего не пропало. Будь корона в частном владении, о ней было бы известно.

Сомнение четвертое. Сторонники клада пишут: «там спрятана «Казна Российской империи». В бумагах Я. Грота, на которые В. Бондарев так любит ссылаться, действительно упоминается о реквизиции Пугачевым государственной казны в ряде городов нижнего течения Волги. Но нет и слова о «Казне Российской империи». А «государственная казна города» и «Казна Российской империи» — это два понятия, разнящихся и качественно, и количественно.

ВМЕСТО ЭПИЛОГА

А. Малахов «увидел» на малахитовой плитке караван и решил, что он должен содержать ценности и архивы. Затем, также произвольно, он пришел к выводу, что это должен быть клад Пугачева. В причудливом узоре малахита ему погрелись чусовские скалы. Совсем не понятно, почему он решил, что клад должен быть спрятан в пещере Камня Кликунчик, а не в сотне других, более подходящих? Произошло аналогичное соединение случайных ложных посылок. Итог мы знаем: за два неполных десятилетия, что ищут клад, не было найдено и ломаного гроша тех времен. И это закономерно, ибо документы истории убедительно доказывают, что пугачевского клада, каким его описывают сторонники А. Малахова, по реке Чусовой быть не может.

БАЙКАЛЬЦЫ КАМЕННОГО ВЕКА

Владимир ЖЕМЧУЖНИКОВ

Рис. Дмитрия Лебедихина

За пятнадцать дачных сезонов на байкальской усадьбе немало всякого насобиралось: старинная серебряная серьга в виде полумесяца, медный пятак с вензелем императрицы Екатерины II, староверский тоже медный крестик с молитвой на латыни, моряцкая кокарда с якорем, крестом и короной, позеленевшие гильзы времен Гражданской войны и глиняный петушок-игрушка — свистулька времен моего детства...

Но больше всего дорожку древними кремневыми отщепами и пластинами, на которых видны явные следы обработки. Они служили байкальцам каменного века в качестве скребков, резцов, наконечников стрел. Есть в коллекции и так называемый нуклеус — будто обструганное со всех сторон кремневое ядрище, служившее для изготовления простейших орудий труда. Отпечатком самой древности выглядела и коричневая корочка на грубых скребках, именуемая археологами пустынным загаром.

Все это я нашел, перекапывая весной и осенью огород. Почему же археологические трофеи оказались так легкодоступны? А потому, что культурный слой на нашем гористом берегу толщиной всего-то в один штык — копки лопатой поглубже и упрешься в скалу, в коренную породу.

В том, что гора наша была с древности облюбована человеком, у меня не возникало ни малейших сомнений. Мудрую догадку высказал однажды художник и ученый Н. К. Рерих: если хотите увидеть место самое древнее, ищите самое красивое...

Еще недавно считалось, что самым ранним следом человеческой деятельности в Северной Азии не более 25 тысяч лет. В первом томе академической «Истории Сибири», изданном в 1968 году, сказано: «Древнейшие предки человека не могли жить в странах, где росли леса с опадающей на зиму листвой». Значит первообитателями Сибири

могли стать только подготовленные люди, умеющие строить жилища, добывать и шить одежду. Но едва эта книга вышла в свет, как были найдены сибирские палеолитические стоянки, насчитывающие более 100 тысяч лет. Позднее иркутский археолог Г. И. Медведев выявил в Верхнем Приангарье поселения, где люди жили более 700 тысяч лет назад. И наконец, в Якутии обнаружены примитивные каменные первоорудия, которым, по мнению их открывателя Ю. М. Мочанова, около миллиона лет! Выходит, что прасибиряк был современником питекантропа и синантропа, древнейших ископаемых людей. В те незапамятные времена значительная часть Европы, Азии и Америки была покрыта ледниковыми толщами, а по свободной от льда тундре стадами бродили мамонты, носороги, северные олени, дикие лошади и быки. Стало быть, вот так давно — в эпоху палеолита, в древнекаменный век — появились те, кого мы по праву можем называть пионерами Сибири, подлинными первопроходцами.

Свои очередные находки я показал археологу с большим полевым опытом, кандидату исторических наук, доценту университета В. В. Свинину. Он обнаружил в них все признаки искусственного расщепления, совершенного первобытным человеком, и датировал 5—7-м тысячелетием до новой эры.

Владимир Вячеславович — коренной сибиряк со старинной землепроходческой фамилией, родом из Усть-Ордынского бурятского округа. В пятнадцать лет познакомился он с археологами, которые вели раскопки стоянок в его родных местах, заинтересовался, увлекся. В 1953 году уже был в составе археологической экспедиции, работающей под руководством известного ученого А. П. Окладникова в зоне заповедника Иркутской ГЭС.

Двадцать пять сезонов на Байкале... Сказать без преувеличения, Свинин буквально исползал на коленях все его берега. Исходил всю водосборную площадь озера: копал в Монголии, Бурятии, Читинской области. Заглядывал туда, куда ни разу не проникала лопата археолога. На южном Байкале до Свинина было известно только три поселения — он открыл еще пятнадцать. К числу его находок относится и первый курыканский могильник на Ольхоне — с погребениями в бересте.

Итак, когда же пришел человек к священному морю, как он тут приспособивался, боролся за существование?

Байкал можно назвать колыбелью многих племен и народов древности. Тысячелетиями с разных сторон, будто к центру притяжения, стекались к нему люди, принося свои традиции. С этого оживленного перекрестка начиналось освоение севера Сибири, Дальнего Востока, Аляски. Археологи даже сделали вывод, что при расселении в эпоху мезолита отдельные группы прибайкальцев достигали Америки.

Сотни разнообразных памятников археологии известны сейчас на Байкале: крупные поселения и временные стоянки, гроты и пещеры, укрепленные городища с земляными и каменными стенами, древние грядки и пашни, оросительные системы, наскальные изображения-писаницы, многочисленные могильники. Представлены каменный, бронзовый и железный век. Многие стоянки на береговых террасах многослойны, то есть хранят разновременные следы пребывания человека.

Особенно густые скопления поселений — в районе Малого моря, в дельте Селенги, у Баргузинского и Чивыркуйского заливов, на северной и южной оконечности озера. По всей вероятности, именно там были когда-то наиболее богатые рыбьи места (иные из них, к счастью, и по сей день не обезрыбели).

Самые ранние из открытых стоянок относятся к мезолиту — среднему каменному веку. После того, как вымерли мамонты, носороги, бизоны и ушли на север олени, кончилась на земле благодать изобилия. Первобытные охотники вынуждены были искать новые жизненные ресурсы. И открыли рыбную ловлю, доселе почти не известную, изобрели хитроумные снасти.

Это случилось в конце оледенения, когда прибайкальская тундра стала остепняться, а потом и зарастать тай-

гой. Приспосабливаясь к новым условиям, человек научился применять лук и стрелы для охоты на мелких животных, приручил с той же целью собаку, которая стала его спутником и помощником. Позднее, уже в неолите, смекалистый сибиряк внес существенное изменение в устройство лука — сделал его составным, обкладывая деревянную основу длинными костяными пластинами, намного увеличив дальность и убойную силу.

Но когда же все-таки заявили о себе первожителю-байкальцы? Оказывается, вопрос до сих пор остается открытым: древнекаменных, палеолитических памятников пока еще не обнаружено здесь, хотя они найдены как в Прибайкалье, так и в Забайкалье. Но не могло же быть, чтобы люди многие тысячелетия жили по обе стороны озера и не появлялись на его берегах. Как полагает Свинин, поиски их наиболее перспективны на южных площадках — в окрестностях Култука, на побережье Малого моря, в районе Нижнеангарска, где имеются древние террасы и встречается ископаемая фауна.

В позднем неолите, как свидетельствуют раскопки, в Прибайкалье жили тюркоязычные племена курыкан — предки народов, населяющих ныне Якутию, Алтай, Памир. Они вели кочевой образ жизни, занимались охотой и рыболовством. Возможно, именно курыкане первыми дали название озеру Байкал — производное от тюркского слова Бай-Куль, что значит — богатое озеро (подобно тому, как Иссык-Куль — теплое, Кара-Куль — черное озеро). Правда, существуют и другие гипотезы, ибо каждый народ, когда-либо обитавший в этих краях, на свой лад именовал великое озеро. Эвенки, например, почтительно величали его Ламу, что означает — море.

На всем протяжении каменного и бронзового веков поселения на побережье не были долговременными, а носили сезонный характер. В байкальские бухты и заливы люди приходили на промысел только в определенное время года. В те отдаленные времена студеный Байкал, как и сейчас, представлял из себя громадный природный холодильник. Большую часть года температура на берегах примерно на десять градусов ниже, чем на соседней близлежащей территории, а такая разница была весьма ощутимой для первобытных поселщиков, пленников погоды. Вот почему древние люди выбирали площадки для стоянок в некотором отдалении от кромки озера и на некотором возвышении. Чтобы поменьше ощущалось его ледяное дыхание.

Опыт далеких предков учтен при проектировании санатория «Байкал» в поселке Листьянка: корпуса построены не у самой воды, а чуть в стороне, на лесистом косогоре.

Когда обсуждались первые наметки Прибайкальского национального природного парка, тоже не обошлось без рекомендаций археологов. Возник вопрос: надо ли выселять людей, живущих на побережье, устанавливать запovedный режим, запрещающий всякую хозяйственную деятельность? Археологи отвечали: десять тысяч лет здесь обитали люди без ущерба для природы, могут и дальше жить, если будут в разумных пределах вести рыбную ловлю, нерповку, таежные промыслы или, скажем, овцеводство на острове Ольхон.

Наиболее устойчивым источником пропитания на Байкале стала добыча омуля. Промысел нерпы был второстепенным, поскольку и запасы ее не так велики, и сама охота на морского зверя связана с немалыми трудностями.

Первым специальным орудием лова стали гарпуны — усовершенствованные копыя, позднее появились крючки и остроги. Гарпунами с костяными наконечниками пользовались, когда «лучили», то бишь кололи рыбу ночью с лодки. Применялись они и при подледном лове. Для зимней рыбалки изготавливались из камня или кости рыбки-приманки (предшественники современных блесен). Приманку опускали на шнурке в воду, подергивали, чтобы она «играла», а когда на нее бросалась рыбина, добытчик пускал в ход гарпун.

Первые рыболовные крючки вырезывались из оленьей или сохатиной трубчатой кости. По форме они напоминали наши стальные, только без бороздки на острье. Однако

цельнокостяные крючки были хрупкими, часто ломались при вываживании крупной рыбы, и на смену им явилось орудие принципиально иной конструкции — составной крючок байкальского типа: к каменному стерженьку-тулову привязывалось сбоку костяное острие-жалце. Иногда для этой цели использовались когти хищных птиц, которые не требовали дополнительной заточки.

Острогу археологи обычно считают очень поздним изобретением, а появление ее в среднекаменном веке у сибиряков — еще одно доказательство их незаурядной изобретательности. Это добычливое орудие излаживали из двух-трех длинных и острых костяных зубьев, прочно укрепленных в древке. Байкальцы били рыбу острогами на мелких речных шиверах в пору нерестового хода, весной — хариуса, осенью — омуля.

Уже водились у пещерных рыбаков и сети, что подтверждают находки каменных грузил — плоских галек с двумя выборнами по бокам. Из чего вязались сети? Возможно, из крапивы или какой-то другой травы с прочными волокнами. А скорее всего — из звериных жил.

Если ко всему прочему присовокупить добычу рыбы ловушками типа верш и заездков, то рыболовный инвентарь каменного века и вовсе не покажется бедным.

Никакой уважающий себя рыбак не отправится на рыбалку без ножа. Как же выглядел сей необходимейший предмет в каменном веке? Тогда, естественно, и ножи были каменные — цельнокаменные и комбинированные вкладышевые, которые мастерились так: в подобранной под руку трубчатой кости выпиливалась продольная прорезь, а в ней заклинивались впритык острые кремневые резцы. Такое орудие, пожалуй, более годилось на то, чтобы перепилить, а не резать...

Рыболовство и охота оставались основными занятиями лесных народов Прибайкалья вплоть до прихода русских в XVII веке. Землепроходцы, открыв для себя Святое море, так описывали аборигенов-эвенков, по-старому тунгусов: «А бой у них лучной. У стрел рогатины и копейца все костяные, а железных мало. И лес, и дрова секут и юрты рубят каменными и костяными топорки». Вот ведь как затянулся в этих краях каменный век!

Да что вспоминать свидетельства казаков-землепроходцев, если приметы старины глубокой сохранились еще до недавнего времени. К примеру, мой дед-курильщик, игнорируя казенные свички, по своей рыбацкой привычке добывал огонь, высекая искру из кремня стальной пластиной-красалом. Да и многие другие деды имели такую привычку.

Надо сказать, что в отношении к природе человека мезолита есть кое-что для нас поучительное. Подумать только, еще в том первобытном состоянии он имел обыкновение в стороне от своего поселения рыть «хозяйственные ямы» для свалки мусора. При раскопках стоянок на Байкале и Ангаре не раз археологи находили ямы, заполненные битыми костями и прочими бытовыми отходами. И никто ведь в те поры не призывал бороться за чистоту окружающей среды...

...В июле 1975 года был совершен совместный экспериментальный полет космических кораблей «Аполлон» и «Союз»: на орбите общались два советских и три американских космонавта. А в это же самое время на берегу байкальского происходила другая стыковка: на острове Ольхон вела раскопки совместная советско-американская археологическая экспедиция! Как сообщали по завершении работ газеты, профессор из университета в Нью-Мексико Джон Кэмпбелл (антрополог и натуралист) пришел к выводу, что за последние 6-9 тысяч лет рельеф, климат, растительный и животный мир острова не претерпели сколько-нибудь существенных изменений, и следовательно, мы можем сегодня ощущать себя в той же среде, в которой жил человек каменного века.

Представляете, какую редчайшую в эпоху НТР возможность имеют байкальцы — жить среди первобытной природы! Но как же велика ответственность за то, чтобы не испоганить, не изуродовать эти прекрасные и хрупкие древние декорации!

Там, где витает сам дух первородства, — надо бы людям и дышать осторожней...

«Главное достоинство этой местности заключается в том, что бог пока что для нее сделал больше, чем человек», — так отозвался однажды великий американский писатель Уильям Фолкнер о своем родном штате Миссисипи. Те же слова и, конечно, с еще большим основанием можно сказать и об Ольхоне, и о многих других местах Байкала, лучшее в нем — его девственность, его первозданность.

Кстати, из моих личных находок новейшего времени самой интересной я считаю боевую винтовочную пулю. Пулю, которая никого не убила. Более шестидесяти лет пролежала она в земле целехонькой, только со следами зубов на свинцовом боку. А получилось, я думаю, так: когда окончились сражения Гражданской войны, кто-то из мужиков обнаружил завалившийся в кармане неиспользованный патрон. Хотел было выбросить, да побоялся, что опасную штучковину могут случайно найти ребятишки. Не долго думая, он выкрутил пулю зубами из гильзы, высыпал порох и только тогда отшвырнул подальше уже не страшный для потомства кусок свинца. И облегченно потер рукой об руку, стряхивая пороховую пыль, — разоружился. Одной бедой на земле будет меньше.

НА ЧЕЛЯБИНСКОЙ СЦЕНЕ

Владимир БОРИСОВ, инженер

В Омской гимназии ставили благотворительный спектакль, и Софийке Березовской (Вадовой) доверили играть ведущую роль — Любы в пьесе «Сорванец». Героиня имела такой успех, что спектакль по просьбе горожан повторялся много раз. Так началась артистическая карьера Софьи Петровны Вадовой.

Омский антрепренер Долин, едва дождавшись выхода девушки из гимназии, пригласил ее в профессиональную труппу.

Началась кочевая жизнь. Из Омска переехала в Нижний Новгород. Здесь к окончанию спектакля поклонники ее таланта подавали актрисе карету, украшенную цветами. Работала в Вильнюсе и два сезона в Московском драматическом, где встретила с К. С. Станиславским. «Я сомневалась в своем даровании, — вспоминает актриса, — и решила пойти к Константину Сергеевичу, спросить его мнения о себе. Я знала о его величайшей простоте и внимании к молодым начинающим актерам. К. С. принял меня очень тепло и просил прочитать несколько отрывков из сыгранных мною пьес. После похвалил и сказал: «Будем с вами заниматься».

Уроки, репетиции, спектакли, приглашение в кино, попытки сольного пения... Она не рассчитала силы, и однажды на спектакле горлом пошла кровь. Ее в тяжелом состоянии увезли на Кавказ...

После революции Софья Петровна вернулась в Нижний Новгород, в клуб моряков, где работала два сезона, была участницей плавучей агитбригады на пароходе «Красная Звезда», обслуживая десятки тысяч зрителей Поволжья. Сохранилось письмо к С. П. Вадовой народного артиста

СССР М. М. Москвина: «Весной я послал Вам телеграмму, чтобы узнать Ваш репертуар, который Вы могли бы предложить для плавучего театра».

Потом были Саратов, Казань, Краснодар и другие города. Сезон 1929-30 года Софья Петровна проводит в труппе известного театрального деятеля Урала Евгения Ивановича Буренева в Перми и Челябинске. А в 1934 году Вадова зачисляется в постоянную труппу Челябинского театра. Всю оставшуюся жизнь она посвятила этой сцене.

То были годы полного расцвета ее творческого дарования. Челябинцы, прежде чем купить билет, спрашивали: «А Вадова играет сегодня?»

На ее счету несколько сот ролей и таких разных: трагическая Катерина, хищница Глафира, простоватая Королева Анна, коварная леди Мильфорд, сложный образ Любови Яровой... Вадова по праву стала ведущей актрисой Челябинского драматического театра. Но жизнь ее на театре не замыкается. Ее избирают на областные съезды Советов, в жюри смотров художественной самодеятельности. Она обучает молодежь театральному искусству и передает студийцам свой сценический опыт.

16 февраля 1937 года общественность Челябинска отметила 25-летие сценической деятельности С. П. Вадовой. Ей прислали поздравительные телеграммы заслуженные артисты республики: Качалов, Москвин, Яблочкина, Блюменталь-Тамарина, Книппер-Чехова и др. В этот вечер она с большим успехом сыграла свою любимую роль — Любови Яровой. Горисполком премировал Вадову квартирой. За долгие годы странствий появился у актрисы собственный угол.

А вскоре газета «Правда» сообщила, что президиум ВЦИК присвоил С. П. Вадовой звание заслуженной артистки республики.

Сезон 1941-42 года Малый театр провел в Челябинске. Свою квартиру Софья Петровна предоставила народ-

ной артистке СССР Александре Александровне Яблочкиной. Прощаясь, актриса оставила ей фотографию с дарственной надписью: «На долгую память от благодарной за гостеприимство в Челябинске с пожеланием здоровья, счастья, успеха».

В годы Великой Отечественной войны сценой для актрисы был не только театр, заводской и сельский клуб, но и сами цеха и поля, школьные классы, палаты раненых.

В жизни она была добрым и отзывчивым человеком. И, видимо, заплатилась за это. В 1947 году Софья Петровна умерла. Смерть ее была неожиданной, быстрой и таинственной. Хоронил актрису весь город.

До 60-х годов в квартире С. П. Вадовой жил заслуженный артист РСФСР Е. И. Преис, актер челябинского драмтеатра. В квартире сохранилась мебель, почти то же внутреннее убранство. А. И. Шатилова, сегодняшняя хозяйка квартиры, полностью сберегла дары и письма выдающихся театральных деятелей, адресованные Вадовой. Говорят, до сих пор хранятся ее театральные наряды.

Общественности Челябинска стоило бы взять квартиру под охрану. Может быть, со временем здесь разместится квартира-музей.

В 1990 году исполняется 100 лет со дня рождения Софьи Петровны Вадовой. Число и месяц ее рождения неизвестны. Но хочется верить, что однажды на доме № 110 по улице Кирова появится мемориальная доска, посвященная первой заслуженной артистке РСФСР города Челябинска.

г. Челябинск

НЕИЗВЕСТНЫЙ ОБРЕТАЕТ ИМЯ

Александр ГОРШМАН,
консультант государственного
музея А. С. Пушкина по военной истории

Эта небольшая овальная миниатюра в деревянной позолоченной рамке хранится в собрании Государственного музея А. С. Пушкина. Пластинка из слоновой кости треснула, половинки миниатюры сместились, и это мешает рассматривать изображение. Генерал написан в повседневном вицмундире без шитья на воротнике, а на золотых эполетах с толстой крученой бахромой видны три серебряные звездочки, что полагались генерал-лейтенантам. Под воротником видны орденские кресты: св. Владимира 2-й степени, звезда к которому написана ниже золотой звезды ордена Белого Орла, прусского ордена Красного Орла 2-й степени, ниже которого находится голубой крест тоже прусского ордена — «Пур ле Мерит» («За заслуги»). На нагрудной колодке у генерала — орден св. Георгия 4-го класса, боевая серебряная медаль 1812 года, серебряная же — за взятие Парижа и шведский военный орден Меча 3-й степени. Ниже колодки с крестами и медалями виден знак беспорочной службы в офицерских чинах. За сколько лет службы он был дан, разобрать не удалось — римские цифры написаны крайне неразборчиво. Создана миниатюра скорее всего в 30-х годах XIX столетия, поскольку орден Белого Орла, высшая награда Польши, бытовал в России с 17 ноября 1831 года; им стали награждать военных в чине не ниже генерал-лейтенанта, а гражданских са новников — начиная с тайного советника.

Только увеличительное стекло позволило разглядеть так называемый «4-й витой жгут» на эполете левого плеча генерала. А «Историческое описание одежды и вооружения российских войск» А. В. Висковатова утверждает, что эти жгуты на круглых полях эполет были введены с 17 декабря 1837 года. Значит миниатюра не могла быть написана раньше этого времени.

Кто же этот генерал? Пришлось тщательно исследовать списки генералитета русской армии. В Исторической библиотеке таковые отыска-

лись на 1838-й и 1840-й года. Оказалось, что набор орденов и медалей, подобный изображенному на миниатюре, был в то время у двух генерал-лейтенантов: начальника Дунайского инженерного округа Андрея Андреевича Лехнера и ярославского военного губернатора Константина Марковича Полторацкого.

Портрет Лехнера отыскать не удалось, а вот изображение К. М. Полторацкого, принадлежавшее кисти английского живописца Доу, хорошо известно. Оно хранится в Эрмитаже. Сравнение миниатюры с репродукцией портрета позволило сделать вывод, что на миниатюре написан именно К. М. Полторацкий. Не нашлось расхождений при сопоставлении с другим портретом генерала. Эта репродукция помещена в каталоге портретов участников Отечественной войны 1812 года, опубликованном в альманахе «Музей».

Любопытно, что генерал, чей портрет из музея А. С. Пушкина мы атрибутировали, оказался человеком, близким к поэту. Он приходился дядей Анне Петровне Керн, кишиневским знакомым поэта — офицером Генерального штаба Алексею Павловичу и Михаилу Александровичу Полторацким и близкому знакомому А. С. Пушкина — известному библиофилу и библиографу Сергею Дмитриевичу Полторацкому. Генерал и сам был знаком с поэтом, который бывал у него в имении Грузино Новоторжского уезда Тверской губернии. Но более всего К. М. Полторацкий известен как прославленный участник Отечественной войны 1812-го и заграничного похода 1813—1814 годов.

Родился он 21 мая 1782 года в семье директора придворной певческой капеллы Марко Федоровича Полторацкого. По обычаю того времени двухлетним ребенком его записали в лейб-гвардии Семеновский полк каптенармусом, а в 15-летнем возрасте он уже вступил в полк юнкером и вскоре получил первый офицерский чин прапорщика. В должности полкового адъютанта Полторацкий участвовал в австрийском походе и отличился при Аустерлице, за

что и был отмечен орденом св. Анны 3-го класса на шпагу и чином штабс-капитана.

В начале 1812 года его назначают командиром Нашебургского пехотного полка 3-й Обсервационной армии генерала А. П. Тормасова. С этим полком Полторацкий участвовал в боях на Березине и в преследовании отступающих французов до Пруссии.

Затем уже бригадником командиром Нашебургского и Апшеронского пехотных полков он участвует в осаде сильной крепости Торн, занятой крупным польско-французским гарнизоном. Взятие этой крепости сильно облегчило положение русской армии и освободило большие силы для сражения с французами под городом Бауценом, за отличие в котором Полторацкий был произведен в генерал-майоры.

Под Шампобером корпус З. Д. Олсуфьева, в который входила бригада Полторацкого, был окружен превосходящими силами французов. При попытке пробиться генерал получил ранение штыком в руку и был взят в плен вместе с Олсуфьевым. Полторацкого представили Наполеону, которому он отвечал смело и независимо, за что французский император велел иметь за ним усиленный надзор. Из плена его освободили союзные войска.

Уволившись в 1830 году с военной службы и став тайным советником, он получает назначение в Ярославль — гражданским губернатором. И здесь наш герой обнаружил способности гуманного и разумного администратора. Содействовал благоустройству города, развитию просвещения и промышленности.

Женат он был на дочери генерала Б. В. Голицына, тяжело раненого в Бородинском сражении и умершего от ран. Сам Константин Маркович Полторацкий скончался 15 марта 1858 года.

Евгения
КУЗЕВАНОВА

* * *
И пусть мой дом открыт
шалльным ветрам —
Еще вторых в дому
не ставлю рам:
Боюсь позерить
в зимний холод скорый,
Боюсь лишиться
света и простора...
А там, за окнами,—
веселье и галдеж:
Свой «ток» облюбовала
молодежь!
Вечернюю взрывают тишину
Гремучие, как вызов, мотоциклы
И «маги»...
Ко всему уж мы привыкли.
Но в будущее робко загляну...
И пусть душа
отчаянно продрогла,
Все верится в тепло
сквозь холода.
А к молодым,
возможно, слишком строго,
Прислушиваюсь
сквозь свои года...

* * *
У соседки, у Марины,
В палисаднике рябина —
Словно алая заря!..
Пусть в народе говорят:
«Это злой зимы приметки!..
Я завидую соседке:
За моим окошком — нет,
Не пылает жаркий цвет —
От черемухи темно,
Черных ягодок полно...
— Что ж черемуху садила?
— За весенний цвет любила...

ХОЧУ ПОНЯТЬ

Молчу...
Как будто нечего сказать?
Наоборот —
слова на волю рвутся;
Решительные! —
в духе революций...
И хочется воскликнуть мне:
я — «за»!
За новое, за светлое...
Но вот
Стою, окаменев, на поодороге,
Смотрю назад:
на многих, многих, многих...
И горестно сжимается мой рот.
Как верили,
что всё им по плечу!
За светлое и жизни не жалели.
Так что же
темноту не одолели?!
Хочу понять...
И потому — молчу.

ПО СЛЕДАМ КАТАСТРОФЫ „ВАЙГАЧА“

Александр САВЧЕНКО,
действительный член
Географического общества СССР

Карта Ледовитого океана. Год издания 1912-й. К северу от мыса Челюскина вплоть до верхней рамки — чистая бумага, открытый океан. Идет уже второе десятилетие XX века. Пар уступил место бензину и электричеству; физики работают над расщеплением атомного ядра; в эфире тесно от радиоволн. А скалистый архипелаг Северная Земля, удаленный от азиатского материка к северу всего на 50 километров, все еще лежит в полной неизвестности.

Именно такие карты лежали на штурманских столах ледокольных пароходов «Таймыр» и «Вайгач», когда 2 сентября 1913 года они приближались с востока к мысу Челюскина. Оба судна входили в состав Гидрографической экспедиции Северного Ледовитого океана и уже четвертый год продвигались от Берингова пролива на запад. Из-за болезни начальника экспедиции на эту должность был назначен 28-летний капитан второго ранга, выпускник Морской академии Борис Андреевич Вилькицкий. Никаких сенсационных целей экспедиция не преследовала, ее задачи были чисто деловые, заранее спланированные и оцененные в рублях. Сквозное плавание вдоль арктического побережья России не входило в ее планы, но было весьма желательным, поскольку явилось бы первым в истории.

Итак, вечером 2 сентября на горизонте появился лед, и когда оба судна ткнулись в него своими форштевнями, он оказался сплошным. «Но, — пишет в своем отчете Вилькицкий, — непреодолимое желание состава экспедиции пройти в Европу побудило, по крайней мере, убедиться в полной невозможности этого прохода, и транспорты утром 3 сентября пошли на север вдоль самой кромки ледяного поля». И обнаружили... Северную Землю.

Вот как описывает величайшее географическое открытие доктор экспедиции Л. М. Старокадомский, первым увидевший берег: «Я отчетливо видел землю — очертания крутых возвышенностей не менялись, были очень характерны; на горах виднелись снежные пятна... Сдерживая волнение, я шагнул в штурманскую рубку и разбудил Вилькицкого:

— Борис Андреевич, впереди открылся берег!»

Названия арктического полуострова Таймыр и острова Вайгач впервые появились на бортах ледокольных пароходов восемьдесят лет назад в городе на Неве. Новорожденные суда направились южным путем во Владивосток. Этот 8-месячный переход стал дополнительным испытанием для кораблей. Зато во время пяти плаваний из Владивостока в Северный Ледовитый океан в 1910—1915 годах на ледокольных пароходах не было ни одной серьезной поломки. Они впервые обошли с севера остров Врангеля и Новосибирские острова. И тоже впервые прошли весь Севморпуть с востока на запад. «В мирное время эта экспедиция возбудила бы весь цивилизованный мир», — писал полярный исследователь Руал Амундсен.

Скорее всего, именно «Таймыру» и «Вайгачу», как первопроходцам, пришлось бы вскоре возглавить транспортное освоение Северного морского пути. Но шла первая мировая война. Цивилизованное человечество с энергией, достойной лучшего применения, было занято самоистреблением. Личный состав гидрографического флота разъехался по военным театрам, а ледокольные пароходы несли дозорную службу в горловине Белого моря.

Не раз смертельная опасность подстерегала их. В 1916 году, когда «Вайгач» встретился с германскими подлодками у берегов Мурмана, и на следующий год, когда «Таймыр» выскочил на камни на траверзе Маточкина

Шара... Гибель же подстерегала «Вайгач» летом 1918 года во время гидрографической экспедиции в Енисейском заливе: от удара о подводную скалу он погрузился и затонул.

...Прошло несколько лет. И вот литературный персонаж романа Каверина «Два капитана» прочитал в письме арктического мореплавателя Ивана Татаринова: «Между тем, находясь на широте 79 градусов 35 минут между меридианами 86 и 87 к востоку от Гринвича, мы заметили резкую серебристую полосу, немного выпуклую, идущую от самого горизонта. Третьего апреля полоска превратилась в матовый щит лунного цвета, а на следующий день мы увидели очень странные по форме облака, похожие на туман, окутавшие далекие горы. Я убежден, что это земля!»

«3 апреля! — почти кричит Саня Григорьев, будущий полярный летчик. — А Вилькицкий открыл Северную Землю осенью... Когда она была открыта!»

Каверинский капитан Татаринов — вымышленный литературный герой, но многие эпизоды в романе живо напоминают реальные события из полярных экспедиций Г. Я. Седова и Г. Л. Брусилова. Ивана Татаринова также подло обманули при поставке снаряжения и продуктов, как и Георгия Седова. «Св. Мария» была затерта льдами, и то же самое случилось со «Св. Анной» Брусилова. Каверинский штурман Климов в романе вернулся на Большую землю, доставив судовой журнал «Св. Марии», так же, как и знаменитый Валерий Альбанов. И благодаря магии романа, появились гипотезы, что географическое открытие Северной Земли принадлежит другому замечательному исследователю полярных широт — В. А. Русанову.

«Страстный путешественник, любознательный географ не мог пройти мимо неведомой земли, не обследовать ее», — писал гидрограф А. И. Косой в сборнике «Летопись Севера» в 1949 году. И это несмотря на очевидный факт, что экспедиция на «Геркулесе» пропала без вести в 1912 году, последняя стоянка В. А. Русанова обнаружена на западном побережье Таймыра, а Северная Земля открыта год спустя.

Есть, на мой взгляд, одна скрытая причина, почему славу первооткрывателя так хотелось отдать любому другому исследователю Арктики. В скромной по объему географической литературе о деятельности экспедиции Бориса Вилькицкого подчас проглядывает желание приписать его успехи слепой фортуне. Даже само назначение Бориса Вилькицкого руководителем экспедиции связывают с высоким положением его отца — начальника Главного гидрографического управления. Но ведь хорошо известно, что отец заявил во всеуслышание: «Пока я жив, мой сын не будет начальником экспедиции!» Так оно и случилось: назначение последовало лишь после смерти отца, но пробыл на этой должности Борис Андреевич вплоть до расформирования экспедиции в 1915 году.

Любопытная деталь: получив за свои труды придворное звание флигель-адъютанта, Борис Вилькицкий не стал царедворцем. Даже вновь открытую землю он предлагал назвать Тайвай в честь судов экспедиции «Таймыр» и «Вайгач», но ее назвали Землей Николая II. И тем досаднее, что в годы, когда ломалась старая жизнь, опытный судоводитель ошибся в выборе курса. Нет, он не стал врагом новой России. Он стал ее добровольным изгнанником и испил эту горькую чашу до дна. Быть в расцвете сил известным полярным исследователем и окончить дни свои в глубокой старости в католической богадельне чужой страны — это ли не человеческая трагедия?!

Редко увидишь портрет Б. А. Вилькицкого в одном ряду с портретами других известных полярников. Зато на географических картах побережья Северного Ледовитого океана его имя стоит рядом с самыми звучными именами. А для первооткрывателя нет чести выше этой!..

Возникла идея побывать на месте гибели «Вайгача», провести пробные кинофотосъемки под водой и, конечно же, — а вдруг повезет — найти и само затонувшее судно. У руководителя нашей общественной экспедиции ст. инже-

нера отдела подводных исследований института ЛенморНИИпроекта Сергея Игнатьева был опыт подобной работы на Черном море. Он возмущался розыск стоянки древних кораблей Боспорского царства. На этот раз при содействии Географического общества СССР была организована поездка на дальний Север к месту гибели ледокольного парохода «Вайгач».

В экспедицию вошли ленинградцы — научный сотрудник ЛенморНИИпроекта профессиональный водолаз Юрий Шишов, имевший, как и Сергей Игнатьев, права на глубокие погружения, а также группа аквалангистов-любителей из производственного объединения «Красный Октябрь»: Мария Диденкова, Владимир Лапин, Николай Сигаев, Остап Петраков, преподаватель Марина Михайлова и Марина Руно, в прошлом чемпионка страны по гимнастике. Трое прибыли из столицы — это кинооператор Валерий Шайтанов, Дмитрий Кравченко и фотограф Ирина Михайлова. Я должен был вести дневник экспедиции.

Приведены в порядок гидрокостюмы, компрессорное оборудование. В Архангельск приехали в самый разгар белых ночей и на гидрографическом судне «Валерий Альбанов» направились к острову Диксон. Переход до Диксона длился суток десять. Неважнецкая погода и скверная ледовая обстановка задерживали наше продвижение вперед, а каждый день отгужка в летнее время был нам дорог. Экипаж судна приглядывался к нам с любопытством: не верилось, что в отпуск можно поехать не на юг, а на север — и не отдыхать, а работать. И что все расходы по экспедиции — за свой счет...

Наконец мы на Диксоне. Проблемами жилищного строительства в Заполярье занимаются специалисты Ленинградского отделения института СоюзморНИИпроект: стоят удобные дома из алюминия, сконструированные ленинградцами. Вот почему нашей экспедиции без промедления выделили плавсредства — лодки типа «дора» и «казанка», и на промерном катере «Галс» гидрографической базы поселка Диксон группу нашу доставили к мысу Ефремов камень, где и разбили мы свой палаточный лагерь.

Район гибели судна начали обследовать тралением. Искали подводную скалу Вайгач — название ей дали после катастрофы судна, которое ударило днищем о ее вершину, скрытую водой. Раньше скалу даже не наносили на морские лоции. Но карта картой, а на поиски у нас ушло целых четыре световых дня.

С 40-метровой глубины мрачной громадой возвышается незримая смерть для плавсредств — скала Вайгач. Не только легендарный пароход потерпел здесь крушение. В сорок четвертом, в непогоду, на скалу напоролось крупнотоннажное судно типа «либерти»... Но удариться о скалу — вовсе не значит камнем опуститься к ее подножью. Наверное, шла борьба за живучесть судна, пока трюмы не наполнила вода и оно не потеряло способность держаться на плаву. За это время судно вполне могло отнести ветром или течением в сторону. Нужен поиск и поиск!

Вот под воду ушел Сергей Владимирович Игнатьев, включив в кромешной тьме фонарь. На предельную для аквалангиста глубину в 40 метров погружаться опасно. Воздуха хватит всего лишь на десять минут. А вдруг при подеме встретятся препятствия?

Поэтому сначала обследовали выступы скалы на глубине всего лишь до десяти метров. И уже здесь нас ждала удача. Во время одного из погружений руки Игнатьева натолкнулись на груды металла: кусок судовой обшивки, шестерни, болты, стержни... Возможно, это все, что осталось от разбитого судового двигателя парохода? А потом и другие аквалангисты стали находить металлические детали, поднимать на поверхность то, что было по силам. Среди находок оказались и детали телефонного аппарата... Несомненно, что это «Вайгач»!

Перед отъездом домой на маленьком безымянном островке, расположенном меж скалой Вайгач и мысом Ефремов камень, мы сложили постамент и установили временную мемориальную доску с надписью: «ВБЛИЗИ ЭТОГО МЕСТА ПОГИБ ЛЕДОКОЛЬНЫЙ П/Х «ВАЙГАЧ». Потомки помнят».

Александр
СТОЯНОВ

ВПОЛНЕ ПОРЯДОЧНЫЙ МИР

ПОВЕСТЬ

Рисунки
АМИТРИЯ
ЛИТВИНОВА

I Знание не проходило. Он помотал головой, стараясь избавиться от непрошенной ясности в мыслях, но безрезультатно. Он чувствовал и знал, что с ним произошло, и это совсем не радовало его.

Посмотрел на часы. Стрелки показывали половину седьмого. «Основную массу я все-таки опередил», — подумал он, пытаясь отвлечься. Зевнул, зябко поежился, оглядываясь вокруг. Народу на остановке не было. Немного порадовался своему одиночеству, но тут опять пришло Знание, и лицо его скривилось.

— Нужно думать о другом, — сказал вслух и задрал подбородок вверх.

Небо было глубокое и синее, деревья насквозь пронизывались иглами солнечных лучей. Поблескивали чистые лужи, и пахло ушедшим дождем. «Вымокну мгновенно, и потом будет не до грибов. На Лысых Буграх травы немного, но до них еще надо добраться. Зря не обул сапоги... И автобуса не видно, запропастился куда-то...» Полез в карман за сигаретами, закурил. Где-то внизу послышался шум мотора.

— Наверняка мой, — пробормотал он и не ошибся. Подкатил пригородный, битком набитый грибниками.

Отбросил сигарету, втиснулся в душное брюхо автобуса и долго устраивался поудобнее, пока не хлопнулись двери. Только после этого он смог облокотиться и немного успокоиться. «До следующей остановки продержусь», — подумая тоскливо. — И откуда столько народу спозаранку?»

— Денис, здравствуй! — услышал он знакомый голос.

Кивнул, выдавил из себя ответное приветствие.

— Ты один? А где жена?

— Уехала с сыном к матери.

— Холостяком живешь?

«Свалился как снег на голову. Если еще навяжется в попутчики — можно сходить на следующей остановке».

— Тоже за грибами?

— Увы! У меня ведь сад.

— Ах, да, — спохватился Денис. Присмотревшись внимательнее, он понял, что большинство сойдет у садов. Конкурентов у него не будет. Великая вещь — собственности! Даже если это и скромный садик.

— Ты чего развеселился?

— Да так... Польза-то от сада есть?

Хоть себя оправдал, и теперь Денису оставалось делать вид, что внимательно слушает, да изредка вставлять незначущие фразы. Самому же можно было глядеть за спину говорившего, в кусочек заднего окна, думать о своем. «Откуда оно? И что с ним делать?» Он безуспешно пытался представить себе, что изменится в его жизни, где до сих пор все было ясно и просто: жена, сынишка Кириуша, врагов ярых нет, со всеми приветлив, иногда излишне молчалив. Диссертации нет, но со временем будет, глупым не считают, и сам себя к ним не относит. «Собственно говоря, с чего я взял, что у меня появилось это? Знаю — и все! Хорош довод. Сказать — засмеют. Проверить-то нет никакой возможности. Ну и ситуация! Жди несколько десятков лет, и неизвестно, что получится... А может, я свихнулся? Опять же — самому не проверить. К психиатру, что ли, обратиться?»

— Ну будь здоров! Мне пора. Удачи тебе и корзину грибов.

«Много грибов и есть удача», — подумал Денис, качнувшись от резкой остановки автобуса. Противно закрипели тормоза. «Не дрова везешь, — завопил кто-то впереди, — людей!»

Надо выпустить, понял Денис, а потом спокойно войти, иначе сомнут. На траве сверкали капли, под ногами расплзлась серая мокрая земля. Звякали огородные и садовые инструменты, ведра с провизией.

— Счастливей работы! — он торопливо сунул руку знакомому.

146

— Отправляемся, — кондуктор высунула голову в открытое окно, — Поживее!

Дальше автобус шел полупустым. Денис пристроился у окна, корзину поставил на сидение рядом.

— ...В прошлую субботу десять белых взяла. Один к одному.

— На Лысых, небось?

— На них. Туда и пойдем.

«Не повезло... А-а, все равно. Всегда начинал с Бугров — и удачно. — Дорога пошла ухабами. Дениса то и дело встряхивало, заваливало к стеклу или от него, корзина ударяла в бок. — Глупости, не должно здесь быть ухабов, я точно помню.»

Он приподнялся и взглянул в ветровое окно. Насколько было видно, тянулся вздыбленный асфальт. Денис перехватил недоумевающий взгляд кондуктора:

— Давно здесь так?

— Мы первый раз на этом маршруте. Но неделю назад был порядок, сменщики не жаловались.

— Не хотели говорить, — донеслось от задней двери.

— С дорогами у нас всегда плохо. Уже и не замечаем.

— От этого не легче, — Денис судорожно схватился за спинку переднего сидения. — Добраться бы целым. Трястись пришлось еще минут семь, и к концу пути он готов был разорвать веякого, имевшего отношение к злополучной дороге.

— Пижоны, — шипел он, вылезая на горбатый асфальт. — Вытащить бы их из кабинетов да прокатить по этой стиральной доске!

Наметанным глазом грибника заметил зеленые побеги в разломе асфальтовой кочки, и это еще больше разозлило его.

— Трава успела прорасти. Подумать только! — всплеснула руками дородная женщина, говорившая о белых грибах.

Денис хотел добавить несколько горячих слов, но тут опять всплыло Знание, и ему расхотелось вмешиваться. Лучше опередить этих болтливых тетушек... Он быстро зашагал в сторону леса.

С деревьев капало. «И с какой стати оно появится? Ишь, выискался небожитель, отмеченный перстом. Утром проснулся, а оно на блюдечке. Каждому такое приятно! — наклонился к моховичку, бросил его в корзину. — Дальше должно быть лучше... А вдруг это правда? — Денис остановился в замешательстве. — С ума сойти можно... Что же делать-то? — он с силой пнул подвернувшийся мухомор. Гриб был на редкость высоким и вызывающе красным. — Придется в психдиспансер наведаться...»

Жужжали мухи, то наседая, то отлетая прочь. «Хорошо, хоть комаров нет. А странно, должны бы быть: середина лета все-таки. Вот только мухи. Черт побери, а ведь они красного цвета!» Впереди в воздухе висела красная жужжащая полоса: из нее то и дело выплескивались узкие ленточки, быстро распадавшиеся на отдельные точки. «Первый раз вижу таких. А может, это не мухи? — Он хлопнул себя по руке и принялся рассматривать добычу. — Ничего особенного. Крылья с прожилками, лапки. Только все ярко-красного цвета. Никогда не замечал, чтобы здесь водились такие. А вдруг они ядовитые?»

Он обогнул переливающуюся всеми оттенками красную полосу. Отсюда к Буграм он еще ни разу не подходил, но из этого не следует, что красных мух нельзя было заметить. До Бугров метров сто, для них запросто туда долететь.

Денис постарался загнать вглубь все опасения, начал высматривать грибы, из-за которых в такую рань оказался в лесу. Кроме сыроежек на глаза ничего не попадалось. Пошла густая трава, за ноги цеплялись липкие стебли какого-то неизвестного растения. Когда он окончателно промок, забелели пески Лысых Бугров, утыканные могучим сосняком. Денис облегченно вздохнул, внимательно осмотрелся. «Хорошо бы на-

«Амита-96»

брать полную корзину, утереть нос тем тетушкам. Все-таки всю ночь дождь шел. А до этого дожди чередовались с солнцем».

Тут он вспомнил пожелание знакомого. Мысли переключились на его сад, подумал о садике для себя. Все кружилось, как по отлаженной программе: мысль ассоциировала другую, сама исчезала, затем вновь появлялась, вызванная иными, пришедшими из круга воспоминаний. И вдруг он поймал себя на том, что давно не видел ни одного гриба, а сам думает — что же будет, если Знание не лжет ему?

Он присел у основания сосны, полез в карман за сигаретами. Взгляд упал на громадного муравья, деловито тащившего сохшуюся шишку. Та была небольших размеров, но Денис никогда в жизни не видел муравьев, промышлявших шишками. Он нервно чиркнул спичкой, прикурил. На спичечной этикетке весьма кстати чернел симпатичный муравышка, под которым бежала надпись об охране природы... Еще толком не разглядев гиганта, Денис знал, что тот красного цвета. Он подобрал обломок ветки, осторожно отодвинул шишку — на песке алела капля. Несколько мгновений она пребывала в неподвижности, затем стремительно кинулась к Денису. От неожиданности он заорал и с остервенением начал топтать мерзкое насекомое, осмелившееся напасть на человека. «Мразь, — вопил он, — куда прешь, жить надоело!» Отскочил, тупо уставился на песок. Там ничего не было. Ему стало стыдно за вспышку ярости.

— Точно, спятил, — сказал он, вновь чиркая спичкой. — Это же обычный рыжий муравей! Ну, чуть крупнее обычного...

Докурив сигарету, решил походить еще полчаса, а затем, независимо от исхода, убираться прочь с этих чертовых Бугров. Домой! Завалиться на диван — и спать до завтрашнего утра, пока все Знание, все муравьи и вообще все-все не исчезнет из памяти. Так будет разумнее. А над приобретением подумает, когда вылечат. Пофантазировать никогда не поздно.

Денис привычно двинулся к северному из Бугров, склонами убегавшему в заросшую березняком и осинами низину. Шел медленно, тщательно просматривая каждый клочок земли, и чем дальше, тем прочнее становились сомнения в успехе. Ни малейшего намека на грибы. Исчезли даже сыроежки и поганки. Слово кто-то прошелся с метлой. Взгляд шарил по земле, наткнулся на траву, сухие ветки, голубой мох. Было все, не было только грибов.

Денис задумчиво почесал в затылке. Он был совершенно спокоен. Жаль, что вернется без добычи. Явственно ощутил запах грибной жаренки, проглотил набжевавшую слюну.

Когда поднялся вверх по склону, появились поганки. Денис почувствовал облегчение: хоть что-то растет. Он наскоро прошел складку и вышел к тому месту на вершине, где рассчитывал напасть на грибищу.

Земля перед ним шевелилась. Сначала она вздувалась, медленно сползали листья, хвоя, а затем в разломе земляной кочки показывалась коричневая шляпка гриба. Денис стоял неподвижно, машинально считая скорость появления грибов. Получалось что-то вроде четырех штук в минуту. Он хрипло рассмеялся, прислонился к ближайшему дереву. Грибы росли на глазах, достигали примерно тридцати сантиметров, на этом рост прекращался. Но попадались среди них и экземпляры до полуметра высотой. А над всем этим великолепием висела пелена ярко-красных мух. «Жаль, камеры нет», — подсадовал Денис. Он аккуратно срезал два гриба. Надрезы были мягкими, сочными, отдавали чудесным духом. Кроме размеров и красного цвета, ничто не отличало эти грибы от обычных. Один из них Денис нарезал на части и сложил в корзину. У другого отломил ножку, а его гигантской шляпкой накрыл всю душистую горку.

Все время над ним кружили мухи. Он небрежно отмахивался от них. Закончив приготовления, опять закурил и с любопытством посмотрел на вершину Бугра. Земля больше не шевелилась, спокойно стояли исполины-боровики.

— С этим сами разбирайтесь, — сказал Денис вслух. — С меня хватит моего бессмертия.

II

Он оставил корзину на кухне, не раздеваясь, прошел в комнату, плюхнулся в кресло. «Забыл спросить у таксиста, не заметил ли он чего необычного, — подумал запоздало, покосившись в сторону кухни. — А впрочем, что спрашивать...» Устало прикрыл веки. Сразу же возник муравей с шишкой. Денис поспешно открыл глаза. «Теперь от этого избавиться. Позвоню-ка Толпину».

Он порылся в карманах, отыскал двухкопеечную монету. Мимоходом глянул на грибы, тайне ожидая от них сюрприза. От корзины пахло лесом, землей. Никаких неожиданностей. Вышел из подъезда, остановился, соображая, где ближайший автомат. Телефоном пользовался редко, в глубине души побаивался его. Плохо разговаривать, не видя собеседника. Теряешься, приходит косноязычие.

«Андрей? Это Денис. Ты уж извини, что я так рано. — Денис чувствовал, как намокла и прилипла к спине майка, а по лбу потекли капли пота. Продолжая говорить, нащупал носовой платок, с облегчением вытер лоб. — Я вот и думаю, позвоню тебе, узнаю, как дела... Конечно, догадался. Один — полностью. Шляпка — на голову можно надеть... А вдруг мне все кажется?.. Они ведь сегодня не работают?.. Правда? Ты кого-нибудь там знаешь? Постой, запишу...» — Денис поискал авторучку и клочок бумаги и вдруг понял, что это лишнее: запомнил все сказанное. Слово в слово, вплоть до интонации. «Чего голос меняешь? — спросил Толпин, — дразнишься?» — «Не до этого». — «Будь здоров. Позвонишь?» — «Обязательно».

Денис осторожно повесил трубку. «Кретин, — ругнул он себя, — даже не спросил, не случилось ли с ним чего-либо. Все о себе да о себе».

Стараясь не глядеть по сторонам, заспешил домой. Тротуар был очень неровным, Денис все время спотыкался. Присмотревшись, понял, что это здорово походит на вздыбленную дорогу, по которой он ехал два часа тому назад. Казалось, что-то рвется из-под брони асфальта. Стало не по себе. Денис невольно ускорил шаги. Лишь оказавшись в прихожей, успокоился. Опять прошел к креслу, безвольно опустился в него.

«Как это меня угораздило? С утра — знание о бессмертии, потом грибы, сейчас — память. Я ведь помню разговор не только с Толпиным, но и с таксистом. Болтали о пустяках, а вот запомнил. Что же будет дальше?»

Закрыл глаза. Опять перед мысленным взором всплыли великаны-боровики, нос защекотал их запах. «Это от тех, что на кухне», — сообразил Денис.

Со вздохом поднялся из уютного кресла, разделся. Оказавшись в одних плавках, подошел к окну, внимательно посмотрел вниз. Тротуар горбился, по нему бежали многочисленные трещины, в разломах зеленели побеги. «Или я спятил, или... Нужно быстрее мотать к врачу», — встревоженно подумал он.

Постоял под холодным душем, прогоняя от себя страх. Растерся полотенцем, начал одеваться. «День будет жарким, обойдусь без галстука. Не на званый ужин, в конце концов... Всю субботу испортил!» — взорвался внезапно.

Побушевав некоторое время, он успокоился и сосредоточился, стал упаковывать грибы в портфель. Огромную шляпу боровика заложил в полиэтиленовый

пакет, полюбавался внушительным точком. «Ну, с богом»,— сказал себе и вышел.

— Простите, у вас спичек не найдется?

Встречный похлопал себя по карманам, извлек зажигалку.

— Пожалуйста.

— Весь тротуар испоганили,— проговорил Денис, мотнув головой в сторону.— Не в курсе, что происходит?

— Нет. Может, под землей что-то прорвало?

— Узнаем, когда поплывем. Спасибо за огонек.

«Кое-что проясняется. Есть даже рабочая гипотеза— под землей трубы прорвало. Жаль, что она не объясняет скороспелых грибов и моего бессмертия». Остановился возле телефона-автомата.

— Андрей, это я. Слушай, у вас тротуар в порядке?

— На глазах рвет в клочья.

— А в трещинах— трава?

— Да.

— Мыслей о бессмертии нет?

— Пока нет,— засмеялся Толпин.— Ты сразу все хочешь!

Перекинулись еще несколькими фразами, и Денис вышел из будки. «Вот и будем пробавляться слухами. Услышим сами, передадим друзьям— и пошло, поехало. Истина же скользнула мимо. Может, и в самом деле причиной всему— лопнувший водопровод? Но почему— не нашествие пришельцев? А ведь это идея!— он присвистнул от неожиданности.— И многое объясняется. В том числе и свалившееся на мою голову бессмертие!»

Город зарастал на глазах. Когда-то срубленные деревья, затоптанная трава ожили и пустились в рост. Росло не так быстро, как в лесу, но так же неудержимо. «К вечеру вымахают. Дай бог, чтоб не выше натуральных размеров...» Денис обогнул пень, взломивший серую корку асфальта молодыми побегам.

— Тьфу, наваждение бесовское,— невнятно прошамкала встречная старушка.— Господь за грехи карает. «Бабуся, а вдруг он тут ни при чем? Слишком уж он важная персона, чтобы наделять бессмертием всякую мелочь, вроде меня... Опять я об этом! А что делать? Не каждый же день просыпаясь со знанием, что бессмертен. Привыкну— не буду и вспоминать о нем, займусь более интересными делами. Вот еще голуболомка! Что может предпринять человек, когда над ним не висит время? Перебирать в памяти, что происходило с ним лет этак пятьсот назад? А если без шуточек?! Впервые в жизни нет программы на будущее. До сих пор все было расписано, как по инструкции: кончить школу, потом институт, жениться, родить и воспитывать детей, сделать карьеру. А потом тихая пенсия, гроб— и конец всему. Скучная, конечно, картина... А ведь я боюсь этой неожиданной бесконечной жизни!»— вдруг отчетливо понял он.

В лоб врезался теплый мягкий комок. Денис оглянулся в поисках метателя— никого не было. На проезжей части, похожей на зеленое кочковатое болото, беспомощно раскачивался полупустой автобус. Денис посмотрел под ноги: широко разбросав крылья, на асфальте лежал воробей. Птенец? Денис наклонился к птице. Воробей был взрослым. Он судорожно открывал и закрывал клюв. Денис невольно вдохнул воздух улицы, но ничего особенного не ощутил. Взял птичку в руки. Как его угораздило? Заболел?... Над ухом что-то прошелестело. Мгновенно обернувшись, он увидел другого воробья, распластавшегося у пня. Он также часто открывал клюв. Эпидемия? Денис шагнул в сторону пня. Воробей рванулся и взлетел. Полет был неуверенным, и спустя несколько секунд птица упала на крышу автобуса. Денис проследил за полетом, потом покосился на дрожащий комок в руке. Осторожно положил его на землю, вслушался в говор улицы— и не услышал обычного птичьего пощелкивания. Бесшумно метались мелкие птицы, беспомощно

натываясь на препятствия и падая вниз. На коньке соседнего дома, нахохлившись, сидели голуби.

«Что же такое?— растерянно подумал Денис.— Ведь это ни на что не похоже. Не война, не стихийное бедствие. Единственно разумное объяснение— пришельцы. Попахивает бредовой фантастикой, но попробуйте возразить... Непонятно только, зачем им оделять меня бессмертием. Впрочем, откуда знать, что другие не обладают им? Все слишком неправдоподобно, чтобы с утра кричать— я бессмертен! С шатким обоснованием— знаю, что это так. Никому не хочется слыть сумасшедшим... А оживление деревьев и травы— налицо. Это не бестелесные мысли о бессмертии. Это то, что видно, осязаемо. Можно объяснить прорывом труб, появлением глубинных вод и еще много чем. Для этого достаточно начитанности либо недовольства домоуправлением. О бессмертии же все будет молчать, сомнения нет... Главное— узнать, отчего деревья вновь растут из пней, закатанных под асфальт десятилетиями назад. И какой дьявол сделал беспомощными воробьев? А может, не только их? Народу-то на улицах совсем немного. Правда, всего десять часов— и суббота. Могут спать. Ну, конечно же, они еще спят!— Денис с трудом подавил возникшее желание вбежать в подъезд и позвонить в первую попавшуюся дверь.— Не паниковать! В институт, там все прояснится».

Он запоздало сообразил, что нужно было послушать радио. Но поразмыслив, понял, что ничего не изменилось бы. Местное радио еще не успело, а с Москвой как-никак четыре часа разницы. В семь часов утра в городе все было в порядке. А кто будет пристально всматриваться в окружающее субботним утром? Слушать можно, но когда он придет в институт. Попозже, к полудню, если будет о чем говорить.

Где-то в вышине застрекотали сороки. «Все нормально,— с облегчением подумал Денис,— ишь, как разорались». Сороки трещали, кружились на одном месте, а потом дружно отлетели к другому двору. Над крышей, где они только что галдели, показались человеческие плечи и голова. «Здоровый мужик»,— машинально отметил Денис, и вдруг до него дошло, что не может быть такого: ведь дом— пятиэтажный!

Он кинулся за угол, в нос ударил густой запах горячего тела. Посреди переулочка, окруженный безмолвной толпой, высился гигантского роста мужчина. Он был совершенно голым, если не считать смутного подобия надбедренной повязки, в которой ошеломленный Денис не без труда узнал разорванную палатку и несколько ковровых дорожек.

Запах шел от мужчины. Обычный запах здорового тела, только концентрированный и оттого чуть ли не физически осязаемый. Женщины в толпе закрывали носы платочками, мужчины усиленно дымили. Великан растерянно озирался, осторожно переминаясь с ноги на ногу. От его движений мостовая гудела и дрожала. Он высился над домами, и это смотрелось так естественно, словно они существовали все время— обнаженный гигант и стандартные пятиэтажки. «Пришелец! Но в таком виде?!»— Он стал пробираться сквозь толпу ближе к гиганту и нечаянно задел детскую коляску. В ней завопил младенец. Мать судорожно встrepенулась и толкнула коляску прочь от новоявленного Гулливера. Как по сигналу, толпа колыхнулась. Денис попятился, намечая на всякий случай дорогу к бегству.

— Товарищи,— заговорил мужчина,— я...— Из окон посыпались стекла.

Денис опомнился, когда из-за домов ничего не было видно. «Чего я испугался?— он дрожащими руками поискал в карманах сигареты.— Человеческого голоса? Ведь это все равно, что уличный громкоговоритель. Ну, может, чуть громче. И совсем не страшно. И вид у него вполне приличный. Лучше, чем у многих стоявших там. Такой случай упустить! Нужно не паниковать, а идти туда. Иначе ничего не узнаешь...» Он представил себе фигуру гиганта и на миг заколебался. Бессмертие еще

требовало доказательства, а великан уже стоял посредине мостовой. Его видели десятки людей, от его голоса брызнули осколки стекла. Это уже не предположение, а явь. И Денис наконец поверил: что-то произошло. До сих пор все воспринималось с известной долей легкомыслия. Оно таилось где-то в глубине сознания, и, может, потому так просто думалось и о пришельцах, и о неисправной канализации, и еще бог знает о чем, упрятанном в каменное нутро города. В конце концов, вырубают всю непокорную зелень, как делали с незапамятных времен, и все станет на свое место. Зальют асфальт новый, утрамбуют катками... А бессмертия его никому глаз не колет. Промолчит — никто не узнает, скажет — назовут фантазером. На худой конец, проверят в психиатричке, в случае нужды подпечат.

Он вбежал в переулочек и остановился — гигант исчез.

— ...Проснулась я с трудом, смотрю — в окне тень, выглянула, а это он...

— Стекла вдребезги...

— Метров двадцать, не меньше. И глазами моргает...

— Заговорил — я чуть не оглох!

— Холодно, он коврами и обернулся...

— Осторожно шел, провалиться боялся.

— А чего бояться? Мне бы его рост...

— И откуда такие берутся?

— Говорят, теперь всем специальные уколы будут ставить, чтобы не росли.

— А жить ему где? В дом-то не влезешь...

Говор толпы был почему-то далеким, хотя говорившие стояли рядом. «Проворонил! Сначала струсил, а теперь — опоздал!»

Перед входом в институт сидел Толпин.

— А я ждал тебя, — кивнул он Денису. — К Рыжову попал?

— Не дошел. Сам видишь, что творится.

— А что творится? Деревья, травка на каждом шагу. Автобусы не ходят — и чудесно. Бегом от инфаркта! Нам крупно повезло, — развеселился Толпин. — А воздух! Как на взморье!

Денис вздохнул полной грудью. Чистый воздух был насыщен запахом цветов, хвои.

— Утром в городе все было нормально, — сказал Денис. — Раста начало, когда я попал в лес. Я грибы оттуда прихватил.

— Дай-ка посмотрю. — Толпин развернул пакет, отломил кусочек шляпки, осторожно понюхал. — Слушай, а вдруг это эпидемия роста?

— Вряд ли. У меня еще и память изменилась. С лету все запоминаю.

— Эпидемии бывают разными. Хорошо, что от этой никто не умирает.

— Андрей, попроси Мишу съездить к Лысым Буграм, — сказал тихо Денис. — Ты с ним в хороших отношениях.

— Не согласится... И потом — там можно заразиться.

— Я один пойду. Только подвезите.

Толпин задумался.

— Хорошо, попробую. Поедем вместе. В конце концов, заболеть памятью или бессмертием не так уж плохо.

Он пошел к институтским гаражам.

III

Дорога и впрямь была отвратительной. Трясло, как на вибростенде, и Денис уже пожалел, что связался с машиной. «Пешком быстрее бы дошел, — думал он, морщась при каждом толчке. — Спидометр показывает двадцать. Смех, а не езда».

— Миша, включи, пожалуйста, радио. Вдруг что узнаем.

(50) — Дай, я поищу, — Толпин крутанул ручку настройки. В кабину ворвались какие-то помехи, обрывки песен, фраз.

— Попробуй отыскать местную радиостанцию, — предложил Денис.

— Лучше Москву: нужны последние известия.

— Рано. Они в двенадцать.

— А сейчас сколько?

— Без двадцати, — не оборачиваясь, ответил шофер. — А теперь куда?

— Налево, — Денис перегнулся через сидение и махнул в сторону грунтовой дороги. — Там просека, на ней поставим машину и дальше пешком.

Миша вдруг ойкнул и резко затормозил.

— Елки-палки, — прошептал он, глядя куда-то вбок, на обочину. Его круглое лицо медленно краснело.

Денис и Толпин повернулись в ту сторону, куда смотрел шофер. На песчаном взгорке среди редкого молодого сосняка сидел гигант. Тот самый, которого Денис видел в городе.

— Пришелец, — оторопело пробормотал Толпин.

Шофер ошалело моргал глазами. Неожиданно он включил задний ход, газик начал медленно отъезжать. Толпин рывком нажал тормоза, и Денис — в который раз за ту поездку — сильно ударился плечом о железный борт машины.

— Сдурел, что ли, — прошипел Толпин, — ты же привлекаешь его внимание!

— Он и так нас заметил, — сказал Денис.

Гигант медленно повернул голову в их сторону: — Бойтесь?

Голос его был гораздо тише, чем в городе.

— Не съем я вас, — с досадой продолжал великан. — Не трусьте.

— Он знает наш язык! — поразился Толпин. — Телепатия?

— Да не пришелец он: я встречал его в городе.

— Когда ты успел?

— По дороге в институт.

Толпин вылез из газика, Денис откинул сидение и выбрался вслед за ним.

— Пойдем ближе, познакомимся.

«Вот мы с ним и столкнулись. Никакой не пришелец он, а простой парень, который неизвестно почему вымахал ввысь. И нужно понять, отчего все случилось — с ним, со мной, со всем, что так рьяно пустилось в рост. Чтобы знать, не последует ли за этим иное, более страшное...»

— Зовут-то как?

Они стояли метрах в сорока от гиганта, над которым встревоженно трещали сороки. От него, как и тогда в городе, шел запах человеческого тела. Но сейчас он был разбавлен ароматом нагретого леса.

— Смелые. Знакомиться пришли? Что ж, пожалуйста. Когда-то звали Давыдом, работал инженером на приборном. Сейчас кандидат в цирковое чудо. Возраст — двадцать четыре года. Рост неизвестен. Раньше занимался гимнастикой, сейчас в пору подъемным крапом.

— Ты как здесь оказался?

— Ушел, чтобы людей не пугать. А вы за мной?

— И без тебя чудес хватает.

Миша что-то пробормотал и убежал к машине.

— Ты что? — Толпин кинулся за ним, вернулся со сконфуженным видом. — Повышенное давление, говорит. Не может его запаха переносить... Давыд, а когда ты таким стал?

— Начал расти утром. Хорошо, догадался выскочить на улицу.

— Быстро рос?

— Часа два.

— Больно?

— Жутко.

— Еще бы... Как жить теперь? Одной еды вагоны понадобятся.

— Я есть не хочу,— сказал Давид, услышав слова Толпина.— Мерзну здорово.

— Жара ведь!

— Теплоотдача большая,— сказал Денис.

«Значит, и у него началось утром,— подумал он, разглядывая Давыда.— Если таких в городе наберется человек десять... Люди как боги! По крайней мере, внешне... И еще бессмертные. Но эти не бросаются в глаза, как Давид. А сколько еще таких, в которых тоже что-то изменилось? К лучшему? К худшему? Никто не знает. Может, Толпин прав: нам повезло? Но за какие заслуги? За то, что Давид настраивает приборы, а я пишу интегралы? А Мише и Андрею ничего не перепало? Чувствуй как-то. Должно же существовать разумное объяснение! Может, над нами проводят эксперимент? Но кому это нужно?»

— Давид, пойдём с нами,— решительно сказал он.— Здесь есть одно подозрительное место.

— Я лес поломаю.

— Новый вырастет. Теперь это не проблема.

Давид медленно встал. Запах колыхнулся, сороки испуганно отлетели.

— Размеры! — почтительно произнес Толпин, задрал голову.

Послышалось урчание мотора.

— Миша удирает! — Денис рванулся к газику.— Да постой же ты! — успел вскочить на подножку.— Не бойся, он обычный человек. То есть не обычный, но это неважно. Поедем к Буграм.

— Боюсь,— сознался шофер.

Денис махнул Толпину и крикнул Давыду:

— Мы поедем вперед. Шагай за нами.

— Симпатичный малый,— сказал Толпин, когда газик тронулся с места.— Даже жалко, что не пришелец.

— А пришельцы такие? — поинтересовался Миша.

— Миш, а ты пугливый!

— Машина за мной числится,— отгрызнулся шофер.—

В такой поездке ее угробить — раз плюнуть. Сначала кочки, теперь песок. Того гляди — засыдем.

— Давид вытащит!

— Мужик он здоровый,— уважительно согласился Миша.

«И все так,— думал Денис.— Здоровый, огромный. Словно речь идет о башне. Понятно теперь, почему он сбежал из города. В лесу никто не докучает, можно собраться с мыслями. Мне здесь тоже лучше. Но обо мне, кроме Андрея, никто не знает... Наверное, нужно собрать всех, кто обнаружил в себе изменения. Объяснить по радио, объяснить... А что, собственно, объяснять?»

— На такой дороге я точно машину разобью,— ворчал Миша.

— Еще немного,— пообещал Денис, включая приемник.

«...Жителей столицы встретило необычное зрелище: на улицах, площадях начался буйный рост деревьев и травы, уничтоженных при прокладке магистралей. Особенно интенсивный рост наблюдался в новых районах Москвы. Ожившая растительность совершенно преобразила облик города, сделав его обширной лесной зоной...»

— Велика радость,— буркнул Миша.— Теперь запчастей не напасешься.

«...Это явление затруднило работу наземного транспорта, на выручку пришли метро и вертолеты. По сообщениям корреспондентов, такое явление наблюдалось в ряде городов нашей страны и за рубежом. Сейчас выясняются причины внезапного оживления растительности. А теперь послушайте прогноз погоды...»

— Как-нибудь потом,— сказал Толпин.

«У них ночью началось,— Денис выключил приемник.— Пожалуй, одновременно с нами».

— Стоп! Миша, загоняй в просеку. Дальше пойдём пешком.

— Я лучше побуду возле машины,— сказал шофер.

— Как хочешь. Где Давид?

— Вон он. Такой не потеряется.

Давид стоял в лесу, как в кустарнике, отбрасывая гигантскую тень. «О чем он думает? О своем росте? Что мы отыщем тех, кто преподнес ему этот сюрприз? Или о том, как все сложится в будущем? Не хотел бы я оказаться в его шкуре.— За спиной трещали деревья, перепуганно кричали птицы: это шел Давид.— Шуму много. Впрочем, лес шумом не возьмешь. Людей можно напугать. Люди многого боятся, даже огромного роста. Пока перемены тебя не затрагивают, легко философствовать на тему — приход неожиданного. Совсем иное, когда с ним сталкиваешься один на один. Тут же выясняется, что к встрече не готов... Ишь, как запел! — оборвал насмешливо мысленный монолог.— Скромно, непринужденно зачислил себя в первопроходцы...— Он прислушался к тяжелой поступи Давыда, частому дыханию Толпина.— Ну, придем. Полнобьемся грибами, муравьями. Может, еще какая нечисть появится. Но отгадки не будет. Она в чем-то другом...»

Грибов не было. Растерянный Денис обжегал все окрестности, проверяя, куда ли вышел.

— Ты не ошибся? — спросил устало Толпин.

— Они росли здесь.

— Тогда вот твои грибы,— Толпин небрежно пнул рыхлый холмик.— Рассыпались за это время.

IV

Давид с трудом сдерживал дрожь от озноба и с тоской думал, что теперь неясно, когда он сможет лечь в теплую постель. Ему казалось, что произошедшее с ним — бред, что затянувшееся утро перечеркнется нормальным днем, где он будет как все люди. Иные ниже, другие выше. И самое главное, исчезнет болезненное состояние, когда нельзя находиться среди людей, когда сотни чужих настроений одновременно раздрают тебя. А в лесу хорошо. Здесь только свое настроение, свои ощущения. Правда, Денис чем-то обеспокоен, но тревогу одного человека легко переносить. «Он тоже ничего не знает, замкнут, молчит и думает о своих грибах. Жаль, что мы их не нашли. Может, все кроется в них? Выпьешь грибной настой — и порядок: нормальный человек, а не чудо-юдо».

— Денис, почему ты не уехал с ребятами?

— Не хотелось.

«Толпин, тот энергичный мужик. Видит — ничего нет, сразу с места трогает. А Денис тянет. Возможно, знает что-то. Хотя — нет. Кроме тревоги, я ничего не чувствую».

— Скажи время.

— Без пяти час.

— Так рано?

— Хорошая рань,— съязвил Денис.— Полдня отбухало, а мы ни черта не знаем.

— Мы же ничего не делаем, чтобы узнать. Ты на своих грибах застрял, а я боюсь к людям подходить. Сидим тут буки буками.

— Как ты думаешь, со многим произошло изменения?

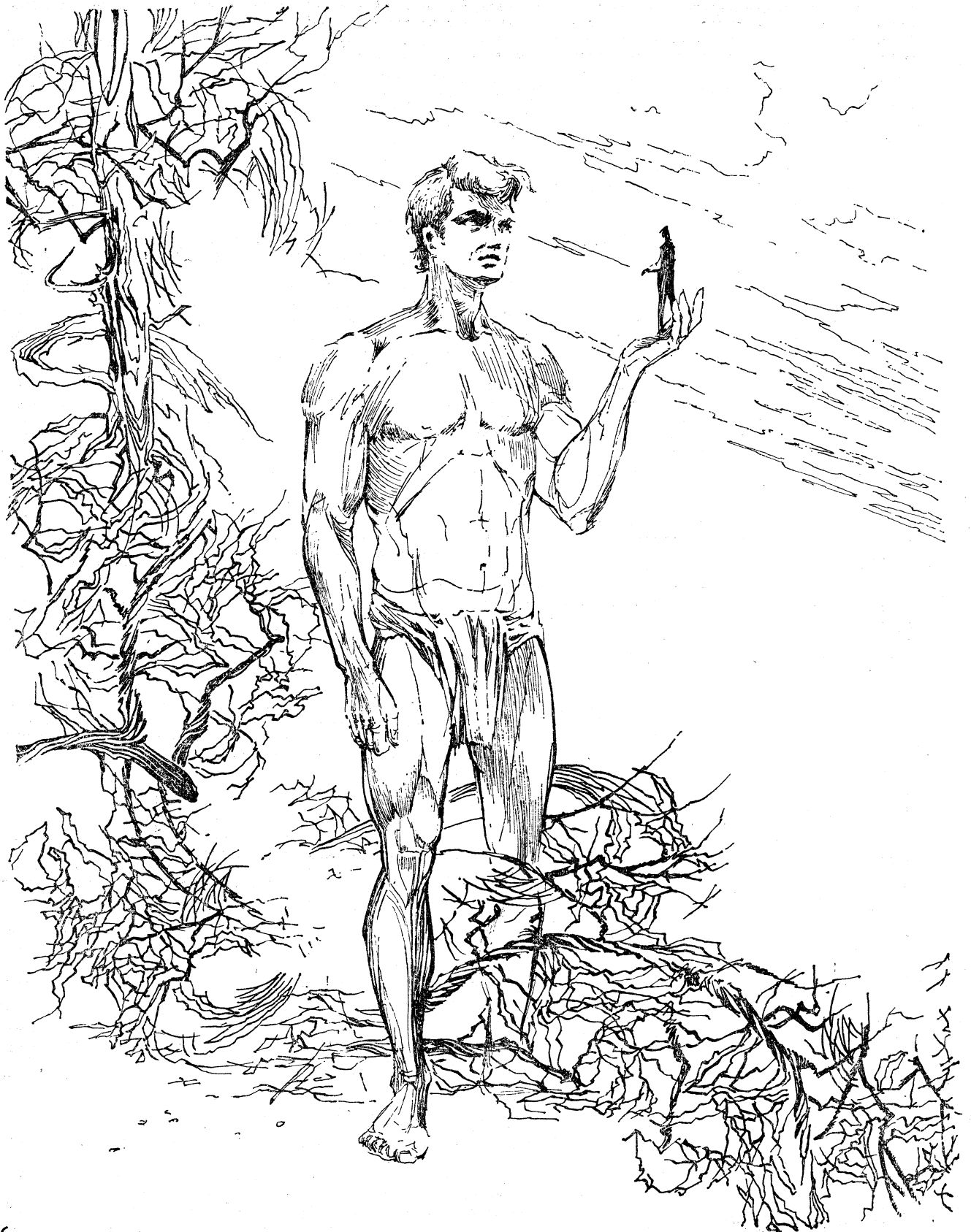
— Таких, как я, не видал.

— Давид, что бы ты делал с бессмертием?

— Жил бы,— улыбнулся Давид.— А ты бессмертный, что ли?

— Сам не пойму.

С высоты Давыду хорошо была видна дорога, заросшая молодой зеленью. По дороге медленно пробирался велосипедист. Над городом кружились вертолеты. Хотя они были далеко, Давид слышал их низкий гул. Его зрение, слух необычайно обострились. Он заметил это утром, когда внезапно начал расти. В го-

роде такая восприимчивость причиняла Давыду невыносимую муку. Как будто тебя раздирают на части. Звуки тонкие, колющие, пронизывают насквозь. А внизу люди. От них исходят тревога, страх. И хочется бежать прочь.

— Давыд, идем в город,— нарушил молчание Денис,— там мы нужнее.

Давыд наклонился к Денису, тот испуганно шаркнулся в сторону:

— Раздавишь!

Давыд мысленно чертыхнулся.

— Влезай сам,— голос его прозвучал хрипло. Он положил ладонь на землю. Денис осторожно вскарабкался по пальцам.

— Ох, и здоровый же ты, дружище!

Давыд чувствовал волны острой тревоги, исходившие от маленького человека.

— Я не стану торопиться,— сказал он успокоительно.

Идти было нелегко. Деревья ломались, обломки впивались в голые подошвы. И еще нужно было следить за тем, чтобы не выпал Денис.

«Носильщиком людей быть не так-то легко. Даже при огромном росте. А что для меня теперь будет легко?» Давыд видел зеленую щетину леса, а вдали город, совсем не похожий на прежний. «Все растет,— думал он,— наверное, и люди. Просто одни быстрее, а другие медленнее. Так всегда бывает».

— Денис, ты не растешь? — спросил он с тайной надеждой.

— С чего бы?

— Деревья растут, я вырос. По логике и все остальные должны вырасти. Представляешь — земля великанов!

— Представляю, какой хаос наступил бы.

Давыд ускорил шаг. Внизу, на тесно прижатой к бедру ладони, что-то кричал Денис. «Каким я был дураком, что струсил и сбежал из города. Подумаешь — рой настроений. Все равно от него не избавишься. Значит, нужно привывать». Остановился возле понтонного моста. На противоположном берегу зеленым забором стоял лес, за ним должен был начинаться город. Но его не было видно из-за деревьев, поднимающихся по обрывистому склону от городского пляжа. Безлюдный пляж отливал сине-зеленым цветом. «Водоросли», — понял Давыд.

Водоросли закрывали почти всю поверхность реки. Из редких, блестящих на солнце окон чистой воды, то и дело шумно выскакивали рыбы, тяжело шлепались на гибкую пленку. По обе стороны от моста берег был устал серебрящимся слоем рыбы. Слой шевелился, вздрагивал в предсмертном удушье. Давыд почувствовал, что ему страшно лезть в воду. «Что это со мной?» Он с опаской вступил в реку. Шел медленно, скользя по донной гальке, водоросли обволакивали ноги, затрудняя движение. Вдруг что-то сильно толкнуло его в бедро. От неожиданности Давыд качнулся и вскрикнул. Восстановив равновесие, он взглянул на ладонь и обмер. Денис лежал неподвижно на самом краю. Давыд рванулся к берегу, держа руку перед собой. Выбравшись на сушу, поднес ладонь к глазам. Грудь Дениса то поднималась, то опускалась. «Нужно срочно искать врача. Сам я ничего не сделаю. Могу разве что на-вредить».

Город напоминал лесные заросли. Деревья, кусты росли всюду: на тротуарах, мостовых, крышах домов. Улицы словно вымерли. Сколько Давыд ни всматривался, пытаясь обнаружить людей, все старания были тщетны. Он нес обмякшего Дениса и думал, что ближе всего — клиники мединститута, но там, скорее всего, никого нет. Или наоборот — все переполнено.

Город был залит тревогой, и Давыд понял, что не видит людей из-за своего роста. Кому охота в такой сумасшедший день связываться с невастью откуда взыв-

шимся великаном, который несет на ладони расprostертого человека?

Кое-где тревога была сильнее, иногда почти не ощущалась. Пройдя одно из тревожных мест, Давыд остановился и оглянулся. На проломленную им среди растительности тропу осторожно вышли двое. Они зыались за обломки дерева и потащили на обочину. В глубоких зарослях, сквозь которые с трудом просматривались белые здания, затарахтел мотоцикл. Когда-то здесь была улица. А сейчас в этой чащебе и клинику не сразу отыщешь... Один из появившихся случайно взглянул в сторону Давыда и застыл в полусогнутом состоянии. Вероятно, он что-то шепнул своему спутнику, потому что тот поднял голову и тоже замер. Давыд вздрогнул от толчка тревоги. Ему захотелось кинуться прочь. «Стоп! Этого делать нельзя. Я ведь не в лесу. И не зверь. Почему же бегу, как затравленный...» Он медленно повернулся и спокойно зашагал дальше. «Сколько времени упущено,— ругал он себя.— Не удивительно, что от меня сейчас прячутся. Помогать людям нужно, а не пугать их своим видом». От этих мыслей пришло облегчение.

Ближе к клиникам усилился непонятный шум. Вслушавшись, Давыд понял, что в центре города началась вырубка лишних деревьев. Он шел медленно, избегая улиц с троллейбусными и трамвайными линиями. Тихие, пригодные для него улицы были застроены в основном одноэтажными и двухэтажными деревянными домами, в их окружении Давыд острее почувствовал всю несуразность своего роста. В домиках ютилась тревога. Давыду ежеминутно приходилось подавлять в себе порывы паники, от постоянного напряжения у него запылились виски. «Мне не выдержать большого скопления людей. А Дениса нужно показать врачам. Я даже не успею толком объяснить им, в чем дело. Впрочем, сами сообразят...»

Вдоль центральных улиц лежали груды поваленных деревьев. Асфальт походил на лесную делянку. Везде торчали свежие пни, обрамленные венчиками зеленых побегов. «Бесполезная работа. Через три-четыре часа здесь опять будут джунгли».

Денис по-прежнему не приходил в себя, и Давыд обрадовался, выйдя на улицу, где стояли клиники. В конце просеки, у самого входа в ближнее здание, вытянулась вереница машин «скорой помощи», окруженных множеством людей в белых халатах.

V

— Кто ты? — спросил врач.

Давыд растерялся от такого вопроса.

— Человек,— помня силу своего голоса, как можно тише сказал он.— Обычный человек. Сегодня утром вырос... Я друга принес.

— Что с ним?

— Обморочное состояние,— склонившаяся над Денисом женщина выпрямилась, откинула со лба прядь волос.

— Положите во дворе на раскладушку,— врач энергично взмахнул тростью.

Давыд огорчился из-за расставания с Денисом: что ни говори, самые трудные первые часы провели вместе. Он переступил с ноги на ногу, намереваясь уйти.

— Ты куда? — остановил врач.

— Домой пойду,— машинально ответил он и тут же сообразил, насколько смешно это звучит.

Врач мягко улыбнулся:

— Оставайся с нами.

— А что у вас делать? Так бы я хоть деревья выдергивал.

— Как зовут? — Узнав имя, врач быстро заговорил: — Слушай, Давыд, людей носить будешь. Мы не везде можем проехать. Проклятые деревья все до-

роги взломали. А для тебя они не препятствие. Пройдешь?

— Должен,— проговорил Давид, рассматривая панораму города. Мало еще вырубали. Только в центре, окраины почти не тронуты.

— Что же происходит? — спросил он, переводя взгляд вниз.

— Никто не знает.

— А с людьми что? Зачем их носить?

— У многих с сердцем плохо. Ну, хватит разваривать. Пора выезжать. А куда — сейчас узнаем.

Врач захромал в сторону здания. Давид посмотрел ему вслед и понял, что тот опирается при ходьбе не тростью, а влопыхах обломанной палкой. «Ногу отдавило. Тяжело им сейчас приходится». Энергичный доктор скоро вернулся.

— Это близко? возле пристани. Впрочем, раньше было близко, а сейчас... — Он махнул рукой и полез в машину. — Другим больше повезло, они на вертолетах. Ну, а у нас ты. Выдержишь?

Автомобиль то срывался с места, то, проехав десяток метров, останавливался у трещины или створа. «Это же пытка. Так мы будем добираться трое суток». Давид нагнулся и, схватив машину, поднял ее в воздух.

— Ребята, так лучше, быстрее, — сказал он, стараясь заглянуть внутрь. — А то ползете, как черепаха.

Машина оказалась легкой. Труднее было следить за дорогой: Давид боялся раздавить кого-нибудь или что-нибудь среди пней и деревьев. В воздухе висел синеватый угарный дым, в чаще трещали и взвизгивали бензопилы. Пахло свежей смолой.

— Где ты собираешься нас приземлить?

Он поставил машину на свободный пятачок асфальта:

— Пришли.

Врач с трудом вылез, припадая на больную ногу.

— Сейчас и не отыщешь нужный дом. Давид, где кинотеатр?

— Мы рядом с ним.

Врач тихо выругался:

— В трех соснах плутаю. Было же объявлено по радио: очистить подъезды к жилью. Так нет — чешутся... Подожди нас здесь.

Давид осмотрелся: вокруг стояли белые осины, высились ярко-зеленые ели. «Пока они вернутся, сколько времени пройдет. Займусь корчевкой». Отошел от машины, пнул пяткой осину. Раздался треск, дерево накренилось. Сломав таким образом несколько штук, он сообразил, что обломки-то останутся торчать, и начал выдергивать деревья, расчищая то, что когда-то было мостовой. Дергал с азартом, забыв об окружающем его мире: о враче, исчезнувшем в дебрях в поисках больного, о Денисе, о суматошном утре, когда все внезапно начало уменьшаться в размерах. Была только работа, нужная людям. По расчищенной им дороге пойдут санитарные машины, спасая пострадавших от зеленого безумия.

Вдруг он почувствовал острый укол тревоги и боли. Боль была не его, она шла откуда-то из нетронутой чащи. Он покачнулся и, сжав виски, медленно опустился на землю. В колени врезались куски взломанного асфальта, плескалась вода, просочившаяся из поврежденных труб. Из-за деревьев выскочил человек, за метался по изувеченной улице.

— Телефон, где здесь телефон?

Не давая себе отчета в том, что делает, Давид осторожно подхватил его двумя пальцами и перенес к ближайшему автомату. Человек ошалело мотнул головой и бросился в будку. И пока он бубнил что-то в трубку, приступ исчез. Пошатываясь, Давид встал и, осмотревшись, обнаружил у подножия деревьев среди густых кустов покосившийся домик. Там что-то произошло, понял он. Звонивший выскочил из кабины,

прижимая руку к боку, и остолбенел, глядя на Давида.

— Етишкин кот! — проговорил он сдавленно. — Это ты меня перенес? Чуть ребра не поломал... Ну и денек!

— Давид, — голос врача был злым, раздраженным, — пойдём отсюда.

Поворачиваясь, Давид успел заметить, как мужчина побежал к домику.

— Туда нужно зайти, — вырвалось у него. — Там больной.

— С чего ты взял?

— Оттуда выбегали звонить. Из того дома в зарослях, через дорогу.

— Это ты называешь дорогой? А-а, ладно, — врач кивнул санитару, и они нырнули в чащу.

Прошла вечность, прежде чем они снова показались на противоположной стороне. Врач хромал рядом с носилками, которые несли санитар и уже знакомый Давиду мужчина.

— Скорее в клинику.

— Сердце?

— Что-то другое. Еще не знаю.

Носилки загрузили, и Давид поднял машину в воздух. Мелькнуло испуганное лицо сопровождающего. «Врач здорово встревожен, — осторожно вышагивал гигант по проложенной тропе. — Не хватало, чтобы болельница оказалась заразной. Тогда всем крышка. Город практически не существует. Центр еще борется: там больше камня. Здесь же все заросло, и как ни вырубай, зарастет снова...»

— Хорошо, что ты догадался, — врач открыл дверцу. — На вызов приехали бы поздно вечером, если не завтра утром.

Носилки выгрузили и поспешно понесли в здание. Врач заковылял рядом, успев крикнуть Давиду, чтобы подождать его.

Среди деревьев Давид видел множество раскладушек и просто постелей, наспех брошенных охапок ветвей. «Где-то здесь лежит Денис, — скользнул он взглядом по импровизированному госпиталю. — Я так и не узнал, что с ним. А сейчас это безнадежная затея». Он стоял поодаль, расставив ноги, чтобы не мешать подъезжающим. Все было, как раньше, и в то же время иначе. Лишь немного погода, Давид сообразил, что исчезла тревога. Никто испуганно не смотрит на него, не шарахается в сторону. Дело поглотило всех полностью, не оставляя места лишним эмоциям. «Так и должно быть. Главное — сдержать первый удар, не запаниковать». Впервые за сегодняшний день он ощутил силу, пришедшую с гигантским ростом, и чувство это заставило его выпрямиться, не стыдиться своих размеров. В конце концов, не виноват же он, что так получилось...

Давид ждал врача и вспоминал, что в детстве мечтал стать великаном. Но как его превращение непохоже на детские представления! «Громадный одушевленный локатор. Ловлю настроение окружающих и тут же ему отдаюсь...» Ведь и острая боль, свалившаяся его возле пристани, связана с этой же способностью воспринимать чужое настроение...

— Ты не ушел? — хромой врач тяжело дышал. — А друг твой исчез.

— Я так хотел с ним повидаться, — огорчился великан.

— Давид, нас должны изолировать. Из-за твоего больного.

— Что с ним?

— Непонятно. Потому и изолируют. Только как быть с тобой?

— Понимаю, — с горечью произнес Давид. — Я уйду из города.

— Это ненадолго, — поспешил утешить врач. — Все необходимое тебе доставят вертолетом.

— Что ж, спасибо... Я буду в лесу за Дачным городком.

— Не обижайся.

Давид молча повернулся и зашагал к понтонному мосту.

VI

Ноги его были исцарапаны обломками деревьев, но он не замечал этого. Сознание вновь наполнила тревога, и Давид понял, что она пришла из разноцветных дачек, спрятавшихся среди деревьев, доходивших ему до пояса. Внизу, наверно, сыро и темно, как в любой чаще. Вверху ослепительно сияет солнце, но здесь он совершенно один. А дачки объединены боязнью быть раздавленными мимоходом гигантской стопой, страхом перед яростным напором растительности. Эта непокорность казалась сверхъестественной и увязывалась с появлением исполина...

Давид не сразу понял, что прозвучал выстрел. Только так же трещали деревья на его пути. Только мгновенный укол, напомнивший укус комара, заставил сообразить, в чем дело. Он с недоумением осмотрел заросли: захотелось обязательно найти стрелка. Но после второго выстрела это желание исчезло. Ощущать себя дичью было неприятно даже при его терпешнем росте.

Он ускорил шаг и вышел к берегу, откуда совсем недавно торопился с Денисом в город. Пленка на воде пожелтела, рыбы больше не выпрыгивали, лишь изредка колыхались водоросли. В тот аромат свежешелой рыбы, что стоял в воздухе от серебрищихся груд на обоих берегах, вплелась струя гнилостного запаха. Давид подумал, что река совсем запаршивела, и неохотно ступил в воду. Однако переход обошелся без осложнений.

Где лежала дорога, Давид догадался смутно. «Неужели теперь навсегда так: деревья, деревья — и ничего больше? Мы со многим справились, боялись лишь атомной войны. И вдруг привычные деревья, выросшие в неположенных местах, грозят развалить цивилизацию». Он вспоминал город, затянутый дымкой бензопил и автомобилей, буксующих на пнистых дорогах. В ушах стояли лягание тракторов, гул вертолетов. «Решалось бы с болезнью быстрее. В такое время прозябать в лесу... Куда это я разогнался? Могут и не найти...»

Расположился на песчаном берегу озера. Вода была чистой, и Давид почувствовал жажду. Опустился на колени, напился. Жажда исчезла, но ее сменил голод. Впервые за все время захотелось есть. «Без вертолета мне долго не продержаться. — Он прилег на теплый берег, закрыл глаза. — Я же человек, хотя какой-то дурак не поверил в это... Теперь набраться терпения и ждать. Надеюсь, за неделю вся петрушка кончится».

В глубине души он верил, что к вечеру за ним прилетят и можно будет вернуться в город.

VII

Денис в последний раз оглянулся на растревоженные клиники и поспешил скрыться за громадным тополем, выросшим еще в стародавние времена. Сквозь заросли с трудом пробивалось солнце. Оставались лишь редкие островки, не занятые деревьями. В таких местах росла особо густая трава, оживленно стрекотали сороки.

Он пробирался к институту. Там должен быть Толпин, который мог знать о Давиде. В клинике Денис не решился уточнить, куда делься великан. Говорили о какой-то болезни, карантине, но он не поверил в это. Попробуй посадить Давида в изолятор!

Ориентироваться приходилось по зданиям, пере-

ставшим походить на себя. Под ногами мягко стлалась трава. Свежий воздух и быстрая ходьба приободрили Дениса, исчез гул в голове. Повсюду виднелись следы человеческого сопротивления: торчали пни, кое-где дымился свежешелый асфальт. Между деревьями мелькали озабоченные велосипедисты, а возле одного из домов Денис обрадованно заметил девочку, играющую в классы.

«Ничего, постепенно все вырубим. И потечет прежняя жизнь: асфальт, пыль, загазованный воздух, транспорт... — Он с невольным умилением вспоминал о транспортной толчее. — Толпин прав, нам повезло. Мы ведь никогда не принимали всерьез деревья, траву. Сначала вытаптывали, вырубали, а потом поспешно возобновляли хилые насаждения в городских скверах. От сегодняшнего сумасшествия в наследство останутся роскошные парки... И великан Давид, и мое бессмертие, и переполненные клиники? — подумалось вдруг. — Нет, утверждать, что здорово повезло, нельзя... И еще рыба на берегу, водоросли, — вспоминал он. — А чего я еще не знаю?..»

На церковь Денис наткнулся неожиданно. Она находилась в стороне, прямо противоположной институту. «Что за дьявольщина, — озадаченно остановился он, — надо же так промахнуться!» Прикинул, как возвращаться. Даже в прежних условиях дорога заняла бы не меньше часа... Застонал от досады.

Эту церковь он помнил еще с тех пор, когда приходил к своей будущей жене в общежитие, стоящее поблизости. Вверху тихо позвякивал колокол, по затемненному двору скользили невыразительные фигуры людей, затянутых в черное. «Суетятся божиьи люди. Экое счастье привалило: чудеса среди бела дня. Никакая наука не объяснит. А гипотеза бога работает безотказно. И пришельцев. Что бог, что пришелец... А если ненароком еще на Давида напорешься...»

Он вошел в церковную ограду. У самого входа на кривом шесте была приколочена табличка: «Во дворе храма не курить». У Дениса засосало под ложечкой, и он, отгоняя навязчивое желание, быстро направился к церкви. На крыльце, полуразваленном проросшим кустарником, стоял лысый старик с огромной белой бородой. «Неужели столько народу?» — он заглянул внутрь. Места вполне хватало. Недоуменно пожав плечами, обогнул старика.

— Еще господу Богу помолимся, — монотонно бубнил с возвышения священник.

— Аллилуйя, — вступил хилый хор из двух старушек, благообразного мужчины в полосатом пиджаке и высоченного молодого парня с непрерывно подмигивающим глазом.

«Техника давно налажена, больше тысячи лет...» — он обжегал взглядом толпу. В основном молились старушки в черных платках, надвинутых на самые брови. Растрянно переминались старики. Кое-где неподвижно стояли среднего возраста мужчины и женщины... Наверное, он улыбнулся, потому что услышал шипение: — В храме божием нельзя насмехаться!

Денис оглянулся. За спиной стояла тощя, как жердь, монашка. Кривой нос, казалось, клевал собственные губы. Он поспешно кивнул и, заложив руки за спину, повернулся к священнику.

— Руки! — услышал он. — Нельзя за спиной держать, только спереди, либо поклоны.

— Да-да, — прошептал он и стал пробираться к выходу.

«Будут тут учить, что и как делать, а время идет. Хотя меня-то это не касается, но для других — уходит...» С облегчением выбрался на крыльцо, вдохнул свежий воздух. Возле шеста с табличкой достал сигареты, но закурил все-таки за оградой.

— Грехи наши тяжкие... — Лицо почти шарообразной толстухи было напряжено, губы скорбно поджаты. — Несть числа им, и за то господь карает... Моле-

бен кончился? — спросила она неожиданно звонким голосом. — Нет? Слава богу!

«Да, богу сегодня раздолье, — он сделал глубокую затыжку, соображая, в какую сторону идти. Определив, зашагал вдоль витой железной ограды, отделявшей церковь от улицы. — Пришельцев я не нашел. Но я мог предположить их существование. А что делать этой толстухе? Кроме как богом, или чертом происходящее не объяснить». Он немного позавидовал тем, кто бездумно кинулся в этот субботний день под купол церкви. По крайней мере, у них появилась точка опоры. Он же узнал и увидел за сегодняшний день больше, чем любой из молившихся, но его знание не дало опоры. К тому же собственное бессмертие или вера в него выпадали из происходящего. Все, что он видел, объединялось одним понятием — рост. Быстрый, неудержимый рост. И задача, в общем, ясна. Рубить, пилить, травить! Чтобы не угасла цивилизация в тени слишком многочисленных и оттого опасных деревьев и трав. Все это хорошо, пока загнано в резервации скверов и парков. Тогда природой можно любоваться, впадать в лирическое настроение при шуршании осеннего листа.

Хуже всего было думать о собственном будущем. До сих пор он знал, что смерть неминуема. И нужно торопиться сделать все, что в его силах. Как все смертные, он был скован временем. И вдруг скованность исчезла. Это никак необъяснимо и оттого тревожно. Так бывает во сне, когда летаешь, а под сознание тревожится — ведь не умею я летать!.. Все люди умирают, бессмертия нет, а я им обладаю. Этого быть не может, значит, что-то неладно. Он ошалело крутил головой. Мысли толклись на одном месте, ничего не проясняя.

Он сделал шаг и свалился с обрыва. Далеко укатиться не пришлось: задержало дерево. Денис осторожно сел, непонимающе посмотрел перед собой. Внизу, в зеленом ущелье, виднелась река. Оттуда доносился гнилостный запах, Денис невольно задержал дыхание.

Долго соображал, куда же попал. Если внизу река, значит, он на окраине города. Если это окраина — должен быть мост. Еще раз посмотрел на реку и посредине ее обнаружил остров. Шел он около часа, за это время не мог далеко уйти. Обрыв и остров возможны только в одном месте — на Фомкиных лужках. Отсюда до института берегом реки полчаса.

Лесной шум убаюкивал, и незаметно Денис начал представлять, как выглядел бы город, если оставить все выросшее. Или тронуть совсем немного, чтобы свободно можно было передвигаться. Потом мысли его вернулись к событиям сегодняшнего дня. Безусловно попытался угадать, какие неожиданности он еще принесет. Вспомнил о Давиде и пожалел, что тот исчез: с ним давно был бы в институте... Вдруг показалось, что пошли совершенно дикие места. Отчетливо донесся звон пил. Он пошел на звуки. Показались люди. В песке на детской площадке возились малыши. Одни, без озбоченных мамаш. А Денис почувствовал себя как на необитаемом острове. Он оперся на первый попавшийся ствол и закрыл глаза. «Бессмертным, наверное, не заказано болеть...» За брюки настойчиво подергали: у ног стоял мальчуган с лопаткой.

— Пойдем, поможем копать, — серьезно предложил он.

От этого незатейливого приглашения все стало на свои места.

— Некогда, малыш, я на работу спешу.

— А папа деревья рубит, а там в земле что-то твердое.

«Корни, наверное», — подумал Денис и посоветовал:

— Ты в другом месте копай.

Малыш деловито зашагал прочь. Денис посмотрел ему вслед и направился к ближайшему дому выяснить,

где оказался. На стене висел большой жестяной номер без названия улицы. Пришлось выходить на перекресток.

Угловой дом был упрятан за покосившийся забор. Денис дошел до калитки — номера не оказалось. На расшатанной дверце сквозь буро-зеленый мох едва просматривался ржавый квадрат с полустертой надписью: «Злая собака». Перейдя через бывшую проезжую часть, он натолкнулся, наконец, на долгожданную табличку, ошеломленно прочел: «Переулочек профессора Русских»...

До института полтора часа ходьбы. Заблудился. В городе, среди бела дня.

VII

Мужчина сидел на подоконнике и пил из бумажного пакета кефир. Денис невольно сглотнул слюну. — Вчерашний, — сказал мужчина, уловив его взгляд, — сегодня в магазины ничего не завозили. Жрать хочется — сил нету. Обычно, веришь, молочное в рот не беру. Сегодня приперло. — Он смал пустой пакет, небрежно швырнул в кусты. — Раньше не бросил бы, а сейчас... — Он махнул рукой. — Все равно зарастет.

— Откуда это взялось? — спросил Денис. — Я радио давно не слышал.

— А-а, никто не знает, — мужчина прыгнул в густую траву, подхватил топор. Лезвие ярко блеснуло. — Хочешь, послушай. Только хрипит здорово. Веришь, недавно купили. Сегодня двадцать четвертое? Восемнадцатого купили. А я пойду, подступы надо расчищать. Послушаешь — приходи, топор дадим.

На смуглом лице мужчины мелькнула улыбка. Денис посмотрел на его руки, замотанные грязной тряпкой, и тоже улыбнулся:

— Волдыри?

— Сам понимаешь, с непривычки. Так приходи, если дела нет.

— А в дом — в окно, что ли, влезать?

— А как же иначе? Самый удобный путь.

Денис с трудом вскарабкался на подоконник.

— Захочешь кефиру — полезай в холодильник, — напутствовал его новый знакомый, закинул топор за плечо и скрылся за домом. Оттуда доносился привычный уже для сегодняшнего дня визг пил и стук топора.

Денис оказался в стандартной двухкомнатной квартире, похожей на его собственную и на множество других. На столе стоял транзистор. Денис нажал клавишу. Помех действительно было много. Потоптавшись возле свистящего приемника, он решил воспользоваться приглашением и подкрепиться. Холодильник не работал. На его полках было пусто, и только в углу стоял отсыревший пакет кефира. Надорвав край бумажной пирамидки, Денис сделал несколько глотков и бездумно уставился в окно. Положение было сквернейшим: он совершенно не мог ориентироваться в пространстве. После злополучного переулочка Денис сделал еще несколько попыток выйти в нужный район, но столь же безуспешно. В конце концов он присел на скамейку возле этого дома, решив просить помощи у людей.

Больше с ним ничего не случилось. Он сразу проверил — не потерял ли память, способность работать? Все было в норме. «Расплата за бессмертие — жизнь с провожатым! Чудесная перспектива...» — Допивая кефир, через распахнутую дверь увидел телефон. — Позвоню-ка Толпину. Пускай забирает меня к себе, или увозит в больницу». Вспомнил переполненные клиники медицинского института. С его заболеванием у врачей делать нечего: сердце работает, внутренности в исправности, конечности целы. Единственно, кто может заинтересоваться им, психиатр.

Телефонные гудки показались чудом.
— Андрей, выручай! Заблудился, не могу попасть ни домой, ни в институт! Плутаю уже часа три.

— Где ты сейчас?

— Подожди, взгляну на название улицы.— Денис выбрался из квартиры и у первого встречного узнал адрес.— Пушкина,— сообщил он,— сорок восемь.

— Минуту, узнаю насчет велосипеда.— Толпина долго не было слышно, затем в трубке задрезжал задыхающийся голос.— Выезжаю.

— Андрей, что это такое? — не удержался Денис.

— Говорят,— солнечная активность. По всей Земле растет. Даже в Сахаре... Давид с тобой?

— Потерял я его. Долго рассказывать... Я тебя не ставлю? — спохватился Денис.

— Да нет,— немного помедлив, ответил Толпин.

Денис вернулся к радиоприемнику. «Солнечная активность,— крутил он ручки настройки.— Ну и что? И раньше ее было сколько угодно. С какой стати она взбеленилась сейчас?»

«...Особые опасения внушает состояние Лувра,— провралось сквозь вой помех.— Ведется борьба...» Женский голос утонул в хрилах. Денис начал искать станцию на близких волнах. «...Город парализован. Мэр заявил о волне паники, сопровождающейся разгулом гангстерских группировок. Власти принимают срочные меры. Стянуты войска...» Снова хрипы. «Передаем сводку солнечной активности. Число пятен увеличилось до...» — помехи опять заглушили передатку.

Он походил по квартире, постоял у книжного шкафа, полистал старые номера «Вокруг света». Вернулся к окну и сел на подоконник, болтая ногами, как это делал хозяин квартиры. Он думал о том, что бесконечная жизнь — это бесконечная возможность узнавать. Это возможность попробовать недоступное сейчас из-за нехватки времени. И тогда исчезнет тягостное чувство старения, сознание того, что катастрофически не успеваешь осуществить задуманное. Появится время! И появится груз вековых привычек, предрассудков. И исчезнут старые друзья, все близкие, родные. И что же тогда останется?..

Держась за плечо, из-за угла появился его новый знакомый.

— Зашибло,— пожаловался он,— нужно немного отлежаться.— Его майка потемнела от пота, черные волосы на груди лоснились.— Поел?

— Да, спасибо. Кефир очень вкусный.

— Вот-вот,— непонятно почему обрадовался мужчина.— И мне понравился. А топор я за домом оставил.

Денис грузно спрыгнул на землю:

— Так за домом?

— Там. Я немного оклемаюсь, тоже подойду.

— Не торопись. Останется и тебе.

За домом он едва успел отскочить от падающего дерева.

— Чего глазеешь? — крикнула худенькая женщина.

— Я тут...

— Вместо Кеши? — догадалась женщина.— Бери топор.

Денис с остервенением рубил лежащую сосну, выбрав самую толстую ветвь. «Быстрее бы приехал Андрей...» — Он ждал друга с таким нетерпением, будто тот мог избавить его от всех вопросов. Топор то и дело отскакивал от сырых упругих ветвей.— Это тебе не интегралы брать,— издевался над собой Денис.— Нужно драться с лесом, так-то, дружище!»

Из-за деревьев на грохочущем несмазанном велосипеде появился Толпин. Остановился перед домом, задрал голову в поисках номера.

— Еле доехал,— сказал он, когда обрадованный Денис схватил его за руку.— Дорога — мечта идиота. Останавливался каждые два метра. А ты ничего,— он внимательно осмотрел Дениса.— Выглядишь нормально и вроде бы цел. Что стряслось? Где ты заблудился?

— Здесь,— Денис обвел широким жестом окружающий их лес.— Везде...

— В этом зеленом бедламе все возможно,— сказал Толпин, выслушав его рассказ.

— А теперь говори ты. Все, что знаешь.

— Ничего не знаю,— Толпин уселся на ближайший пенек.— Солнечная активность — все мои сведения. Везде растет. Что, зачем — никто не знает. Радио слушать невозможно — помехи, телевизор не работает.

— А про активность что говорят? — попытался Денис.

— Считаю пятна, интенсивность излучения... Слушай, чего ты ко мне привязался! — взорвался вдруг Толпин.— Никто ни черта не знает, рубят деревья — и только! Электричества нет, телефон почти не работает. Тебе еще повезло, дозвонился.

— Не сердись,— опешил Денис.— Поехали домой...

— И впрямь — поехали, хватит время терять.— Толпин начал остывать.— Отоспишься, голову в порядок приведешь.

— Постой,— спохватился Денис,— с одним мужиком не попрощался.

Кеша сидел на подоконнике в прежней позе, мрачно крутил ручки транзистора.

— Молчит,— поднял он голову на звук шагов.— А ведь купили совсем недавно, восемнадцатого.

— Прощаться пришел, друг за мной приехал.

— Уезжаешь, значит? Пойду к ребятам. Хоть ветки оттащить. Слушай, а твой друг не знает, откуда этот бардак?

— Не знает,— печально ответил Денис. Ему было не по себе: все заняты делом, один он неприкаянно блуждает по городу.— Я уж дома поработаю топором.

— Работы теперь надолго. Ну, будь здоров.

Денис протянул руку. От Кеши пахло смолой, свежей щепой и потом.

— Приходи, когда все уладится,— сказал Кеша. Ты парень, видно, ничего.

IX

Давид проснулся от того, что солнце светило в глаза. «Надо поджарить яичницу», — подумал спросонок, чувствуя, как голод сводит желудок. Небо было яркосиним, с легкими мазками облаков, и, взглянув на него, он вспомнил о своем росте и неудобствах, связанных с ним.

— Проще дотянуться до облаков, чем приготовить обыкновенную яичницу,— пробормотал тоскливо, подтягивая ноги и усаживаясь поудобнее.— А есть-то хочется....

Человек прятался на противоположном берегу, в густых кустах. Испуганно смотрел на Давыда. За спиной висел рюкзак, руки сжимали ружье. Уловив движение великана, он заорал и кинулся в чащу. «Из тайги. Наверное, ничего не знает. Все разразилось так моментально».

Опять один! Давид растянулся на песке, стараясь его теплом прогнать ощущение голода. Начал перебирать события сегодняшнего дня, отыскивая зацепку, которая привела бы к отгадке. Первое — это рост. Росли деревья, кусты, трава. Вырастали там, где их не было уже десятки лет. «Последовательность примерно такая. Все заметно выгнулось, когда мы были в лесу, искали грибы. По рассказу Дениса получается, что грибы росли одновременно со мной. Мржет, чуть-чуть раньше... Денис говорил о каком-то бессмертии, а я воспринимаю чувства окружающих. Это второе, что можно выделить. Связано ли оно хоть как-нибудь с ростом?»

Перебрав все «за» и «против», Давид зашел в тупик. Простым перечислением фактов, их логической увязкой ничего не добьешься. Нужно озарение, которое все поставит на свои места. Но оно не наступало.

И не проходил голод. Давид ворочался на песке, пытался не вспоминать о еде. Это приводило к обратному. «Они же обещали прислать вертолет,— раздраженно думал он.— Может, никакой болезни нет. Обычная паника. А я сижу в глухомани и ожидаю неизвестно чего. А под лежачий камень... Если дело серьезное, меня просто не пустят в город. Если тревога ложная, в городе от меня больше пользы».

Он решительно встал. С высоты его роста были видны только деревья и ничего другого. Лес тянулся к горизонту, Давид знал, что он уходит дальше, что сейчас вся планета покрыта этим мгновенно выросшим лесом. «Каша заварена крутая, долго придется расхлебывать...»

И опять под ногами трещала растительность. Треск сырой, неохотный. Нечаянно оглянувшись, Давид заметил, как выпрямляется часть деревьев, попавших под его стопу. Зрелище это поразило Давыда, он долго стоял и смотрел на удивительные деревья. Они сначала застывали в положении, которое придавала им его нога, словно оценивали обстановку: что будет дальше? И, поняв, что гигант уходит, медленно и невозмутимо принимали прежние позы. «Можно подумывать, что это разумные существа. И они взбунтовались, чтобы не быть загнанными в резервации парков и садов...— Нелепая, сумасшедшая мысль! Он постарался прогнать ее, но безуспешно. Достаточно было оглянуться, чтобы она возникала вновь.— Разумные растения. А почему бы и нет? Что мы знаем об окружающем нас мире? Что из деревьев получают бумагу и картон? Что растения бывают полезными и вредными? Для нас... А мы для них какие? Может, с нами сейчас борются, как с сорняками природы? Кто ответит на эти вопросы?» Лес, даже разумный, безмолвствовал.

Он старался идти осторожнее, чтобы оставлять на своем пути меньше повреждений. Вдруг догадка окажется правильной? Тогда будет трудно отделаться от сознания, что загублены разумные существа. Незаметно мысли вернулись к Денису. «Он говорил о бессмертии. Если это правда, ему здорово повезло. С моим ростом и чуткостью к настроениям только неприятности. А бессмертие — стоящая вещь!»

Впереди показался берег. Где-то должен быть мост. Впрочем, что ему переправа через реку? Немного поразмыслив, он решил все же пройти к мосту, показаться людям: нужно будет — в город не пустят.

Х

— Приехали,— Толпин спрыгнул с велосипеда.— Тяжелый ты, еще вчера ни за какие коврижки не повед бы.

— Какой уродился. Ты уверен, что мы там, где нужно?

— У меня фирма со стопроцентной гарантией! Дойдешь один?

— Не маленький,— ответил Денис, озираясь вокруг.

— Что с тобой?

— Все кажется, что заблудился.

— Э-э, милый, тебе нужно выспаться. Пойдем, провою.

Денис покорно кивнул. «Хорош бессмертный с вододырями! — грустно думал он, поднимаясь по лестнице вслед за Толпиным.— Сколько же их будет? Всех, кто живет сейчас — не станет. Один я буду коптить с какой-нибудь электронной псиной».

— Давай ключ.— Толпин протянул руку. Денис пошарил по карманам, подал связку.

— Самый затертый,— сказал безучастно.

— Поспать тебе нужно,— в который раз повторил Толпин.

Денис прошел в квартиру, вытащил на середину комнаты кресло, расслабленно шлепнулся в него.

— Потерпи минуточку, сейчас сообщаю кофе.

— Нет-нет, ждать некогда. Да и отключено все.

— Досадно, я весь день не ел. Куда торопишься?

— В штаб. Я ведь отпросился ненадолго.

— Штаб? Борьбы с этим?

— И с этими, и с грабителями. Моментально появились.

— И я с тобой,— засобирился Денис.

— В таком состоянии лучше оставаться дома. Отдохнешь — приходи. Адрес оставлю.

— Нельзя, значит, сейчас? Могу подождать. Со временем я теперь большой приятель.

— Придешь, разберемся и с твоим бессмертием.

«А Нади с Кирюшей нет! Как они там без меня в этой свистопляске? Кирюша, наверное, безумно рад. Надя, как и все, ничего не понимает, рвется домой... Господи, когда же придет определенность?»

— Знаешь, не буду я спать. Не могу,— выпалил, не глядя на Толпина.— Слышишь, что творится за окном? Чего же я, здоровый мужик, буду отлеживаться?

— Не кипятись,— миролюбиво сказал Толпин.— Можешь спуститься вниз. Только не отходи от дома.

Они расстались, и Денис остался в одиночестве. Он думал о том, что хорошо бы выпить кофе, а потом разыскать топор и присоединиться к тем, кто рубит лес, надеясь победить его. В конце концов, это так привычно — бороться с природой. Вся цивилизация выросла на этом, с молоком матери воссала уверенность в своей правоте... Нашел холодный утренний кофе, допил. После длительных поисков обнаружил под ванной старый и совершенно ржавый топор. «Ничего, добрые люди наточат...»

Он захлопнул дверь и начал спускаться вниз. Лестничные площадки казались необычно гулкими и сырыми, наверное, из-за деревьев, окружающих дом плотным кольцом. За одной из дверей надрывались комнатные собачки. Денис знал их хозяйку, высокую сухопарую старуху. Он всегда церемонно раскланивался с ней, когда та с выводком многочисленных пекинес и шицу выходила на прогулку. «Хотел бы знать, где она. Собирает ветки, или нашлось ей другое дело? Сейчас это просто — найти занятие для человека, страдающего от безделья... А потом придет день, когда мы убедимся, что деревья и травы стали прежними — покорными и немногочисленными. И построим теории, объясняющие капризы природы. А с лесом — что? Чепуха! Всегда можно насадить сады, парки, лесопосадки... Стоп! Чего собственно, я разошелся? Еще неизвестно, чем кончится вся заваруха, а я уже страдаю по будущим недостаткам! Проклятое бессмертие лезет из всех щелей. Подумаешь — праведник! Сейчас рублю деревья, а в будущем мыслью себя чуть ли не судьей».

Во все стороны летели щепки. И был ритм бездумной работы, когда микроцель — дорубить до той извилины на коре — заполняет собою весь мир. А пока летело время, измеряемое метрами оголенной земли, вокруг что-то изменилось.

На голову Дениса упал желтый лист. Широкий и плотный, он показался невероятно тяжелым. Листьев было много. Они медленно падали, плавно кружились в лучах красного солнца. «Завтра будет ветер,— машинально подумал Денис, поднимая один из листьев.— Как осенью».

— Как осенью,— тихо произнесла стоящая рядом женщина.

— Начинается что-то новое,— раздалось за спиной Дениса.

Люди сгрудились в тесную молчаливую кучку и с тревогой наблюдали за листопадом. Листья желтели внезапно и, изменив цвет полностью, летели на землю. Взгляды людей скользили по гудам срубленных деревьев, по срезам свежих пней, и Денис видел, как грустнеют лица. Он наклонился за топором и, едва передвигая ноги по шуршащему желтому покрову, направился домой. «Все напрасно,— думал он, поднимаясь по лестнице.— Кинулись на деревья, думали —

достаточно расчистить от них улицы. А оно повернулось иначе...»

Он открыл дверь, аккуратно положил топор на прежнее место. Тело ныло, гудела голова. Немного посидел, усталость отступила. «Помыться бы...» — пошел в ванную, открыл кран и долго вслушивался, надеясь на чудо. Со вздохом закрутил ручки, взглянув в узкое зеркальце над раковиной, безразлично подумал, откуда взялось незнакомое лицо. Спустил какое-то время воду, что лицо должно быть его собственным. Из памяти напрочь вылетели всякие представления о собственном облике. «Чушь, — встревоженно подумал он, — такого быть не может!» Кинулся к шифоньеру, чтобы полностью рассмотреть себя в большом зеркале, узнал одежду, руки, ноги... Незнакомым было единственное — собственное лицо. Он ошарашенно отошел в сторону. «Одно к одному, одно к одному... Растут грибы — становлюсь бессмертным, растут деревья — перестаю ориентироваться, падают листья — забываю лицо. Неужели паршивые пятна могут принести столько пакости? — заметался по комнате, потом, распахнув окно, долго, до боли в глазах, всматривался в багровый краешек заходящего солнца. — Сумасшедший мир, где утром просыпаешься бессмертным, а к вечеру обнаруживаешь, что потерял больше, чем приобрел...»

Роняя стулья, Денис бросился к выходу, скатился по лестнице, у подвезда споткнулся о пень, поднялся и побежал по обезображенной улице.

XI

Город впустил его. Не было ни пикетов, ни заграждений.

«Не эпидемия, — с облегчением думал Давид, вытираясь на скользкий пласт гниющей рыбы. — Куда же теперь? При нормальном росте пошел бы домой и поел. А сейчас... Самое естественное — идти к клиникам. Там хромой доктор. Можно опять поработать. Санитар-вездеход! Профессия, рождающаяся сегодня...»

Идти по улицам-просекам было не легче, чем по нетронутому лесу. Торчащие пни колосли подошвы ног, и Давид невольно вспоминал, как в детстве бегал по стерне. «Интересно, как проверить их разумность? — думал он о деревьях, внимательно глядя под ноги. — Ничего общего между нами, кроме места обитания — Земли. Так что надежды на контакт мизерны. И они еще уменьшаются, если станем усердствовать. — Улицы напоминали просеки, на крышах многих домов появились маленькие деревца. Они вздрагивали от малейшего порыва ветра. — Совсем плохо, если они будут расти дальше. Дома на это не рассчитаны. Много не рассчитано на сегодняшний день. Но он пришел, и не время рассуждать о просчетах».

— Слушай, ты, дядя Степа! Слышишь меня, а? — Человечек еле держался на ногах. — Выпить хочешь? — В его руках блеснуло зеленое стекло. — Чего молчишь? Думаешь, я тебя испугался? Дудки! — Он качнулся и, зацепившись за разлом асфальта, грохнулся на землю.

«Хорошо набрался! Что ж, это тоже выход. — Давид перешагнул через пьяного. — Жизнь входит в свою колею...»

Желтизну Давид увидал издали. Она двигалась от горизонта, и было видно, что зеленое сменяется желтым, потом даль становится серой. Когда деревья у самых его ног начали менять окраску листьев и ронять их на землю, Давид понял, что означала серость горизонта. «Доигрались! Не успели привыкнуть к лесу, вырезать его до конца, как новый сюрприз!» Он смотрел на оголяющиеся деревья, на город, все увереннее вырисовывавшийся в обнаженном лесу. На душе становилось мрачнее и мрачнее. Как будто исчезающая зелень унесла с собой все живое и светлое. Сквозь голые ветви стали заметны люди, прятавшиеся от него,

(59) и как раньше, Давид почувствовал нарастание тревоги и страха. Но не перед ним, человеком-гигантом, а перед безмолвным внезапным листопадом. Тревога шла могучей плотной волной, и под ее тяжестью Давид начал медленно опускаться на землю...

Денис смутно представлял направление, в котором бежал. Нужно было скрыться от ужаса, забыть о том, что он не узнает своего облика. «Разве память о внешности так уж важна? Главное осознать себя, а это не потеряно. Я жив, и впереди бесконечная жизнь, лучшего не придумаешь...» Под ногами шуршали опавшие листья. Они закрывали трещины в асфальте, пни. Денис спотыкался, падал лицом в пахнущую осеннюю листву и вновь поднимался. Силы его истощались, он чувствовал это, но продолжал бежать. Потом обнаружил, что люди куда-то исчезли, а в конце улицы на коленях стоит Давид.

«Нельзя поддаваться, — думал Давид, сжимая голову руками. — Я должен бороться, а не страдать. В мире, породившем меня и пока еще чуждом людям, нужна моя помощь, а не страдания. Их и без того достаточно...»

— Давид! — Денис тяжело дышал. — Как хорошо, что мы с тобой опять встретились, как я рад! — Он говорил сбивчиво, глотая, путая слова, и порой великан не понимал, о чем идет речь. Тревога давила по-прежнему, но в душе рождалось и крепло внутреннее сопротивление этому давлению.

— Давид, нужно идти в штаб. Нам с тобой больше всех досталось. Мы обязаны знать, что происходит.

«Как все просто, — думал Давид, глядя на Дениса. — Мы ничего не предпринимали, чтобы вызвать к жизни этот мир растущих и умирающих деревьев, бессмертных людей и великанов. Мы только копили изменения. Упорно, хотя и бессознательно. Рвали бомбы, травили химикатами, насыщали атмосферу различными физическими полями и дошли до предела, когда простое повышение солнечной активности оказалось искрой, взорвавшей прежнюю пассивность природы».

Денис смотрел на громадную ладонь, покрытую видимыми порами, на пальцы толщиной с бревно, на блестящие поверхности ногтей, и ему казалось, что он видел это всю жизнь. Пальцы качались перед глазами, отбрасывая косую далекую тень. «Как все просто, — думал он, замороженно следя за их колебаниями. — Ты просыпаешься утром и обнаруживаешь, что бессмертен. Другой становится гигантом, вокруг вырастают деревья. Их много. Так много, что становится страшно. А виноватых нет. Нельзя взять кого-нибудь из-за шиворот, встряхнуть и заорать: «Гад, все одно за тебя, получай!» Усталость пропитала мускулы, мысли. Денис с трудом сел на подвернувшийся пень, потом понял, что лучше лечь. Сполз на землю, ослабленно вздохнул.

— Совсем умотался, — сказал Давиду. — Немного отдохну и пойдем. Ты меня понесешь? Только не кричи, как тогда при переходе реки.

Давид склонился к Денису, который что-то шептал, то и дело вздрагивая всем телом. «Тут нужен врач. И чем быстрее, тем лучше». Он сделал шаг к деревьям.

— Ему нужна помощь, — негромко сказал прячущимся. — Помощь, поймите это. Вы же люди! Хватит прятаться по кустам!

Лес молчал. Долго, тягостно. Потом послышалось шуршание, и из-за стволов показалась молодая женщина. Приближалась она осторожно, готовая при первом признаке угрозы кинуться в лес. За ней вышло еще несколько человек. Денис бормотал что-то, вздрагивал, и Давид вдруг понял, что все напрасно. «А как же бессмертие? — растерянно подумал он. — Бессмертные ведь не умирают! Выходит, он обманул меня?»

— ...Не нужно оно мне, — всхлипывал Денис. — Я хочу быть простым смертным. Забывать кое-что, но помнить лицо, дорогу к дому, быть собой...

«Азалита-90»

«Он не лгал, он верил в свое бессмертие и верит до сих пор. Но он умирает».

— Бесплезно,— сказала женщина,— мы ничем не можем помочь. Это ваш друг?

— Давид, скорее! Мы должны разобраться до конца,— прорвалась отчетливая фраза.— Скорее!

— Это ваш друг? — повторила женщина.

— Да. Самый близкий.

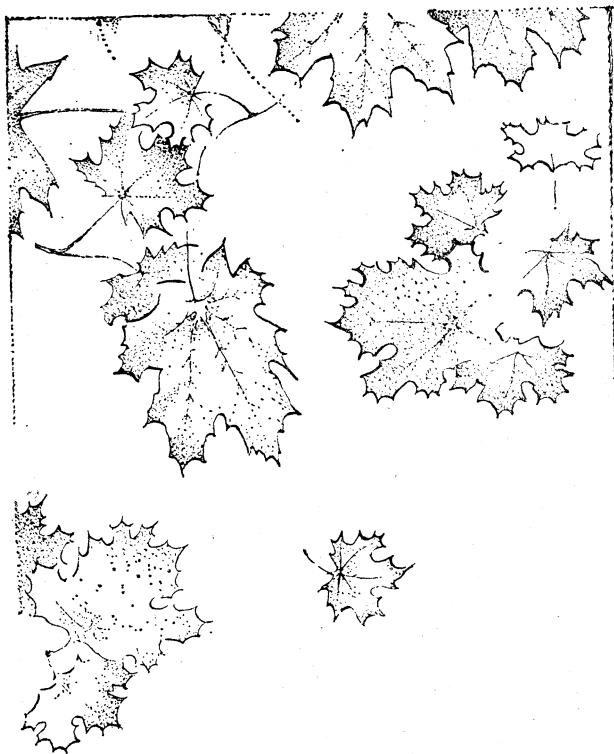
— Нужно сообщить его родным.

— Мы знакомы с ним всего один день.

— О каком бессмертии он говорил?

— О своем.

«Денис был бессмертным целый день. Он один? Наверное. миллионы людей сегодня утром проснулись с бессмертием. Но оно оказалось ложью... Правда в другом, не в отсутствии смерти. Правда в том, что мы первые приняли на себя удар взбунтовавшейся природы. В нем, во мне, во многих других дремало что-то незаметное и безобидное в ушедшем мире. А сегодня оно пробудилось. Я вырос, Денис узнал о своем бессмертии. А у других? Что у других? Нам еще предстоит узнать это... Слишком уж мы были уверены в собственной неизменности, в неизменности окружающей природы. Гадили старательно, со всей изобретательностью человеческого ума. Потом жалели ее, охраняли. Но в любом случае считали, что сначала мы — потом она. Она же рассудила по-своему... Если мы не желаем меняться, то она изменит нас! И сколько людей носит сейчас в себе зерна изменений, а когда они прорастут — что, наконец, мы получим? — Он посмотрел на серый оголенный лес, тянувшийся до самого горизонта.— Одно ясно — мир изменился, и жить в нем нужно по-другому. Пока мы не стали в нем лишними...»

ПРИСКАЗКА

Николай и Сергей ОРЕХОВЫ

Солнце давно перевалило через полудень, а Филька все еще шатался по лесу в поисках коровы. В который уже раз посмотрев на небо, понял, что скоро начнет смеркаться, что искать, как видно, бесполезно, а потому — пора возвращаться.

— Треклятая корова! И где ее черти носят? — Помянув нечистую силу, Филька трижды сплюнул, перекрестился и повернул назад, в село.

Уже три дня минуло, как корова не вернулась со стадом. По первости ждали, что сама придет, а ныне с утра староста приказал Фильке идти искать и без скотины не возвращаться.

Да как же не возвращаться-то, коли нет коровы? Может она в болоте сгнула, может волки задрали, а то и лихой человек угнал... Филька живо представил себе, с каким лицом его встретит староста. Дело ясно — высекут, не до смерти, конечно, но высекут. Бабы сказывали, мол, в соседнем селе староста запорол пастуха за то, что не уследил, медведица телка уволокла, так тамошние мужики старосту того за ноги к двум верхушкам берез согнутых привязали, да и отпустили березы-то... Мужиков тех не нашли, а вот нашто с тех пор в строгости поубавил.. Побавляется, верно, как бы с ним подобное не случилось. Но за корову из боярского стада не пожалеет, точно. Хотя, если подумать: что боярину одна корова, когда у него их двадцать две? У Прасковьи — Филькиной жены — руки волдырями пошли, попробуй-ка, подои их. А другим бабам коров доить сам боярин запретил: у Прасковьи, мол, рука легкая, молоко долго не скисает.

Филька печально вздохнул и прикинул, что дойдет вон до той березы, согнутой временем до самой земли, и передохнет... Прошел заросшую папоротником поляну, присел на иссыхающий березовый ствол, достал из-за пазухи огурец, краюху хлеба и, не торопясь, начал подкрепляться. Он много раз бывал на этом месте, еще с дедом ходил сюда по грибы, и перекусывали они всегда у этой березы. Однако сегодня здесь было что-то не так — что именно, Филька пока не знал, но чувствовал.

Он внимательно оглядел знакомые с детства сосны, осины, березы — они стояли там, где стояли всегда. Легкий ветерок шевельнул заросли папоротника.

Ага! Вот оно что! Филька даже выплюнул недожеванный огурец. Там, среди плавно изогнутых листьев, он заметил красный цветок. «Надо пойти потмотреть», — подумал он.— Отродясь на этом месте никаких цветов не водилось...»

Папоротник стелился плотным ковром, полностью скрывая землю, и Филька осторожно раздвинул его перед собой, чтобы нечаянно не наступить на цветок. Пройдя до середины поляны, понял, что нужное место пришел, хотя в направлении был уверен. Пришлось повернуть назад. Теперь он шел еще осторожнее, согнувшись, заглядывая под каждый лист. Шагов через двадцать Филька его увидел.

Цветок рос не из земли, а на обратной стороне папоротникового листа. Он был величиной с детский кулачок, темно-розового цвета, с шестью блестящими лепестками — в каждом из них Филька видел свое

уменьшенное отражение. Из середины цветка торчало много жестких волосков. Филька протянул к ним палец и тотчас отдернул — они больно кололись.

На цветок Фильке было наплевать. Что он, цветов не видел, пусть и не таких чудных, как этот? Но вот чтобы так, из папоротника — никогда ни о чем подобном не слышал!

Еще немного поглазев на цветок, Филька вдруг вспомнил о корове. «Дай-то бог, чтоб у нее своего ума хватило вернуться...» — подумал он, поднялся и побрел домой.

Подходя к селу, Филька встретил мальчика из холопских. Тот, в одной рубашонке, босиком, скакал на хворостине по пылящей дороге, высоко подпрыгивая и вопя для собственного удовольствия во всю мочь.

Филька поймал его за плечо.

— Ну, чего там?

— Где? — не понял малец.

— Староста как там? Не гневается?

— А чему ему гневаться-то? — удивился мальчишка. — Они с подьячим со вчерашнего дня медовуху пьют. Наклюкались до беспамятства.

— А не слышал, староста ничем мне не грозился? На Прасковью из-за меня не орал?

— Не грозился он, — ответил малец и попытался продолжить скачку.

Но Филька вернул его за подол рубахи.

— Так говоришь, Прасковье моей ничем не грозил?

Мальчишка сказал «Пру-ру» и посмотрел ясными голубыми глазами на Фильку:

— Я же сказал уже, что наклюкался он, в беспамятстве лежит. А Парасковья твоя корову доит. Ту, что потерялась наемдни, из лесу она вернулась. И как ее никто не задрал?

Филька отпустил мальчика, поддав ему легонько ногой напоследок, посмотрел на пылающие не ко времени зарницы в небе.

«Слава тебе, господи, — подумал он. — Воистину слава! Спас холопа от порки неминуемой».

Дня через три пошел Филька в лес высмотреть новую оглоблю для телеги — взамен треснувшей.

Миновав редкое поле, не найдя ничего подходящего, Филька вышел на большую, затопленную солнцем поляну. Где-то за поляной, в глубине леса, перекликались собиравшиеся ягоды девки. Прасковья тоже была там, с ними. По приближающимся голосам Филька понял, что они возвращаются, и решил их здесь дожидаться.

Почти в центре поляны торчал из травы старый трухлявый пенёк. Филька присел на него, отмахиваясь от назойливой мошки. Невысокая трава колыхалась под ветерком, навевая дремоту, и Филька забылся, наблюдая, как мураши снуют по его лаптям, безуспешно впиваясь крепкими челюстями в задубелое лыко.

Но вот среди деревьев замелькали сарафаны, на краю поляны показались девки, среди них и Прасковья. Она окликнула Фильку.

Он встал, махнул им рукой. Но девки как-то странно замерли вдруг на месте, оторопело глядя мимо него. Прасковья, смертельно побледнев, выпустила из рук полные ягод туески, глаза ее расширились.

— Филька! — выкрикнула истошно.

Ничего не понимая, он оглянулся, и в этот миг, коротко свистнув и больно резанув по щеке, мимо пролетела стрела. Филька шарахнулся в сторону, и еще одна стрела впиалась в пенёк, на котором он только что сидел. На поляну из кустов вылетел на рыжей лошади татарин и понесся к нему, размахивая кривой саблей.

Филька в растерянности заматался, не зная, что делать. Бежать? Да ведь девок с Прасковьей бросить нельзя — лучше им зверю лютому на зубы попасться,

чем татарам в руки. А одному без оружия против конного не очень-то сподручно. И дубья никакого на глаза не попадается, а татарин уже близко...

Когда из тех же кустов появился второй всадник, с коротким копьём за спиной, Филька бросился к молодому ельнику. Увести татар за собой, подальше от девок... Да разве от конного убежишь? Лошадь уже хрпела в спину. Филька, замедляя бег, оглянулся.

Татарин пугающе взвизгнул, привставая в стременах, сабля кривой молнией блеснула над его головой.

В последний миг Филька, резко повернувшись, подпрыгнул, одной рукой ударил татарина по запястью, отводя клинок в сторону, и, вцепившись в его локоть второй рукой, рванул что есть силы к земле. Дико закричав, всадник на полном скаку вылетел из седла; одна нога его запуталась в стремени, и лошадь протащила их с Филькой еще с десятков шагов, пока не встала.

Оглушенный падением, Филька поднялся на подгибающихся ногах. Перед глазами плясали круги.

Татарин, с неестественно вывернутой рукой, подывая от боли, пытался высвободить ногу из стремени. Лошадь хрпела, прядала ушами и беспокойно шаркала.

Филька, улучив момент, прыгнул противнику на спину.

Под ногой хрустнуло. Татарин обмяк.

Филька сорвал с него лук, приладил к тетиве стрелу и стремительно повернулся, готовый встречать второго.

А тот был уже недалеко и уже взмахнул копьём... Но, увидев в руках Фильки нацеленный лук, поднял коня на дыбы, прячась за его шею, как-то неловко метнул копьё, развернулся и поскакал назад, громко крича.

Филька легко увернулся от копья, хорошо прицелился и спустил тетиву. Стрела вонзилась татарину в спину. Он, дернувшись, упал на холку лошади, и та, продолжая нестись галопом, скрылась в зарослях на краю поляны.

Филька постоял, осмысливая происшедшее, и только тут услышал крики и плач, долетавшие со стороны села. Увидел поднимающийся над лесом дым и понял — татары село режут. Поискал глазами девок — их не было.

— Прасковья! — крикнул он срывающимся от недоброго предчувствия голосом. — Прасковья! Ты где?!

— Здесь мы, Филь, — ее голова показалась над кустами. — Мы здесь схоронились.

У Фильки отлегло от сердца.

— Схоронились, — передразнил он. — Вас и кутенок найдет! Быстро уходите в лес, да подальше.

— А ты, Филь? А ты куда?

Филька посмотрел на Прасковью, на перепуганных насмерть девок и отвел глаза в сторону.

— А я... А я к селу схожу... Надо посмотреть, что да как... Может, смогу своим помочь...

Филька понимал, что несет ересь. Кому сейчас помочь? Да к тому же в одиночку. Татар наверняка не меньше полусотни.

— Я с тобой, Филь, — робко сказала Прасковья. — Мне без тебя страшно.

Филька сплюнул.

— Страшно тебе? Дуй в лес, кому говорю! Сейчас как татары нагрянут, испугаться не успеешь. Не видишь, село горит? Забирай девок и быстро в лес. К дальнему зимовью идите. А я посмотрю, что в селе, и вас догоню. Давай поторапливайся, говорю!

Прасковья нехотя пошла к лесу. Оглянулась.

— Ну! — рявкнул Филька, выходя из себя, топая ногой. — Кому сказано? Быстро!

Прасковья вздохнула, подхватила подол и побежала, девки вслед за ней. Вскоре они скрылись за деревьями.

— Ну и дура баба! — Филька опять сплюнул, вы-

тер внезапно вспотевший лоб рукавом.— Та-ак, татары в селе... А хватают этих двоих — сунутся сюда. Придется мне их на себя брать, со следа сбивать, в другую сторону уводить... Так что, жена моя, не сердчай на меня, если был не прав.

Филька подошел к мертвому, выдернул из-за пояса нож, подобрал саблю, надел на себя еще полный стрел колчан и, крадучись, прячась за кустами, пошел краем поляны к селу. Оглянулся еще раз.

Лошадь мирно щипала траву и, переходя с места на место, волочила мертвеца за собой за запутавшуюся в стремени ногу.

«Получил свое? — подумал Филька. — Так незачем к нам было соваться незваному...»

Силы Фильки были на исходе. Он с неимоверным напряжением продирался через бурелом, уходя от преследующих его волков. Когда там, на болоте, куда он завел гнавшихся за ним татар, хоронясь в ольховнике и с надеждой поглядывая на загустевающие в частокочках молодняка сумерки, услышал близкие, холодающие душу завывания, он рванулся с испуга в самую чащобу, забыв про лук и про саблю, вовсе не думая о том, что от волков в лес не бегают.

С татарами-то все ловко получилось, как Филька и хотел. В конце-то концов, кто здесь живет — он или они? И вот теперь волки. Сами они еще близко не подходили, выжидали, когда добыча обессилеет, и ждать им осталось недолго.

Окончательно потеряв веру в спасение, Филька кинулся в самую середину темневшего впереди орешника. По раненой щеке больно хлестнула ветка. Неожиданно земля ушла из-под ног, раздался истошный визг, и в чашу метнулся кабан, на которого он наткнулся. Филька залез в глубь кустарника и, подминая под себя ветки, опустился на землю.

Затихший было визг кабана послышался снова. Кабан пронесся мимо кустарника, и через некоторое время за ним, в трех шагах от Фильки, пробежали четверо волков. Немного выждав, Филька выбрался из своего укрытия и заторопился в противоположную сторону.

Он вышел на знакомую папоротниковую поляну, увидел согнутую березу и упал ничком в траву. Сил идти дальше не было. Ныла и кровоточила разорванная щека, что-то больно давило на ребро, но Фильке было не до своих болячек, мысли его крутились вокруг одного: что там сейчас в селе? Живые ли отец, мать, сестренка? Добежали ли до зимовья Прасковья и девки?

Филька перевернулся на спину. В затянутом тучами вечернем небе полыхали зарницы. Веки сами собой начали смыкаться. Филька еще заметил сбоку от себя на ребристом листе папоротника расплывающееся красное пятно.

— Ты смотри! Цветок! Не завял?! — удивился он и провалился в забытье.

Филька открыл глаза, ошалело посмотрел на синее полуденное небо.

— Мать честная! — Он резко встал. — Я тут валяюсь, а татары!.. И Прасковья с девками где-то в лесу. А если заплутали? А если их нагонят? — От этой мысли у него все похолодело внутри. — Господи! Хоть бы все уцелели!

Филька вскочил на ноги, но что-то острое впилось сквозь холстину штанов в ногу.

— А-а, ты, ядрена... Что за репей такой?

Он отдернул папоротниковую ветку и увидел красный цветок. Это его острое, негнущиеся тычинки вонзились в кожу. Филька осторожно, двумя пальцами взялся за ветку и, отведя ее в сторону, вытащил тычинки из ноги. Снова присел на корточки, разглядывая странное растение.

— И что ж ты такой колючий? Уж не колдовской ли?

Филька заглянул внутрь лепестковой чашечки. Мурашки побежали по спине. Дна внутри чашечки не было. Лепестки уходили куда-то в темную мерцающую пропасть, тычинки-волоски просто висели в середине цветка, ни к чему не прикреплялись.

Снаружи — цветок как цветок, — подумал Филька. — Только вот внутри у него...

— А, ядрена, чего ж я тут с цветочками цацкаюсь! — вскакивая, воскликнул он, вновь вспомнив про татар, про Прасковью. — Надо же туда, к своим... Хоть бы все целы были!

Филька перебежал поляну и у согнувшейся березы остановился.

А куда бежать? — подумал он. В село? В зимовье? Прасковья-то с девками в зимовье, как-нибудь схоронятся, значит, сначала в село. Однако ж через лес, напрямик, опасно. Вдруг татарва по лесу шарит? Нарваться — запросто... Нет, сперва надо на проселок выйти. Если там в порядке и никого, тогда можно и в село идти.

Филька пошел назад. Пересекая поляну, отыскал глазами то место, где среди примятого папоротника виднелся чудной цветок, сплюнул, перекрестился и зашагал в сторону поселка.

Выйдя к проселку, Филька потоптался в приобочном молодняке. Ничего подозрительного не заметив, все же решил идти краем дороги. Шагов через тридцать увидел в кустах обглоданные кости и ключья шкуры.

Ого, подумал он, а тут волки чью-то корову задрали, совсем недавно, с неделю назад, не позже...

Филька двинулся было дальше, как вдруг на глаза ему попала веревка с вплетенной красной лентой.

— Сто-ой! — сказал он себе. — Веревка-то моя! Это ж я ее той блудливой корове повешал на шею, чтоб с другими не путать. Как она здесь очутилась? Наша-то гулена вернулась же!

Филька присел, рассматривая ключья шкуры.

— Ты глянь-ка, и масть точь-в-точь, как у нашей, и кон рога один неправильно согнут... Колдовство какое-то, да и только! — поскреб он в затылке.

Из глубины леса донеслось конское ржание. Филька осмотрелся и хотел скрыться в буреломе, но, поразмыслив, раздумал убежать, рассудив, что если это татары пленных везут, то хоть в последний раз своих увидит. Если одиночный разъезд — не страшно, не заметят, а если боевой отряд — пересчитать и напрямик через лес в город, князя предупредить, Филька вжался в ложбинку среди кустов, затаился.

Вскоре показались всадники. Сердце Фильки радостно бухнуло — это были свои, княжеские дружинники. Следом за всадниками на дороге появился большой пеший отряд, впереди которого ехали подьячий с перевязанной головой и княжеский сотский. Дружинники шли не таясь, о чем-то балагуря, за ними катили груженные ранеными и разным скарбом подводы. А потом Филька увидел своих односельчан, увидел Прасковью.

С радостным возгласом он рванулся из кустов на дорогу.

— Прасковья!..

Дружинники выхватили мечи. Прасковья, охнув, схватилась за сердце:

— Филька!.. Живой!..

— А-а, — сказал, успокаиваясь, один из дружинников.

Они опустили мечи и зашагали дальше, обсуждая что-то между собой.

Филька проскочил мимо них и, бросившись к Прасковье, обнял ее, крепко прижал к себе.

— Жива, — шептал он ей, — слава богу, жива...

— Жив, — залепетала она, — жив, — и разрыдалась.

— Мамка, Филька жив! — раздался рядом радостный крик сестренки.

Филька отпустил Прасковью, оглянулся. И тут на него навалилась вся его семья. Все были живы и здоровы, Филька не верил своим глазам, в мыслях давно со всеми простился.

— Ну что ж ты, сынок, — говорила мать, утирая слезы, — я тебя уж не чаяла живым на этом свете увидеть, мы уж с отцом тебя похоронили.

— Филь, Филь, — дергала его сестренка за штанину, — а правда, что ты двух татар завалил? Правда, Филь?

— Да ладно вам, — говорил сдержанно отец, — Отдайте его Параске, она вон, бедная, вся поизревелась.

— А я ль не изревелась, — всхлипнула мать.

Тут подскакал сотский и, хмурия брови, спросил:

— Кто такой? Чей холоп?

— Да наш он, чей же еще, — ответил отец.

Крестьяне, обступившие их, начали объяснять, что это свой, из их села, Филькой зовут.

— Наш это, наш, — подтвердил, похлопывая Фильку по плечу, староста.

— А оружие откуда? — строго спросил сотский.

— Сам добыл, — ответил Филька, радостно улыбаясь. — Кто из татар мне его по доброй воле-то отдаст!

— Ну тады ладно, — сказал сотский и, громко прикрикнув на беженцев, — Не отставай! Пospешай! — усккал в голову отряда.

Немного погодя, когда все успокоились, Прасковья рассказала, что отряд они встретили в лесу и привели дружинников в село. Татар порубили всех, ни один не ушел, а главный их, которого сперва взяли в плен, начал угрожать, что на подходе большое войско и что хан за своих батыров отомстит нещадно, но сотский не стал его долго слушать, а сказав в ответ, мол, не лыком шита Русь, разрубил мечом пополам. А вот теперь все уходят к князю в город, князь войско собирает.

— Войско — это хорошо, — сказал Филька. — Я тоже в войско пойду. — Он похлопал по татарскому колчану.

Прасковья заглянула Фильке в глаза, но ничего не сказала, а только, продолжая идти рядом, прижалась сильнее к его плечу.

А Филька уже забыл про войско. Наши все целы, и это хорошо, — думал он. Но вот незадача: веревка! Как она в лесу оказалась? Корова-то ведь вернулась... С веревкой...

— Слышь, Прасковья, ты не помнишь, та корова, заблудившаяся, с веревкой вернулась, или без?

— Какая веревка, Филь? — Прасковья недоуменно взметнула брови.

— Да наша, с красной лантой. Помнишь? С нею корова пришла из леса, когда плутала, или без нее?

— Так, Филь, неужто я помню? — Прасковья виновато улыбнулась, прижалась к Филькиному плечу. — Филь, ты не сердчай. До веревки ли мне сейчас. Тут от татар чудом спаслась...

— А где эта корова? — спросил Филька, оглядывая колонну. — Чего-то я ее не вижу.

Прасковья вздохнула:

— Все, нету больше ее. Стрела в нее угодила... Староста добил, чтоб не мучилась. Боярин ругаться, наверное, нещадно будет... А, я вспомнила! На ней была веревка-то. Корову же к жердине привязывали...

Филька остановился:

— Была, говоришь?

Сзади на них налетели, толкнули, они стали мешать.

— Ну, чего встали-то?

— Татар дожидаться решили?

— Фильке, видно, мало двух-то, решил еще сотню положить!

Вокруг дружно захохотали. Филька спохватился, зашагал снова.

— Значит, Прасковья, слушай мужнин наказ, —

заявил он неожиданно после недолгого раздумья. — Сейчас ты иди со всеми в город, а я сбегу назад, в село. Надо кое-что посмотреть. Сдается мне, начисто тут дело... Потом нагоню... или в город приду...

— Филь, ты что? — Прасковья вцепилась ему в руку. — Ты что удумал? Не шушу!

— Да мигом обернусь, вот увидишь. Не бойсь за меня, я шустрый! — Филька щелкнул тетивой лука и, отцепив-таки пальцы Прасковьи, выскочил из колонны. Оглянувшись, крикнул растерявшимся своим: — Идите со всеми в город! Я мигом, — и стремглав побежал через лес в обратном направлении.

Если напрямую, то до села не так уж далеко, к ночи Филька рассчитывал быть со своими в городе. Он сам до конца не понимал, что его заставляет вернуться в село. Какое-то странное чувство не то тревоги, не то смутного неверия в случившееся бродило в душе. Что-то не то было во всем происходящем: корова вроде как вернулась, но точь-в-точь такая же задрана в лесу; и веревка... Две стало веревки, а была одна!

Приближаясь к селу, Филька принял все меры предосторожности, но ничего подозрительного не было — в лесу тихо, татары, видно, ушли. На окраине леса Филька остановился.

Села не было. На его месте чернели и кое-где еще дымились остоны изб. Стая воронья кружила над пепелищем, и больше никого, ни одной живой души. Ни татар, ни своих.

Филька перекрестился и, спотыкаясь, с трудом переставляя подгибающиеся ноги, заковылял через луг, через вытоптанные лошаадьми огороды к ближайшей разрушенной до основания избе.

Кислый запах гари ударил в нос. В груди у Фильки похолодело. Вороны при его приближении поднялись с зловещим карканьем, закружились над головой; где-то завывала собака, тоскливо завывала, по покойнику.

Будто что подстегнуло Фильку, он через проулок выбежал на дорогу, разделяющую село на две половины, и замер, не веря глазам.

Возле опрокинутой подводы в дорожной пыли сидел староста. Он словно присел отдохнуть, прислонившись к ней боком, да и задремал на солнцепеке.

Филька ничего не понимал. Он же только что видел его на проселке, уходящим со всеми в город!.. Подбежал к нему, взял за плечо и отпрянул, увидев две стрелы, торчащие из спины. Потревоженное тело от прикосновения повалилось на спину, выгнулось из-за стрел, не дающих распрямиться, голова откинулась, подставляя обезображенное вороньем лицо солнцу.

Филька оторопело уставился в это лицо, попятился... и тут увидел еще одного убитого. Кто-то обезглавленный, раскинув руки, лежал на поваленном, забрызганном кровью плетне. И рядом, в высокой траве, белело чье-то тело, а там, дальше, — еще, и еще, и еще...

Филька, потрясенный, попятился, споткнулся о что-то бесформенное и кровавое, чуть не упав, испуганно шарахнулся в сторону, и завывая сквозь зубы, закружился на одном месте.

Мать святая богородица! Да что же это такое!.. Да как же так!..

Рванулся к своему дому, не желая верить в увиденное, совершенно ничего не понимая.

От родной избы остались лишь два изъеденных огнем столба да груда обгоревших поленьев. Филька замер возле разбитой калитки. Во дворе лежал отец, его родной отец... Там, на проселочной дороге тоже был его отец...

Голова наполнялась гулкой пустотой, в которой, как колокол, ухало сердце. Филька подошел, склонился над отцом. Страшная, почерневшая от крови сабель-

ная рана шла наискосок от ключицы — через грудь, до пояса. У Фильки задрожали руки, он опустился рядом на колени и, раскачиваясь, едва слышно затынул что-то протяжное от безысходной тоски. В голове все громче гудела пустота, и рассудок, иссякнув, опустился на невидимое дно этой пустоты...

Что-то заставило Фильку подняться. Он бесцельно бродил по двору, поднимая с земли какие-то вещи и тут же их отбрасывая. На глаза попалась тряпичная кукла. Он долго смотрел на нее, потом кинулся к пепелищу и начал разбирать его, растаскивая не успевшие остыть горелые балки. Вскоре он нашел тела матери и сестренки, вынес их и положил рядом с отцом, присел около, затем, отыскав заступ, здесь же, во дворе, вырыл могилу. Похоронил родных, закрепил наскоро сколоченный из жерди крест и побрел, не разбирая дороги, в сторону леса.

Большая безмолвная туча, появившаяся откуда-то, скрыла солнце. Тяжелый багровый свет повис над селом. Туча клубилась в полном безветрии, в ее серой взрочающейся глубине полыхали зарницы.

И тут пустота внутри Фильки лопнула, сломалось что-то с протяжным звоном под напором неимоверного нервного напряжения, и какая-то новая дикая сила ворвалась в его душу.

Филька запрокинул голову и, грозя побелевшими кулаками пылающему зарницам, небу, закричал:

— Господи! Боже всемогущий! Все в твоих силах, но объясни мне, за что?.. За что ты мне выбрал такую страшную кару?!

Небо безмолвствовало, лишь гортанный крик воронья да далекий собачий лай на краю села ответили ему.

— Бог! Где ты?! Где твоя справедливость? Где твое милосердие? — опять крикнул Филька недостижимым огненным зарницам, равнодушно вспыхивающим и гаснущим в глубоком чреве бескрайней тучи.

Постоял, опустив безвольно руки, повернулся к селу лицом, трижды поклонился.

— Прощай, отец, прощай, мать, прощай, сестренка... Прощайте все, — сказал он уже не своим, чужим, севшим голосом, еще раз поклонился низко, до земли, и вошел в лес.

«Что это? — думал он. — Бывает ли такое? Я же все село видел на проселке... Все были живы... были живы... все... А почему — были? Они же в город уходили? Живые люди уходили в город... А здесь они же... и все мертвые... все, до одного... И отец, и мать, и... — Филька что было силы ударил кулаком в дерево, заскрежетал зубами. — Басурманская погань! Уй, волки!.. А по проселку живые уходили... И отец, и мать, и... Прасковья!..»

Филька вздрогнул, огляделся, соображая, где находится, и бросился к зимовью.

Он быстро определил тропу, по которой убегали девки — то там, то здесь валялись брошенные туески, пенточка зацепилась за куст... но так же быстро Филька определил и другое — за ними шли татары. Разделились, видимо, на два отряда: первый погнался за ним и увяз в болоте, а второй пошел вот по этим следам... И Филька уже знал, что ему предстоит найти.

Свою Прасковью он похоронил отдельно, под молодой стройной березкой. Поставил крест на невысоком холмике свежей земли, отошел на несколько шагов, перекрестился и, закинув лук за спину, пошел куда глаза глядят. Горькое одиночество, чувство безвозвратной утраты сдавило сердце. Отойдя шагов на сто, он обернулся, посмотрел в последний раз на зимовье.

— Прощай, жена, — сказал хрипло. — Я за тебя и за всех возмездие вершить буду.

Филька опять перекрестился, взглянул на небо. За-

(64) ходило солнце, чернотой налилась туча, подсвечиваемая изнутри редкими зарницами.

Господи, что же ты делаешь?!

Бредя по лесу, Филька мысленно перебирал события дня. Понимал, что если не найдет разумного объяснения случившемуся, то просто-напросто сойдет с ума. Или сам себе жилы вскроет, потому что душа перестала быть душой, превратившись в одну огромную незатягивающуюся рану, растерзана была душа, растерзана, разорвана, изувечена...

Филька вытащил из-за пояса татарский нож, взвесил его на ладони. Остро отточенная сталь багрово отливала в закатном свете. Неожиданная мысль молнией сверкнула в голове.

Цветок! Цветок папоротника!

Филька отыскал поляну, на которой дважды встречал цветущий папоротник. Холодный диск луны сыпал в разрывы тучи серебристые потоки света, от выпавшей росы волнистая поверхность поляны казалась ярко-белой, листья колыхались под ветром, заворачивались... Филька даже струхнул немного.

«Колдовское место, — подумал он. — Как пить дать, колдовское! Вон и примятой травы не видеть, где я спал, за день поднялась. Может, если по-доброму-то, уйти бы мне и не связываться, нутром же чую — непростая эта поляна, ой, непростая...»

Слабость охватила ватными путами ноги, и Филька чуть было не повернул назад. Но воспоминания опять заставили сжаться сердце, развернули и словно толкнули туда, в папоротники. Через несколько шагов холодная роса вымочила его до пояса, но Филька не замечал этого, как не замечал и внезапного озноба, продолжая идти и глядеть неотрывно туда, где в нескольких шагах от согнувшейся березы разгорался пурпурный огонек. Фильку трясло, он стучал зубами, он истекал противным потом и, как замороженный, двигался на этот странный свет.

И вдруг что-то произошло. Что именно, Филька не успел понять — выхватил саблю и закрутился волчком: почудилось, будто есть сзади кто-то. Подкошенные папоротники осели, обдав фонтанами брызг, и никого, лишь огонек разгорелся до рубинового накала.

— Кто тут есть? Выходи! — заорал Филька, затравленно озираясь.

Какой-то звук прокатился по лесу. Горло сдавило от страха, мерзко засосало под ложечкой.

— Эй, покажись! — глухо просипел Филька.

Неожиданно сильный, разных оттенков красного, свет затопил все вокруг. Исчезла поляна с белыми папоротниками, непроглядный ночной лес, согнутая береза, луна — все исчезло в этом свете, словно растаяло. И почему-то сразу спокойно и тепло стало от этого света, и тихий, ровный и в то же время неправдоподобно чистый голос произнес неторопливо:

— Будь здоров, человеке.

Филька не испугался, он забыл об этом чувстве, будто никогда и не знал, что такое страх: появилось лишь легкое недоумение, что — как же так? — столько доброжелательства в этом чудном свете, и почему же никогда раньше не приходилось встречать так много доброты сразу?

— Будь здоров, неведомый, — ответил Филька. — Покажись мне. Покажись, кто ты есть, мил человек. Негоже разговаривать, не видя и не зная с кем.

— Я не человек, — прозвучал голос. — Я не див лесной и не чудище морское, я не бог, хотя умею многое из того, что умеют в моем понимании боги, я не колдун-чародей, так как то, что я умею делать, через много лет научитесь делать и вы — люди. Я изучаю мир, в котором ты живешь, и изменяю свой облик в зависимости от обстоятельств. Сейчас ты видишь меня как свет, а раньше видел — как цветок.

Филька с интересом огляделся вокруг и ничего не

увидел кроме света, играющего оттенками от розового до пурпурного, исходящего непонятно откуда и как. — Тебя сейчас нет на поляне, — продолжал голос. — Я опасался, что еще одно нервное потрясение ты не выдержишь. Можешь представить, что находишься в сферах небесных, по-другому тебе трудно объяснить, можешь считать также, что я сейчас занимаюсь врачеванием твоей души. А ведь ничего плохого с тобой бы не случилось, если бы ты не вернулся в село. Зачем ты вернулся? Объясни мне, я не могу понять твоего поступка.

— Так ведь веревка от коровы... Как же?.. — проговорил Филька, окончательно освоившись в новой обстановке.

— Насколько я понял, ты сам хотел, чтобы корова вернулась? Что тебя не устраивало в вернувшейся корове?

Филька вдруг вспомнил, что цветок этот он увидел первый раз именно перед возвращением коровы, а второй раз он увидел его...

— Да-да, правильно, так все и было. Я решил выполнить твои пожелания, поскольку они никому не приносили вреда, и я совсем не ожидал таких... таких последствий я совсем не ожидал.

— Это получается... — забормотал Филька. — Что загадаешь, то и сбудется?.. — Если бы не успокаивающее воздействие света, неизвестно, как бы он отреагировал на услышанное, а сейчас... Сейчас он довольно прохладно отнесся к поразительному открытию.

— Не загадаешь, а захочешь, — поправил его голос. — И вообще, загадывать на будущее — явление, свойственное только вашему типу разума, остальные миры давно научились управлять будущим...

Голос помолчал немного, Филька же из всего сказанного понял лишь одно: цветок исполняет желания.

— Я не хотел бы тебя обидеть, — вновь зазвучал голос, — но не могу понять, почему ты не пошел со своими в город?

У Фильки что-то шевельнулось внутри и тут же пропало, взамен появилась странная холодная рассудительность, из-за которой он сам себе, несмотря на сильное успокаивающее воздействие, все больше и больше не нравился.

— Я не пошел из-за веревки... Сначала подумал, что колдовство все это, а потом, когда пришел в село, я... я решил, что это бог покарал меня за грехи мои, а потом... оказывается, это ты...

— Ты же сам, сам хотел, чтобы корова вернулась, чтобы твои родные остались целыми и невредимыми...

— Да ведь их татары порубили! Нет их никого! А те, что шли по проселку — это твои...

— Ну и что же это? Мое колдовство?

— Я не знаю...

— Зачем тебе мертвые? — Фильке показалось, что в голосе, до того звучавшем ровно, — проскользнули легкие нотки досады. — Я немного повлиять на причинно-следственные связи... Впрочем, ты этого не поймешь. Если говорить проще, в первом случае остались мертвые, а во втором живые, и ты мог спокойно продолжать жить.

— Как же я мог спокойно жить с ними, если они не те?

— Между ними нет никакой, абсолютно никакой разницы, просто они — реализация разных возможностей. Те — мертвые, а эти — живые.

— Да как же можно так жить, когда то, что есть, не то, что есть? Не смогу я так, да и кто сможет?

— Мне непонятно, зачем ты усложняешь. Я тебе даю живых, а ты отказываешься...

— Ну и пусть эти — живые. Тех-то, настоящих, убили... Они для меня были и останутся настоящими.

— Эти тоже настоящие! Я не понимаю тебя.

— Да что же я — корова безмозглая, которой что клевер, что полынь — все едино?! Не смогу я с этими жить, когда настоящие убиты. Не смогу, не заставляй

меня... Они остались там, я должен отомстить за них. За мать, за сестренку, за бату, за Прасковью...

— Я дал тебе то, что ты хотел. У тебя есть выбор. Зачем ты выбираешь проигрышный для себя вариант? Иди к ним!

— Я выбрал, когда похоронил всех, когда кресты на их могилы ставил. Отпусти меня и прости мою душу грешную, не могу я по-другому!

Голос неожиданно спросил:

— А как же тогда поступить с людьми из второго варианта? Там ведь целое село в живых осталось. Всех вернуть в первый?

Филька растерялся. Об этом он не подумал. Наконец сказал:

— Оставь их, раз уж так получилось, оставь. Может, когда-нибудь я и вернусь к ним, но сначала с татарами посчитаюсь...

Он не успел договорить: свет внезапно померк, и вновь вокруг белели папоротники, вздымалась черная стена леса. В нескольких шагах от согнувшейся березы угасал пурпурный огонек. Волной нахлынули привычные человеческие ощущения, принесли с собой холодную сырость росы и закипающую в груди ярость.

Сабля была по-прежнему в руке. Филька зло рубанул ею по папоротникам и зашагал прочь с поляны. Куда идти — ему стало все равно, зачем — тоже все равно, он просто шел, помился через кусты, через лес, спотыкаясь, падая, поднимаясь, цепляясь луком за невидимые в темноте ветки, стряхивая на себя холодную ночную росу. Мысли в голове перемешались. Фильке казалось, вдвигаясь, что он сделал промашку, что надо было выбирать второй вариант, а тех, порубленных, уже не вернуть, и тут же он гнал прочь эти предательские мысли, обзывая себя безмозглой и яростно рубил попадавшие на пути кусты; но опять всплывали загнанные, казалось, на самое дно мысли о том, что второй-то вариант лучше, что вернуться надо бы к цветку, пасть на колени, покаяться в недомыслии, сказать, что передумал, что гнев разум затмил, и просить это всемогущего не то бога, не то колдуна, дабы... Но вставал в глазах зарубленный отец, мерещилось в темноте изувеченное тело Прасковьи, и снова в душе закипала ярость и гнала его через шаг вперед и вперед. И не было силы, которая смогла бы остановить его сейчас. Волки? Хоть стая, Татары? Хоть сотня, хоть две сотни! Смерть не была страшна, но перед гнем, как до умереть, он бы до последнего вздоха рвал их на куски голыми руками, зубами рвал бы...

И тут Филька услышал плач. Встал, как вкопанный, затаил дыхание, напряженно вслушиваясь.

Плач повторился. Не почувдилось...

Он засек направление и пошел крадучись, стараясь ни скрипом, ни шорохом не выдать себя.

Всхлипывания повторялись то громко, то тихо.

Филька присел, вглядываясь в непроглядную темень подлеска. Это было где-то здесь, совсем рядом. И он увидел: под низкими ветвями разлапистой ели что-то белело...

Это был мальчик, тот самый, из холопских, которого Филька встречал вечно скачущим на хворостине. Свернувшись калачиком, он спал и во сне плакал.

Из первых или из вторых? — пронеслась нечаянная мысль, но Филька прогнал ее, протянул руку и, помедлив, погладил мальчика по голове.

Мальчик вздрогнул, проснувшись, и полными ужаса глазами уставился на Фильку.

Филька опустил на траву и, стараясь придать голосу бодрый оттенок, заговорил:

— Отчего так испугался? Или не узнал меня? Я же Филимон. Коров пас боярских. Моя Прасковья всегда твоей мамке парного молока давала после дойки. Не вспомнил?

Мальчик молчал. Страх его не прошел, глаза блеснули в темноте настороженно, как у волчонка.

Филька заставил себя улыбнуться, заговорил еще мягче:

— И что ты, витязь, убиваешься? Или ты не витязь?

— Это ты, дядька Филимон? — спросил малец недоверчиво. — Не леший? Не татарин?

— Какой я тебе леший?! — засмеялся Филька. — А того боле — татарин!

— Дядька Филимон! — закричал мальчик, бросился к Фильке, крепко обхватил его за шею и громко, на-взырд, заплакал.

— Ну хорош реветь-то, хорош, говорю... — Филька прижал мальчика к себе, гладил по взъерошенным, с хвоянками в них, волосам.

— Да-а, дядька Филимон, они и мамку саблями, и тятьку, и бабуку Анисью, а я еле утек, они и за мной гнались, да-а...

Какое-то тепло затопило сердце, чувство родства с этим мальцом, который, кроме самого Фильки, единственный уцелел от всего села — того, настоящего...

Филька взял его за плечи, поставил перед собой.

— Ну-ка, витязь, вытри сопли, а то развеел под носом хляби небесные... Ответь-ка мне, витязь, как тебя зовут?

— Васятка, — назвалса малец, швыряя носом и утираясь.

— Значит — Василий. — Филька ободряюще подмигнул. — Что же ты, витязь Василий, себе позволяешь? Негоже это. Вот, думаешь, зачем я по лесу шастал? Это я уцелевших искал. Тебя искал.

— Правда? — не поверил Васятка.

— А то как же, чистая правда! Я тебя искал, чтобы к князю в дружину отвесть, чтобы собрать всех витязей в одно большое войско и отомстить татарам и за мамку твою, и за всех наших. Как только соберемса все, так и пойдем головы им рубить, что конаны капустные...

— И я?.. И я тоже пойду? И мне пику дадут?..

— И ты пойдешь. А пику я тебе выберу самую длинную и самую острую!

— Ну так пойдем, дядь Филь? — встрепенулся Васятка. — Чего ж мы ждем? Татары ускачут — ищи их потом!

Филька взял его ручонку, накрыл сверху своей ладонью.

— Э-э, нет, витязь Василий! Сначала мы с тобой шалаш сделаем, выспимся, а уж на заре и пойдем. А татары... Они теперь от нас никуда не уйдут, я тебе на это слово свое даю.

Они остановились на окраине леса. Впереди простился солнечный луг, зеленел высокой травой, над ним гудели пчелы и стоял пряный запах разнотравья. За лугом темнел бор.

Филька долго всматривался в этот луг, в далекий бор. Как он не хотел сейчас идти через него, ой как не хотел! Но обходить если — очень дальняя дорога получается... Он поправил лук, колчан, саблю, проверил нож с поясом.

— Ну что, Васятка, с богом! — И они вышли из леса.

Они прошли уже половину пути, когда Филька увидел татар. Пятеро всадников мчались к ним во весь опор. «Не успеем! — мелькнула отчаянная мысль. — Эх, не успеем, ядрена!»

В нем проснулась злая решимость, появился расчетливый азарт бойца, понявшего, что никуда теперь не уйти от смерти, но наломать ей бока еще есть возможность...

Он пригнул Васятку к земле, и они отползли в высокой траве саженой за тридцать в сторону.

— Слушай меня, Васятка, и, главное, не боись их, гадов... Сделаем так: доползешь до бора — и прямоком через него по солнцу беги до города. Предупредишь князя о татарах. Понял?

— Понял, дядя Филь. Я с тобой останусь, дай мне саблю. — Васятка не хотел уходить.

— Я тебе сейчас дам саблю! — зашипел Филька. — Я тебе сейчас и напощадам еще, не посмотрю на татар... Кому сказано: доберешься до города и князю про все расскажешь! А я их здесь задержу. Если ты не убежишь в город — кто тогда наших позовет? Понял?

— Понял, — сказал Васятка.

— А коли понял, — давай, — заторопил его Филька, соображая между тем, что еще что-то надо бы сказать, очень важное...

Васятка нехотя развернулся и пополз, и тут Филька вспомнил.

— Васятка, слышь, Васятка! — громким шепотом заговорил он ему вдогонку. — Вот еще что...

Васятка оглянулся. Филька сглотнул застрявший в горле ком.

— Если со мной что случится... если случится... только ты никому не говори... это... когда вернетесь и татар порубите... за нашим селом, если от зимовья идти на закат к проселку, найдешь в лесу небольшую папоротниковую поляну с согнувшейся березой, на ней папоротник с красным цветком... Это колдовской цветок, он желания исполняет... Так вот, загадаешь желания — и оно исполнится. Понял?

— Понял, — ответил Васятка.

— Запомнил — где?

— Запомнил.

— Ну, а теперь давай, чтоб я тебя больше не видел здесь.

Васятка уполз. Филька некоторое время выждал, глядя ему вслед. «Эх, — подумал он, — трава худому ходит, заметят...» И пополз в противоположную сторону. Затем осторожно приподнялся, сквозь метелки травостоя осмотрел луг.

Всадники были от него в двух полетах стрелы. Они кружили на месте, потеряв добычу из вида.

— Хотя бы пронесло, — подумал Филька.

Вдруг один из татар, радостно гикнув, поскакал в ту сторону, куда уполз Васятка.

Заметили... Филька скрипнул зубами, снял лук, наложил стрелу и, выждав, когда тот подскочит на прицельное расстояние, отпустил тетиву.

Лошадь встала на дыбы. Татарин откинулся на круп и, как куль, свалился в траву. Остальные четверо что-то закричали по-своему, повыхватывали сабли и помчались к Фильке.

— Правильно. Давай все ко мне, — сказал злорадно Филька. — Я вас, гады, сейчас усугублю. — Он встал во весь рост, воткнул перед собой в землю саблю, поправил еще раз, чтоб сподручно было выхватывать, нож, достал из колчана новую стрелу и, натянув тетиву, поднял лук. — Уж я теперь посчитаюсь с вами...

Он прицелился и выстрелил. Стрела угодила в грудь лошади одного из всадников, и та, громко заржав, завалилась на бок. Татарин успел соскочить, потянул из-за спины лук. Остальные трое рассыпались по лугу, обходя Фильку.

— Ага, почували, почему нынче фунт лиха! — Филька достал новую стрелу. — Я вам и за Васятку, и за все село наше... — Он повернулся, целя в обходящего слева, натягивая лук до отказа.

Тетива лопнула. Филька зло сплюнул, зашвырнул бесполезный лук в траву, снял и отбросил колчан, утерся рукавом, огляделся. Увидев, что противник остался без лука, татары устремились к нему.

Филька взял в левую руку нож, в правую саблю и криво усмехнулся:

— Что, телки комолые, обрадовались никак? Ну давай, бери меня, вот он я, расчет с вас брать буду, ну давай, поспедай, вот он я, здесь я...

ФОРС- МАЖОР

Сергей МИХАЛЁВ

«Я никогда раньше не падал во сне...»

Диспетчер открыл глаза. Яркие зеленые цифры «06.21» высвечивали уголок телефонного аппарата. Привычно выбросив перед собой руку и привычно застояв от дикой боли в мускулах, он схватил трубку. Нет гудка. Он не побежал колющими прыжками к соседям, разбуженным ошибочным междугородним звонком, — знал, что лишь потеряет на этом несколько драгоценных мгновений. Его телефону молчать ровно четырнадцать секунд. Запивая таблетку кислой вчерашней (вчерашней?) минералкой, диспетчер успел позволить себе возмутиться. «Блокиратор! При моей-то профессии! Без спроса! Хамство со стороны телефонной станции! Впрочем, при чем тут станция... Нищета наша... Нищета...» Гудок. Аккуратней и жестче. Чтоб не сорвался палец, как вчера (вчера?). Два, три, четыре длинных, восемь... Проснулся.

— Михалыч! Сизов. У меня — десять секунд. Немедленно передавай на борт семьсот дробь сорок третьего: «Штурвал на себя! Резкий набор высоты!» В уме! Объясни! Отвечу! Передавай же, гад!.. Не отвечает?.. Потом...

«06.22» — вздрогнули цифры. Не получилось... Седьмого марта в шесть часов двадцать две минуты аэробус, выполнявший рейс 700/43, при заходе на посадку в условиях низкой облачности врезался в скалу. Все триста два пассажира и экипаж погибли...

Теперь можно не спешить. Медленно одеваться. Долго плескать в лицо холодной водой. Только через тридцать семь минут позвонит Алексей Михайлович, старший диспетчер. А он вновь не подойдет к телефону. Тогда еще через сорок одну минуту за ним примчится белая «Волга» начальника аэропорта с обозленным, поминутно зевающим водителем. Можно разозлить его еще больше, долго не открывая дверь, изобразив едва проснувшегося, но тогда опять придется выслушивать длинный злобный монолог, растянутый до стеклянных дверей аэровокзала. Нет, и в этот раз он встретит водителя на лестничной площадке, скажет пару сочувственных слов и получит в награду девятнадцать минут павианьих воплей какого-то рок-ансамбля, под которые легко ни о чем не думать перед тяжелым разговором с начальством, где каждое слово он помнит наизусть.

Он будет всё объяснять дурным сном, совпадением, может быть, и телепатией, только бы отвязались наконец, отпустили, пообещав вернуться к этому idiotскому разговору уже после праздника, хотя какой теперь праздник — нужно срочно собирать комиссию, вылетать на место катастрофы... Обещание свое начальник не выполнит, под вечер снова пришлет машину, и придется в его кабинете писать бессмысленную объяснительную записку под изучающим взглядом молодого

человека в штатском, который не представится, не поднимется с кожаного дивана у зашторенного окна, а начальник сразу, не прочитав, передаст ему исписанный листок и кивком головы отпустит диспетчера, и они вновь встретятся лишь в очередное утро. И можно опять нацарапать на белом листе свою любимую песню Владимира Высоцкого «Порвали парус» и ожидать резкого оклика от молодого человека, требующего объяснений, и отмолчаться, и быть увезенным на психиатрическую экспертизу, и провалиться в ненормальный черный сон на казенной койке, чтобы очнуться в шесть часов двадцать одну минуту на коврик у своего дивана...

Но это будет потом, так или иначе — как он сам захочет, а пока можно пойти в диспетчерскую и долго-долго молчать, глядя на суетящегося Михалыча и зная, что бесполезно сейчас с жаром уговаривать его, растолковывать, как он должен действовать, когда завтра заступит на смену. Завтра не будет. Для Михалыча будет сегодня, а для него — вчера. Лучше всего вернуться в город на рейсовом автобусе (такси он так и не сможет дожидаться), закрыться наглухо в пустой квартире, зажав уши руками, отключив телефон, и думать, думать, перебирать в уме новые, новые варианты, пока вечером не придет машина.

Сколько он их использовал, вариантов... Когда первый раз повторилось злосчастное утро, когда ему около девяти часов позвонил Алексей Михайлович и передал приказ начальника вылететь в составе комиссии, он решил, что это повторная катастрофа, и подумал в ярости: «Как же так. Ведь даже слепая молния дважды не ударяет в одно и то же место. До чего же мы докатились, до чего довели Аэрофлот!» Он был так расстроен, что не обратил внимание на повторимость действий членов комиссии (а потом подстерг, успел поддержать медика-старичка, не дал ему поскользнуться на трапе и больно ушибить коленку. Он потом многое предотвратил, и комиссия, вылетев на час раньше, чем прежде, работала необычайно быстро и четко — все он предусмотрел, подавал в зародыше все накладки. Кроме самой катастрофы, конечно...). Но это опять же потом, а в первый раз до него начал доходить смысл происходящего с ним, когда он наткнулся на врезавшуюся в память со вчерашнего дня картину: обгоревшие останки ребенка, прижавшего к себе совершенно целого вельветового медведя... Тогда он понял, что сошел с ума, и рухнул наземь, вжимаясь в снег лицом, и никто не удивился, не встревожился, все держались на последнем нерве, не в силах терпеть этот ужас... И он, через минуту встал, с захолодевшим сердцем продолжал работу, вздрагивая перед каждой предугаданной деталью.

На следующее утро он не мог отказаться от участия в работе комиссии. Все повторилось. Он молился Богу, предположив, что незаметно умер предыдущей ночью и находится на том свете, и этот кошмар дан ему навечно в наказание за все его грехи, может быть, в первую очередь, за поспешный развод с женой, хотя причиной была ее откровенная измена. Он не просил у Бога прощения, лишь предлагал заменить наказание, ведь не выдержит долго ни одна человеческая душа вида этого кровавого месива, разорвется скоро, и придется придумывать новый способ адских мучений, а много ли их в запасе, хватит ли на всех нас, бесчисленных грешников... Так было несколько дней подряд, и он уже молил о смерти, но никак не сгорали его мозг, его сердце, и он даже, кажется, стал привыкать к своему аду, механически выполняя запоминающуюся до мелочей работу...

Потом он опомнился. Старый осёл! Как ты мог не догадаться сразу! Не в наказание тебе Бог послал эту катастрофу. Знание о ней он вложил в твою дурную голову, чтобы ты сумел ее предотвратить! А что, если иссякло терпение Его, и не вернет Он тебя опять к истоку кошмарного утра? Да нет же, не может быть!

Терпелив Он и даст недостойному, на коего случайно пал указующий перст Его, еще одну попытку.

В эту ночь он впервые осмысленно решил не спать, как-то забыв, что и прежние ночи несли ему, пережившему столько, бессонницу, однако в какой-то миг он выключался будто, просыпаясь затем на полу с одной и той же мыслью.

«Я никогда раньше не падал во сне...»

Тогда он догадался, наконец, заметить время своего пробуждения. 06.22. И точно зная, что именно эту минуту страшного взрыва зафиксировал «черный ящик» разбившегося самолета, он проклял Бога за его иезуитскую выдумку и поклялся матерью своей, что вырвет у провидения необходимые секунды, чтоб успеть предупредить о столкновении, чтобы остался жив и цел, как его вельветовый медведь, неопознанный ребенок.

Он начал борьбу. Сторожил миг своего выключения и миг возвращения во вчерашний (для него одного вчерашний) день. Он уже убедился, что никто — ни Михалыч, ни другие диспетчеры, ни начальник аэропорта, ни дежурный Министерства гражданской авиации, ни молодой капитан госбезопасности — никто не сохраняет за ночь память о предстоящем несчастье. И он уже побывал и в психиатрической лечебнице, и в изоляторе городского управления внутренних дел, неизбежно возвращаясь на свой диван к роковому сроку — в 06.22. Он научился уже саботировать свое участие в комиссии, не отвечая на телефонные звонки и не открывая дверь, затаившись, пряча голову под подушку. Это принесло ему некоторое облегчение, но все равно с первых же мгновений дня труп ребенка вставал перед глазами и не отпускал, терзая изболелую совесть. И все-таки это была хоть какая-то передышка. А когда он ловил себя на желании не открывать больше дверь, ничего не слышать о катастрофе, провести остаток жизни под подушкой, — он заставлял себя подняться, самому приехать в аэропорт, самому добиться включения в состав комиссии и оберегать ее от всех мелких и крупных накладок, чтобы работала она быстро и четко, чтобы вновь он своими руками бережно отнял у того, что было ребенком, совершенно целого вельветового медведя. И он работал по ночам, концентрируя всю свою волю, до хруста в мозгу, до остановки сердца...

И однажды он уловил, как моргнула последняя цифра на электронных часах, превращаясь в двойку из единицы. Он бешено усилил свои мучения. И пришел тот день, пришло то утро, когда, очнувшись, он различил в темноте яркое зеленое счастье: «06.21»!

Еще несколько дней ушло на отработку движений. И он едва не сошел с ума, когда впервые обнаружил, что телефон молчит. Распроклятый блокиратор! Он дважды бегал к соседям, убеждаясь, что те кладут свою трубку еще до его истерических звонков в дверь. Он караулил телефон, как вспышку контрольной лампочки на приборе для проверки быстроты реакций. Только теперь от его реакции зависел не зачет на тренажере, а реальная жизнь трех сотен людей, жизнь хозяина (или хозяйки) вельветового медведя.

Когда он впервые дозвонился до Михалыча, он опять чуть не сошел с ума — от счастья. Но и на следующий, и на третий день не мог поверить, не укладывалось в измученном сознании, что Михалыч убьет драгоценные, сединой завоеванные секунды на выяснение, в своем ли он уме! Не мог сразу понять Михалыч, что не секунды он убивал, а триста восемь человек... Потом понимал, убивался, во всем обвинял то его, то себя, готов был сердце вырвать из груди, и с сердечным приступом увозила его «скорая», да поздно, поздно...

И настал день, настало утро, когда он решил покончить с собой. Ничего у него не получалось, не мог он ничего предотвратить. Форс-мажор — непреодолимое стечение обстоятельств. И терпеть эту муку он больше не мог. Ведь не вчерашним он возвращался

во вчерашний день, не свеженьким, ничего не помнящим, как Михалыч, а постаревшим за эти два месяца, поседевшим, истерзанным до предела. Да, всё, предел. И он убил себя — мучительно и трудно. И очнувшись, как всегда, на коврик у дивана, мгновенно вспомнив, как долго он вчера умирал, автоматически выхватил взглядом в темноте ярко-зеленое, невероятное: «06.20».

В конце концов он научился убивать себя почти безболезненно и быстро. Когда он счел, что набралось достаточное количество запасных минут, он потратил их на уговоры, чтобы Михалыч передал приказ пилоту аэробуса изменить курс для захода на посадку. Не этот ли странный приказ отвлек внимание пилота — и самолет врезался в скалу!

Он решил больше не рисковать. Умерев бесчисленное количество раз, он немного за полночь поймал такси, приехал в аэропорт, поболтал, пошутил, дрожа внутри, с Михалычем, предложил ему передохнуть, а он подменит, все равно не спится ему, свежеразведенному, и загодя, спокойным тоном переговорил с пилотом 700/43-го, посоветовал ему быть повнимательнее в условиях низкой облачности, а лучше вообще изменить курс, на что он, диспетчер, дает «добро» и ожидает его с другой стороны посадочной полосы. И в изнеможении откинулся на спинку кресла, бесильно наблюдая, как выскакивают в окошечке контрольных часов черные цифры: 06.19, 06.20, 06.21, 06.22, 06.23... до той минуты, пока не прошелестел за окном благополучно приземлившийся аэробус.

Счастья он не ощутил. Давила мысль: не повторится ли следующим утром все с начала? ...Что ж, теперь он знает, что он должен делать, чтобы каждый день могла, бережно баюкая, пронести над аэродромными плитами девочка в красном платье своего вельветового медвежонка.

Владимир
БОРИСОВ

НОВОЕ ИЛИ СТАРОЕ?

Нет необходимости доказывать, что в основу любого НФ произведения должна быть положена новая фантастическая идея.

...Хорошие фантастические идеи под ногами не валяются.

В. Фирсов

Один из показателей шкалы «Фантазия-2» — новизна. Этот показатель сравнительно легко определить, если вы хорошо знаете фантастику.

Для того, чтобы разобраться с новизной идеи, попытайтесь найти ее прототип в других фантастических произведениях.

1 балл — идея использована повторно «одно к одному» или перекрывается более ранней и более полной идеей. Например, в рассказе Кира Булычева «Выбор» сюжет таков. На Земле инопланетянами оставлен ребенок. Растет, ничего не зная о своем происхождении. Потом появляются инопланетяне и предлагают вернуться на родную планету.

Вам это ничего не напоминает? Точно такая же ситуация описана в рассказе Криса Невила «Бетти-Энн». Оговорюсь сразу: речь здесь идет не о плагиате. К. Булычев мог и не знать о рассказе К. Невила. Тем более, что здесь мы оцениваем лишь один параметр, вполне возможно, что по другим показателям нашей шкалы оценки идеи будут другими...

2 балла — прототип изменен, но нет качественно новой идеи (ситуации).

Французские писатели Жорж Ле Фор и Анри Графиньи в романе «Вокруг Солнца» предложили использовать давление светового луча для космических путешествий. Позднее Владимир Шитик в «Последней орбите» заменил «световой» луч на «лазерный». Принципиальных изменений идея не претерпела.

3 балла — прототип изменен так, что появилась качественно новая идея (ситуация).

Генрих Альтов в рассказе «Икар и Дедал» использовал древний миф об Икаре. Но к идее полета с приближением к Солнцу применен прием инверсии: пролететь сквозь Солнце можно и нужно! Согласитесь, не-

смотря на явное указание прототипа, идея изменена существенно.

4 балла — новая идея, не имеющая близких прототипов в фольклоре, литературе и НФ. Такая идея может служить прототипом для идей (ситуаций) 2-го и 3-го уровней.

Классический пример — машина времени Герберта Уэллса: хотя и прежде встречались в фантастике перемещения во времени, однако никто не додумался изобрести специальное устройство, которое обеспечивало бы подобное перемещение.

Идея машины времени оказалась необычайно плодотворной: до сих пор появляются произведения, разрабатывающие эту идею.

Для того, чтобы оценить новизну идеи, полезно ответить на контрольные (наводящие) вопросы:

— Нова ли эта идея (ситуация, сюжет, произведение в целом)? Если не нова — указать совпадение с прототипом. Если нова — отметить отличие от прототипа. Можно ли считать отличие качественным, принципиальным? Не завышена ли оценка, ведь 4 балла — это уровень «Машины времени» Уэллса?..

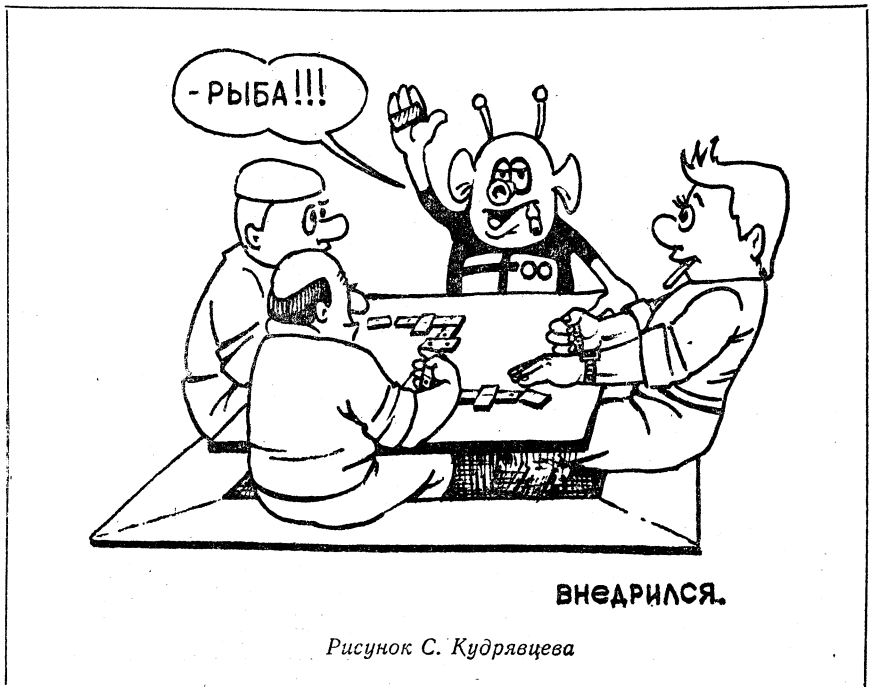
Задание третье: Оцените новизну идеи в последнем прочитанном вами фантастическом произведении. Обсудите свою оценку, укажите идею-прототип, опишите отличия и сходства.

Попробуйте улучшить оценку новизны этой идеи. Предложите идею, которая, по-вашему, заслуживает более высокой оценки.

ФАНТАСТИКА И ФАНТАСТЫ В ПЕРЕСТРОЙКЕ

Заставило меня писать выступление в № 1 «Уральского следопыта» за 1989 год писателя А. Стругацкого. Не думаю, что выскажу нечто оригинальное. Почему же тогда пишу? Да потому, что трудно молчать. Да и не жалобу я пишу. Просто считаю, что простой человек, отважившись высказать свое мнение в письме в редакцию, уже потенциальный союзник перестройки. Он начинает мыслить, оценивать что-то. А значит от массы пассивных созерцателей откалывается еще один бывший «винтик», начавший себя осознавать человеком, членом общества, ответственным за судьбу страны.

Ну, а теперь о фантастах. Я не понимаю, почему Аркадий Натанович скромничает. Именно он и Борис Натанович со своей социальной фантастикой были лучшими публицистами в застойные годы, они расшатывали саму административно-командную систему, заставляли нас активно мыслить. Пришлось мне некоторое время обучаться на фило-

ВНЕДРИЛСЯ.

Рисунок С. Кудрявцева

софском факультете Киевского университета. Так вот, за чтение «Сказки о Тройке», «За миллиард лет до конца света», «Улитки на склоне» запросто в конце 70-х можно было схлопотать выговор, а то и быть отчисленным из вуза. Но мы читали, переписывали от руки. У меня «Сказка о Тройке» и сейчас хранится переписанная мной на первом курсе за три недели. Писал ночью, забившись в дальний угол подвала, при свете керосиновой лампы. Была у нас такая знаменитая лампа, «лампа доверия». При ней спорили до хрипоты, читали вслух «Час Быка» И. Ефремова, произведения Роя Медведева и другие, тогда запрещенные.

И самой популярной была фантастика. Она заставляла нас критически мыслить, оценивать положение в обществе. Скажу о троих писателях, которые занимали наши умы. Вернее, четыре их, просто братья Стругацкие для нас были одним целым, неразделимым. Их сочинения для нас были открытиями. За них ничего не жалко было отдать. Знаю по себе, за тоненькую книжицу отдал стипендию. Ну и сидел, как говорится, на воде и хлебе, хорошо, что была у нас выручка, подкармливали друг друга. Зато «Понедельник начинается в субботу» зачитали до дыр. И на семинарах по философии всегда использовали в споре аргументы, почерпнутые из этих книг. Хотя некоторые платили за это довольно большую цену. Насколько я знаю, ходили эти книги и среди рабочих.

Не это ли лучшая публицистика!

О «Часе Быка» старались молчать. У меня была эта книга, и ее «зачитали». Да не в этом ведь главное. Мы в планете Торманс увидели нашу систему. Но не это даже сделано книгу страшной для Брежнева и его «команды». Ведь там был прямой призыв к борьбе. И «серые ангелы» вели ее. Нельзя было прочесть такую книгу и остаться безразличным. Пришел я в республиканскую библиотеку им. КПСС, нашел книгу, заказал. А мне в ответ отказ. «На руках». Второй раз, и снова отказ. Теперь уже «утеряна». Спросил у знакомой сотрудницы, что же с книгой случилось! Посмотрела она на меня, вижу, колеблется. Потом предупредила, чтобы никому не говорил, а то она работу потеряет. Выдают эту книгу только по спецдопуску...

А об Олесе Берднике, наверно, любители фантастики и не слышали. Я имею в виду не жителей Украины. Потому что его книги не переводились на русский язык, насколько мне известно. Так вот, его «Звездный корсар» еще похлеще «Часа Быка» будет. Там философски показано перерождение общества, оплетенного административно-командной системой, его логический тупик, и наконец интеллектуальное возрождение и как результат — паразитизм, который граничит с инквизицией. Вышла книга в 1970 году. А в 1977-м писатель был арестован, приговорен к 10-ти годам заключения «за антисоветскую

пропаганду и агитацию». До сих пор не могу понять, что этому послужило. Процесс прошел закрыто, из библиотек начали изымать книги писателя, уничтожать их. Вырывали страницы со сведениями о Берднике из справочников «Писатели Советской Украины». В 1984 году он был досрочно освобожден, выступил в газете «Литературная Украина». Из его выступления я понял — он остался самим собой, человеком чести и совести. Сквозь фразы звучала мысль: «Время идет новое. Оно уже не за горами. Кто хочет понять, тот поймет». И мы поняли. Сейчас многие книги О. Бердника переизданы, «Покрывало Изиды», «Кто ты?», «Звездный корсар», «Огненный всадник». И книги его не залеживаются на прилавках.

А главный подвиг О. Бердника — что и в заключении он остался писателем. За годы заключения он написал прекрасную книгу «Огненный смех», в которой развил основные идеи «Звездного корсара», и главное, вывел образ нового человека, человека нашего времени, человека перестройки.

Кстати, одна девушка с нашего курса за письмо О. Берднику в место его заключения чуть не была исключена из университета. Ее тогда удалось отстоять с большим трудом. Правда, позже ей это припомнили...

А на Украине книг Стругацких не издают. Не знаю, в чем здесь дело. Но факт остается фактом.

Вот так. Хотел просто сказать, что фантастика в годы застоя была авангардом перестройки, которая зрела в глубинах общества. Колупаев, Савченко, Бердник, Стругацкие, Ефремов, Варшавский... Они определяли лицо нашей фантастики.

А вот Кир Булычев. Наверно, поздно понял я его фантастику. «Девочка с Земли» закрыла его «Поселок», да и другие произведения. А ведь там в экстремальных условиях показан Человек с большой буквы. И сейчас подымается В. Головачев, на мой взгляд, новое поколение новой советской фантастики. У него глобальные проблемы. Как у С. Лема. Проблемы неизвестного, а еще проблема человека. Только нельзя за приключенческим сюжетом не видеть философии писателя.

Фантасты-публицисты. А почему бы не ввести такую рубрику в журнале? Начало ведь сделано.

Рисунок С. Кудрявцева

лидерский лик и точно рассчитал старт, опередил и остался доволен.

Кретин. Четырежды рвался в медицинский, думал — окончу, пойду в СЭС. Не должность, а сплошной экономический суп. И подальше от своего поселка городского типа с миллионным гегемоном и без единой урны. Пока один из вступающих не взбодрил, мудро похлопав по плечу: «Ты что, парень, обиделся, списки ж в мае составляют! Медицина — не твое призвание, там иногда работать надо, а у тебя рожа рифа, пиджак носишь, ну и дуй в пед, там тебе без проблем». А, простите, риф — это по-каковски? В ответ усмехается: работник идеологического фронта. То ли пиджак помог, то ли лик лидерский — зачислили...

Человек сместил силой сумки и теток, отвоевав личный дециметр поручня.

Понять оказалось нетрудно. Матриархат. Преподам от сплошных баб тоже тошно. Бабы зубрят про то, как мужчины историю делают.

Когда при мне принялись ажурные колготки всей группой мерять, понял — и меня за свою принимают. Затошнило от одиночества, к порядку призвал, а они дальше чирикают, будто вместо меня плакат со стены им что-то изрек. А когда вдруг хлынула практика, и пришлось малолеток запереть в классах, чтобы их подростки не истребили, понял: спасаться, но с умом. Так, чтобы ситуацию контролировать. Дядек нет, и институт этот для меня единственный, как метрика.

Осенило ночью — по комсомольской линии. Матриархату с плечами втайне тоскливо. Выборы-перевыборы, конференции, политинформации, политучеба, ФОПы, за отчетный период сделано, в прошлый семестр выполнено, бумажки, взносы — коммунизм обязан строиться полным ходом. А строить — не зубрить. И диплом дадут, и со службы не сквозь проходную. Видал общественных боссов по телевизору — отполированы думой о массах, выражение заботы хроническое, как болезнь, и все нормально, между прочим, пола. И путевочки, как выяснилось, — тем, естественно, кто не только на стипендию прозябает — по «Спутнику», и льготы, удобства, и продвижение. Им деканат — гостиная, а ректор — крестный отец.

Мой же дом — шкаф с окном, однокомнатная хрущевка, раскладушка — единственная собственность, интим привести — куда? Не к матери же в постель. Половики на рыжем полу, полосатые, на телевизоре вязаная челка, и запах, неистребимый, черт знает чего и везде — в диване, в подушках, под ванной: то ли дешевых витаминов, то ли тараканов; и эта ублюдочная чистота, когда сразу весь жизненный минимум кожей чувствуешь: сюда из проходной выносят свои кровные в безтоварном количестве. Матушка отбратчила на намотке — трансформаторные сердечники, полторы смены — одна норма, да еще благодарит, когда работу домой дают, рублем, кстати, благодарит, и мастера, и бригадира; я этими сердечниками все младенчество играл, все субботы и воскресенья, выходные на всю жизнь пропахал изолянтной. Посреди хрущевки — моя пожизненная матушка, выковыривает копейки: тысяча сердечников — шесть рублей. А если сердеч-

ник не крутит — носом шмыгает, это у нее вместо слов. Носовых платков, помню, подарил вместо намека — умилилась: «Чистенькое!» Приутюжила на память и авансы меж ними таит, а пользует один, до дыр просквоженный на телесериалах, а дома в унитаз сморкается.

Сбоку кто-то слишком близкий утробно всхрапнул. Человек, отстраняясь гневом, вскинулся: точно, прежняя сумочная коротышка опять рядом, сморкается чудовищно. Он вдруг услышал, как все транспортные единоутробные граждане шоркают носами о платки, рукава, о голые и одетые перчатками пальцы, все хлюпают носами, трудно дышат общей теснотой и взлаивают разнообразным кашлем. Кто-то невидимый периодически и настойчиво чихал.

Он, надев на лицо выражение противостояния, нащупал свой девственный отутюженный платок и вновь увлекся внутрь себя.

...В чай вонзается, как тонет, — взхлеб, и с блюдечка. И мужики! Приведет и скажет — твой папа, дядя Саш, дядя Петь, дядя Коль; дядя Коль с мезор-пирогам от личной семьи полечится, телевизор освоит и — домой, пироги-то ни с чем. А матушка — в кино, про любовь и импортное. Опять потом откармливать с новыми силами, от души — так, чтоб замуж.

И нашла-таки отчима, — мне давно двадцать пять, — и снова: твой папа. Я устал, — говорю, — дядя Саш, дядя Петь, дядя Коль, кончай перебирать! Вижу — новый дядя как не слышит ничего, улыбочивый. Обозлился и добавил вдогонку — а про совокупный продукт в политэкономии почитай! А эти, оказывается, зарегистрировались! Понял: теперь вдвоем на сериалы зачестят, пора, пока не поздно, отрываться — обрыдло пролетарское происхождение. И двинул молодежкам предложение — выписывайте, ухажу в общагу. Новый дядя, улыбочивый, аж прослезился — видать, мой поступок вполне в сериале. Ты, говорит, парень, если что — на меня рассчитывай! Да что на таком рассчитывать можно! Мне б от полосатых половиков куда подальше, от генного притяжения, от честности этой ничтожной с трансформаторами по воскресеньям. Кто здесь родился и сдуру остался — ничего и никогда не значит; как прозвучало над пеленками «портфель», так портфелем и помрешь — в лучшем случае передовиком производства.

Стоп-сигналом полыхнула вдруг красная обивка сиденья. Мужчина заметил первым и успел раньше, чем тетки ухватились за сумки. Он расслабился в притворный сон, чтоб было ясно без объяснений — его усталость значительнее, чем у прочих. Возможно, он тоже с ночи и, между прочим, без подозрительного азу в собственных недрах.

Сокурсницы не зря заронились, да только от них воротит — он заочно знает, какое на какой белье — при нем примеряли и торговались. Все равно власти над собой жаждут.

Власть — штука без инфляции. Капитал. У нас давно коммунизм. Валюта семьдесят лет назад сменилась, и деньги отменены.

Он учел и понял. Общественные обязанности рано или поздно сплетутся в права. Дилетанты; оди-

ночки, пикетчики — больше по телевизору, а здесь миллионный гегемон, который жрать хочет, а если не гегемон, то бабье царство. Да посмотрите в час пик — где мужчины? Из проходной — бабы, в проходную — все те же; магазины, мероприятия, субботники, общественные дружины... Куда мужиков подевали?! Они теперь — неформальное явление.

А кто из пикетчиков прорвется — пусть, энтузиазм использовать, и на передовую их, на прорыв, для поднятия духа. У добросовестных дыхание не спортивное, они ж иссякнут, а ты сохранишься лидером, пусть и формальным. В общаге — отдельный апартамент, деканат на грузку понимает — я на курсе один. Присмотрелся на присутственных собраниях — элита вся, похоже, из таких же нуворисей. Цепкие, без сантиментов — партийные пасынки. Есть, конечно, и потомственные. В медицинском, как правило, жизни обучаются. Девочки, пьянки, таблетки, и тут же молчаливый аборт, свои же и помогут. Тылы у таких тренированные, эти — не пасынки, сыновья.

Но я свое место вовремя понял. Не мед, а пед. Тихо, без запоев, всегда при пиджаке и галстукке, девочек в апартамент — дудки, в комнату только тома истмата, побольше, разных лет изданий. Комendantша скребется истовой мышью, вползает на цыпочках...

Пересижу. Высижу. Выживу.

Над плечом мученически вздохнули.

...Расчет, трезвая голова и чувство меры... На чувстве меры он внезапно встал, вслух уступив жизненное пространство отшумевшему вздоху. Ближние обернулись посмотреть на настоящего мужчину. Он обрел свежий лик права и правды.

Жениться бы, вспомнил он, и опять отвлекся от содержания собственного лица и окружающего впечатленного человечества.

Чтоб много во мне не искала, а что есть — приняла на веру. Я их колготки видал — чего мудрить. Мужчине женщина для веры в себя. И женятся — на верующих. Зачем мне игры, когда нужно наверняка и в законе, я б и тянуть не стал, с первой встречи б — и предложение. Если б должность свою понимала.

Какую-нибудь с профилирующим папой — импортный для меня вариант. Мама б прослезилась, а мне такое — как долг взять, влип и обязан, крутись по чужим условиям. Жена с готовыми родителями — для морального инвалида, я здоров и готов с нуля. Хочу то, что могу оплатить.

За моей спиной нет поколений. В матушкиных бумажках видел желтый обрывок глянца с лицом староверки: черная, сухая, скупые скулы, не знавшие многословия, глухое платье под челюсть, жевала, наверное, скрежеща от ворота до подола. Не спросил, кем такая приходится. На всю жизнь узнал бы.

Теперь я не связан. Не осталось имен. Не прижмет прошлое. Чтоб и жена собственной бабки не помнила. Одно поколение проще контролировать.

В транспорт, уплотнив присутствующих, втиснулись трое в повязках.

«А этим чего? — удивился стоящий. — Тут же не развернуться!»

— Граждане, приготовьте документы! — предупредил из троих общий голос.

Прекратились насморк и чих, потеснились бабы и сумки, проснулись спящие, потеснили себя в надлежащие стороны. И для проверяющих оказался узкий коридор, вдоль которого выворачивались в непрекословной панике карманы.

«А у меня проездной», — обрадовался лидер и, пригрозив его, как удостоверение личности, радостно ждал, когда от него потребуют отчета.

Но трое громоздких и молодых прошли мимо общим плечом вперед, даже не увидев его лица наизготовку.

— У меня же есть!.. — пробормотал он в их спины, но спины продвигались проверять остальных, тех, у кого могло и не оказаться, и перед ними суетились и рылись в одежде, а человек, оставшийся незасвидетельствованным, стал азартно всматриваться в прочих: не может быть, чтоб было у всех, зайцы обязаны быть, иначе зачем обществу контролеры!

— Я здесь! — выкрикнул он спицам, но спины уже выходили в переднюю дверь.

Он вырвался из проверенной массы следом, и догнал, и вышел, встроив себя в их единый шагающий ряд, и они, разомкнувшись, приняли его, как равного.

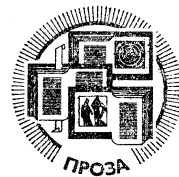
Транспорт скрылся из-под контроля в дальнейший рабочий день, оставив на остановке троих в повязках и одного, и еще громоздкое здание, стену которого обозначал непререкаемый черный плакат с уверенным лицом посередине, лицо доходчиво объясняло гражданам про все необходимое для жизни в социалистическом обществе. Четвертый чуть отстал, бросив на лицо узнающий взгляд, поправил фуражкой челку и ушел в число спиц и повязок.

Плакат торопился на практику по истории.

Любов Поклончиков

Федор КУЛАКОВ

Ему не повезло еще до рождения. Фамилия у папы и мамы была Поклончиковы. Куда бы ни шло — Поклоновы. Тоже не бог весть как. Но все-таки увесистее, солиднее и даже как-то уважительнее. Во всяком случае, определеннее. А то ни то, ни се — Поклончиков.

И когда родился — тоже не повезло. С полом не повезло. Мальчиком родился. А родись-ка на свет девочкой... У-ух, и фамилию бы он себе выбрал! И был бы он... То есть, была бы он Любовь, к примеру, Властьева. А?! Звучит-то как — Любовь Властьева!.. Нет же, весь век свой мирись теперь с Поклончиковым. И сын Поклончиков. И внук будет Поклончиков. И правнук, и праправнук...

С именем тоже у него из-за этой самой невезухи ерунда получилась. Претенциозная мамочка для своего чада хотела хоть за счет имени отвоювать чуток жизненной территории. Перебрав все и не найдя ничего подобающего, она изобрела свое — Любосвет. И на этом имени мамочку заклинило. Может, потому, что в те годы модно было все сокращенно называть. А скорее всего потому, что она сама работала в Культпросвете и самозабвенно его любила.

В общем, с этим предложением она вышла на папу. Папу звали просто Вася. Он в уме прикинул, что Любосвет Васильевич Поклончиков звучит не так уж плохо, и дал согласие.

Запеленав свое чадо, они направились в ЗАГС. Дите несли на руках, потому что колясок тогда еще не было. И это тоже сыграло свою роковую роль. Так бы, глядишь, родители оставили младенца у подъезда. А тут пришлось идти в Бюро записей актов гражданского состояния со свертком на руках.

Руководство регистрацией гражданского состояния своего сына мамочка, разумеется, взяла на себя. Она четко и внятно произнесла:

— Любосвет Васильевич Поклончиков.

Но тут сверток зашевелился, чихнул и возвестил о себе голосом, который обещал, что если его обладатель и не будет любимым светом, то он во всяком случае приложит все силы для этого. Мама кинулась по вызову. Но на всякий случай выкрикнула:

— Любосвет! — И уже папе: — Проследи там!

— Любосвет, — равнодушно повторила завбюро и склонилась над фирменным бланком свидетельства о рождении, которое в народе известно больше как метрика.

Папа тоже склонился над плечом официального лица, которое сейчас узаконит существование его сына. Он с удовольствием наблюдал, как по точкам графы «Гр» ровно, аккуратно и красиво плывет перо. «По-клои-чи-ков Лю-бо...» — шевелил губами папа. И вдруг в ужасе замер. Замерло и официальное лицо.

— Что вы делаете! — прошептал папа. — Любов.. Любосвет надо! Свет! А вы?!

Завбюро поняла, что дала маху. Поняла и по какой причине. Это все из-за него, из-за Андрея. Ничего про свадьбу не говорит, а уже скоро... Девочку она ждет. Любовью назовет.

— Напридумываете тут имен всяких! — нашлась она наконец. И так зло вскинула голову, что еще чуток и папа получил бы кокаут.

— Вы, вы себе позволяете!.. — задохнулся папа. Но слов подходящих не нашел и решительно добавил: — Я требую переоформить документ!

К требованию присоединилась и мама Поклончикова. Громогласно требовал переоформления документа и новорожденный Поклончиков. Однако официальное лицо ничего не могло сделать. Потому что ниже названия документа «Свидетельство о рождении» стоял порядковый номер РП № 587272.

— Ну, тогда исправьте «в» на «с» и продолжайте, — пошла на компромисс мама.

— Исправлять нельзя. Вдруг, если что, могут квалифицировать как подделку документа. А вы же знаете, какое сейчас время! — подняла вопросительные глаза на маму завбюро.

Мама знала. И папа знал. Был конец 30-х.

Вот так малец и стал называться Любовом Поклончиковым. И чего он только из-за имени и фамилии не натерпелся. В школе ровесники иначе и не называли, как «Люба» да «Люба Поклонись».

И в институте с прозвищами не отстали. Но здесь в них было больше лиризма. Стоило только ему где-либо появиться, как кто-нибудь обязательно пропоеет: «Любов нечаянно нагрянет» или вздохнет томно: «Любов — не вздохи на скамейке».

Мирился. И только когда пришел на производство да стал продвигаться по служебной лестнице, голос Поклончикова все больше и больше начинал оправдывать свое обещание. Данное еще там, в бюро ЗАГСа. Так он добился того, что его имя и фамилию произносили с ударением на первом слоге — Любoв Пoклoнчикоv. Тогда имя становилось близким к украинскому красивому слову «любий». А в фамилии растушевывалось унижительное словечко «поклон». Многие сослуживцы и большинство подчиненных надлежащим образом восприняли эту маленькую реформу русского языка. А потом стали привыкать и вышестоящие руководители. Да и чего не порадеть хорошему человеку!

Человек же он — Любoв Васильевич Пoклoнчикоv — действительно был хороший. Все знал. Свое место, свою должность, свое предназначение. И свои способности, и свои возможности знал. Знал, что могут и не могут подчиненные. Знал, что они делать обязаны, а что нет... Все знал. И не рыпался. И сидел на месте. На своем месте. Вот уже десяток лет,

Худо ли, бедно, а под ним — коллектив. Разномастный, правда, разношерстный. Но люди меняются. Хорошо, положительно меняются!..

Иные не понимали его указаний. Даже такой пустяк, как ударение переставить. Правда, официально он не указывал, но ты же должен понимать. А если не понимаешь, то и нечего сидеть в этом учреждении... Так и намекал. И тогда понимали.

— Люба! Ты не опоздаешь? — из-под двери доносится голос жены.

— Сейчас, сейчас! — отозвался нервно.

И еще раз повторил разминку, мысленно приговаривая: «Так, это и это — в самом начале. В этом месте лысый обязательно подбросит какую-нибудь шуточку. Значит, надо так... А здесь сухарь со своей рауцхой встрянет. Значит, надо... надо... Во!.. Впрочем, нет. Надо разговор повести так, чтобы сначала эта мыра встряла. Она же обязательно встрянет! И все настроение испортит... Лучше шуточку напоследок. Все-таки, какой-никакой, а эмоциональный заряд. Идти ведь не куда-нибудь, а к Иван Ивановичу... Зачем приглашают? Хотя, кто сказал, что приглашает?! Может быть, вызывает?! Да, настали времена. К начальству идешь и не знаешь, как себя вести и что будет завтра. Всякие перестроения, ускорения, сокращения, увольнения... Странно, везде одно и то же окончание — «ния»... Или нет, «н», пожалуй, к суффиксу относится. Значит, просто «ия». Сокращения, увольнения... И я!.. А может, все-таки «ния»? Ни я!»

— Вот чертовщина! — ругнулся тихонько Любов Васильевич. Вышел из ванной комнаты и на уровне своего подбородка увидел розоватые пятки жены.

— Ласточка! — присел ближе к лицу жены Любов Васильевич. Он ни разу за всю их совместную жизнь не назвал ее по имени. Потому что жену звали Любой. — Ласточка! Как будет правильно окончание... ну, в этих, модных теперь словах? Перестроения, ускорения и прочее?

Невыгодно отличаясь фигурой от участниц «Ритмической гимнастики», «ласточка» плюнула на нее и вернулась к системе йогов. Сейчас она стояла на голове, и ей полагалось некоторое время молчать. Любов Васильевич на корточках терпеливо ждал.

— «Ия», — сказала «ласточка», приняв обратное вертикальное положение.

— Значит, все-таки и я, — не смог подняться Поклончиков. — Сокращения, увольнения. Всюду — и я, и я.

— О чем ты, не пойму? — правым углом рта спросила «ласточка». В левом были шпильки. — Не нравится окончание? Возьми в единственном числе. Будет «ие».

«Верно, «ие!» — удивился простоте решения вопроса Любоб Васильевич. И дышать стало как-то легче.

На планерке он сделал строгое лицо мымре, деловое — сухарю, рубаха-парневское — лысому. Отпустил сотрудников. Вспомнил очередность движения бровями, губами, руками, ногами и прочим, что в нем двигалось. И все-таки к Иван Ивановичу пошел с тяжелой душой.

— Товарищ Поклончиков! — сказал Иван Иванович. И Любоб Васильевич сразу понял: «И я!»

В его фамилии начальство ударение поставило на последний слог.

Евгений
КАСИМОВ

* * *

И ночь, и головокруженье,
и смятый ливнем летний сад,
срывает ветер отраженья
дерев с поверхности пруда.
Как будто день последний прожит —
так тяжело и сладко мне.
И холод стягивает кожу.
От света звезд — еще темней.
Над отражением непрочным
деревья черные стоят
и в глубине воды полночной
ветвями смутно шезелят.

* * *

О тайном скрипели перила,
и корчились двери подъезда,
и вьюга над домом парила,
всю ночь громыхая железом,
всю ночь говоря о прошедшей
декабрьской солнечной стуже,
в колючее небо прожектор
смотрел — тридцать лет как не нужный...
По городу вьюга металась,
и луч вертикально струился,
и слышен был голос металла,
дома превращавший в руины,
и слышен был звон колокольный,
и в желтой картонной коробе
горел мой светильник настольный,
и в зыбке качался ребенок.

ДАЛЬНИЙ ПОИСК

Полынный запах поутру сильнее.
Над голубым от света космодромом
невидимое дерево Вселенной
шумит своей серебряною кроной.
Уже не слышно музыки парадной —
и только плачет девочка тихонько.
«Поехали!» — и медленный корабль,
сжигая дождь, стремительно уходит.
Газетные лохмотья закружились
от ветра, пробегающего нервно.
И мы цветы живые положили
тому, кто первым был, тому, кто первым...

* * *

В темном омуте окна
тает зимняя звезда.
Сяду к печке, у огня
вдруг почувствую — устал
от забот и от зимы,
от бессонницы, от сна,
от полночной звезды
в темном омуте окна.
Скину с форточки крючок,
гляну ближе на звезду.
Не случится ничего —
только выстужу избу.
Утром снова натоплю.
Звонкий чайник засвистит.
Белый пепел на полу
под метлой зашелестит.

ДЕРЕВО РУССКОЕ

Лев БЕНЬКОВСКИЙ

Ни к одному дереву так не тянется россиянин с чувством душевной теплоты, как к березе. Сколько дум и жизненных коллизий связано накрепко с ней. Она олицетворяет красоту наших полей и лесов. О ней поют, слагают стихи, ее славят на полотнах великие мастера.

Береза, пожалуй, и самое распространенное дерево на территории нашей страны. Березовые рощи, полные игры света, иногда доходят до Крайнего Севера. Где только ни встретишь! В Средней Азии и Саянах, на Сахалине и Курилах. Мне приходилось бывать в глубинках этих районов. С волнением вспоминаю Саяны, когда на маршруте, перевалив очередной хребет и сделав десятки бродов через порожистые речки, выходишь из темной тайги, а перед тобой — березовая роща. И так поет родным! В этот белоствольный оазис стремятся уставшие под выюками лошади, ибо там хороший травостой и меньше гноса.

Произрастает она и на юге. В Краснодарском крае береза занимает преимущественно высокогорные участки и особенно — на территории Апшеронского и Гузерипикского леспромхозов. Есть она и в декоративных посадках. В Краснодарском крае это дерево включено в список охраняемых пород.

А возьмите Сахалин или Кунашир, Шикотан или Итуруп, где растет каменная береза. Мощная, с огромной кроной, стоит она среди больших полей на склоне сопки, выдерживая силу циклонов, штормов и массы «мокрого» снега. Все в ней приятно. Эти трепещущие, с остренькими, зубчатыми краями листочки, приятная нежность молодой коры, отдающая белую пылью тому, кто ее погладит. Береза будто приговаривает: «Будь ласков, дай мне любовь, и я сделаю тебя счастливым. Вот пыльца, бери и потри лицо себе, и оно станет таким же чистым и нежным, приятным и белым, как я».

Или — карельская береза. Только недавно узнали о ее своеобразии, а обнаружена она в 1766 году. И хотя ее можно встретить, кроме Карелии, в Ленинградской, Архангельской, Вологодской, Смоленской, Калужской и Костромской областях, да еще в Прибалтике, но ее мало. И если сравнить с морем березы белоствольной, да и каменной, то этой насчитывают где-то 15 тысяч деревьев.

Неказистая и невысокая, карельская береза бывает разной формы. То шаровидная, то крупнобугорчатая, то мелкобугорчатая. Перламутр или мрамор напоминает фактура ее древесины. Естественная изящность!

И кто мог знать, что это дерево — капризное. До 150 лет доживает, выбирает места лучшие: солнечные, открытые. Саженец до десятилетнего возраста ничем примечательным не выделяется. Но затем вдруг и предъявляет претензии ко всему и ко всем: никаких затенений, простор и обилие солнца! А не создадите условий — не будет карельской березы. Она будет расти до толщины карандаша 100 лет или «превратится» в... обыкновенную. Потому она обжила районы только в углу Северо-Западной платформы. Так или иначе, но то, что карельская береза с «женским» характером, — пожалуй, так...

Березу любят птицы. Она хранит корм для пернатых друзей: в растрескавшейся коре обязательно «хоронятся» насекомые и их личинки; а можно полакомиться и почками, и семенами. Часто в дуплах селятся синицы.

Береза — ценное дерево. В березовых почках содержится до шести процентов эфирных масел. Береза чиста, нежна и пахуча. Летом, как только взойдет солнце, на листьях ее образуются малюсенькие ароматные смолистые «слезы», обладающие мощным противомикробным действием. Может, оттого и любят пчелы соби-

рать эти «капельки». Они входят в пчелиный прополис.

А видели дерево в хрустальных подвесках? Редко это бывает и не везде. Я наблюдал это на Сахалине. Береза становится нарядной в считанные часы, когда, казалось бы, и красоте взяться неоткуда. Бывает это ранней весной, когда сережки еще не набухли и почки не тронул весенний сок; она «умоется» первым дождем, тогда и «надевает» такие подвески. Мокрый ствол отликает нежным глянецом, а темные ветки зовут бархатистой приветливостью, унизанные увеличенными каплями дождя, как хрусталиками. Они рассредоточены равномерно, и когда ветер раскачивает березу, капли не срываются, словно приросли. Кажется, что солнце только с ней играет, такая она чувствительная!

Когда едешь по Западной Сибири, то видишь хороводы красавиц берез, слышишь их мягкие, белые звоны, а вокруг тугими волнами играют зреющие нивы под лазурным небом, в маревых дымаках. А в селах — березки да черемуха, или рябина под окнами. И бегут к ним ребятишки — дождик ли брызнет, солнышко ли прилетит — под узорчатую нежную прохладу. Да и взрослые здесь не раз накрывали столы, встречая дорогих гостей, или праздник семьи, или Родины.

В свое время мне часто приходилось ездить по железной дороге почти через всю страну. И однажды, возвращаясь из Белоруссии, я обратил внимание, что один мужчина с каким-то упоением смотрел на мелькавшие за окном вагона березовые колки. Я заметил:

— И правда, хороши эти березовые колки, будто лени или рожь идут убирать красавицы...

Оказалось, что он с семьей долго жил за границей и сейчас возвращается в родные края. И он рассказывал, что в первые месяцы за рубежом дети восхищались экзотикой, а потом заскучали. Им стали сниться именно березы.

Береза и за пределами страны славит историю русской земли. В Японии существует хор «Сириката» («Березка»), пропагандирующий русские песни и танцы. Хор в одном из залов Токио исполнил однажды цикл вокальных произведений русского композитора XVIII века Дмитрия Бортнянского.

Как-то японские торговые представители выбрали ученические столы для своих школ в Москве в мемориальном объединении «Прогресс». И каково было удивление наших работников, когда японцы, осмотрев продукцию челябинских, новосибирских, кировских, свердловских и вологодских мебельщиков, вдруг стали на столах отблескивать чечетку и раскачивать их во все стороны... Ну, как не в меру расшалившиеся школь-

ники. Оказывается, ученические столы были прочны — из березы. И японцы закупили именно эти столы.

Береза играет заметную роль в медицине, культуре, искусстве и в промышленности. Приведем одну старинную загадку. «С одного дерева да четыре угодия: первое — от темной ночи свет, второе — некопанный колодезь, третье — старому здоровью, четвертое — разбитому связь». Это — про березу.

Возьмем первую загадку. Это — сухая лучина. Почему ей отдавали предпочтение? Да потому, что растет везде, не коптит, не трещит и горит долго. Историки полагают, что березовая лучина дала народным умельцам мысль делать разного вида подставки, зажимы или стойки, куда втыкать лучины. Так появились позднее настольные лампы и торшеры.

Вторая загадка. Действительно, и колодца копать не надо, а напиться можно. Активное сокоотделение у березы начинается в апреле. Одна береза за сезон, то есть до конца мая, может дать до 60 литров сока. А некоторые — до ведра в сутки. Обилие оздоровительной влаги!

Старое название березового сока — пасока. И чего в нем нет! Дубильные вещества, калий, кальций, железо, окись магния, сахар, яблочная кислота. Кстати, из сока делали и березовый напиток, перегоняя его через нераспустившиеся почки.

Как-то в одной газете были опубликованы воспоминания участника войны, который рассказывал, как большая группа раненых бойцов под Ленинградом выжила исключительно за счет березового сока. Ученые нашли возможность брать от одной березы до 425 литров сока. И кто бы мог подумать, что при биогеохимических поисках золота, серебра, да и других ценных металлов, ориентиром является березовый сок?! Он может «подсказывать», где спрятались в земной коре благородные металлы. Он может быть использован для получения ксилита, заменителя глюкозы. Береза — единственная из древесных пород, из которой можно получить этот препарат.

Третья загадка. И верно, хороша ли баня без березового веника, заготовленного в июле. Веник этот более необходимым тем, кто страдает ломотами в суставах. Веник очищает кожный покров, улучшает заживление ран и ушибов.

А сколько они спасли скота в зимний период... Березовые веники использовали металлурги. Для удаления окалины со слитков.

А скипидар, уксус, древесный спирт — их дает также береза.

Четвертая загадка. Береста в старину заменяла бумагу. До сих пор археологи и историки находят в разных раскопках и других местах берестяные свитки — письма древней-

ших времен, и по ним судят о культуре тех эпох.

А деготь? Это панацея от всех болезней. Извлекают его из бересты и пня. Раньше это был истинно русский промысел. В ямах, выложенных кирпичом, без доступа воздуха «томили» сырье и собирали деготь. Сейчас найти чистый деготь такой выработки — проблема. Более того, ямный деготь имеет качественное преимущество. И, к слову сказать, имейся он в продаже — не было бы у домашних хозяек повода бояться моли. Да что моль!.. Порезанное место заклейте берестой, и за несколько часов оно затянется. А вспомните о березовой «чаге», которую в аптеках и на колхозных рынках берут нарасхват. А какой чай, настой или квас готовят из нее! Это жаропонижающий и для поднятия аппетита напиток.

Но кто не видел из бересты лукошки, туески, корзинки под грибы и ягоды! Как чудесно хранятся в них быстропортящиеся продукты! Лукошко с плотной крышкой — туристская хлебница. Она изящна, легка и удобна, а хлеб в ней пролежит 10 дней и более — и не теряет своего качества, не плесневет.

Доброта березы поразительна. Береза служит человеку от листика до корня. Словом, она — свет наших очей, дерево-радость!

Вот это богатырь!

Муравей, весящий всего 0,0086 грамма, может нести гусеницу в пять раз больше себя по весу и в пятнадцать раз по длине. Если бы такой же сравнительной силой обладал человек, то в среднем он мог бы нести предмет весом около 370 килограммов и длиной примерно 27 метров!

Е. ИВАНОВ

Бумеранг

Нет, речь идет не об известном метательном снаряде австралийских аборигенов, но все-таки о бумеранге.

Химические концерны США в больших количествах производят различные пестициды, в том числе и такие, употребление которых в самих США запрещено. Однако они могут продаваться за границу. И вот сообщение американского журнала «Интернэшнл уайлдлайф»: исследования, проведенные Советом охраны природных ресурсов, показали, что многие из импортных продуктов, которыми ежедневно питаются американцы, содержат... остатки пестицидов. «Любое кофейное зерно, ввезенное из Бразилии, содержит легко обнаруживаемое определенное количество таких пестицидов, как ДДТ, ВНС, линдан, альдрин, хлордан», — сообщил представитель Совета Шелли А. Хирн.

Двадцать пять процентов всех фруктов, употребляемых жителями США, выращивается в других странах. Но лишь очень незначительная часть их подвергается проверке на содержание пестицидов. Управление пищевыми продуктами и медикаментами США может выявить лишь менее половины (по наименованию) из числа выпускаемых химическими концернами пестицидов. Например, оно совсем не проверяет наличие на продуктах такого далеко не безопасного для человека пестицида, как ДВСР (в США на его употребление наложен запрет).

Итак, пестициды, выпускаемые в США на продажу в другие страны, возвращаются обратно, но уже на продуктах питания.

Е. СОЛДАТКИН

ТРАВЫ НА БУГРЕ

Иван БЕЛЯЕВ

Рис. Сергея Мальшева

Жан Анри Фабр, знаменитый французский энтомолог, за жизнь свою написал сто тридцать четыре книги, да таких, что их с неослабевающим интересом и ныне читают взрослые и дети. Материал для книг этих он собрал, в основном, вблизи дома на заросшей сорными травами поляне, которую торжественно именуют Пустырем — всегда с прописной буквы.

А у меня есть Бугор. Избавленный старостью и болезнями от продолжительных путешествий и даже длительных прогулок, провожу большую часть своего времени на нем: пологом склоне, верхняя кромка которого тянется вдоль края хлебного поля, а подошва примыкает к заливному лугом русла реки Сылвы.

Красив Бугор в любое время года, но, конечно, всего прекраснее он весной и летом: все переливисто, все изменчиво с каждой минутой, с каждым шагом.

Даже осенью, когда красота Бугра спадает, а цветочные узоры сменяются травяными, на нем видишь новые оттенки, новые, порой неожиданные сочетания цветов. Природа может многократно повторять себя в деревьях, травах, их сочетаниях и всегда оставаться интересной и желанной для взора. Неповторим русский пейзаж, и счастливыми слезами умывается душа при виде его величия и величия.

Приходит старость, с каждым днем уходят силы, все длиннее кажется путь до Бугра, все выше и круче его склоны. Все чаще повторяю перефразированную мной русскую поговорку: «Жизнь прожить — не Бугор перейти!»

И все же каждый день хожу я на любимое место. Побудешь там раз, другой, третий, приглядишься повнимательней к травам, казалось бы, уже знакомым-перезнакомым, и обязательно найдешь среди них новую, пусть неброской красоты, но своему дополняющую прелесть травяного подкова милого сердцу Бугра. И захочется узнать о ней больше. Начнешь искать ее описание в книгах-травниках, расспрашивать стариков, и столько откроется ново-

го, что только ахнешь. И непременно обо всем виденном, продуманном, выношенном захочется рассказать другим.

Сколько еще непознанного на свете: так интересно жить, искать и находить! Ведь и ученые в один голос утверждают, что никогда не будет сказано последнее слово об использовании растений в лекарственных целях.

В старинной песне висимских золотоискателей есть жалоба старого старателя на то, что растерял он свою жизнь между деревьев. А я вот растерял свою между трав, но жаловаться на судьбу что-то нет большой охоты.

ТРАВНИКИ ПРИШЛИ

Чаще всего травники ходят на Бугор за зверобоем. Для всех он угодник, все пьют его отвары, порой сами не ведая от чего. У базарных бабок это товар, пользующийся наибольшим спросом. И даже в детских садах и лечебных учреждениях пьют чай со зверобоем. А ведь зверобой, хотя и считается лекарством от девяносто девяти болезней, не панацея — он имеет и побочные действия. Так и хочется воскликнуть тут: «Ох, не занимайтесь, люди, самолечением — как бы вместо ожидаемой пользы не причинить вред своему здоровью!»

И достается же зарослям зверобоя в июльскую пору! Дурит с корнями, топчут безжалостно... Браконьеры готовы прогнать любой водоем и выбрать в нем рыбу до последнего малька, а так называемые травники готовы собрать все до единого растения, включая даже самые редкие, растущие порой в единичных экземплярах. Вести себя достойно и в обществе, и в лесу школа и институт, к сожалению, не учат...

Плачет Бугор от этих варварских набегов. Росло на нем несколько кустиков кровохлебки — выкопали, когда-то снова восстановится. На северном краю Бугра у опушки леса росло несколько экземпляров ятрышника пятипальчатого, выкопали-выдрали — уже, наверное, никогда не

восстановится, по крайней мере, при нашей жизни. Хулиган в музее стремится во что бы то ни стало прикоснуться руками к самому редкому экспонату, а на лугу и в лесу — сорвать редкий цветок, на создание и совершенствование которого мать-природа тратит тысячелетия.

Криком кричат травы, просят защиты, милосердия, но кто услышит их безмолвный плач, кто увидит эти невидимые миру слезы?

ПОЛЫНЬ

Как порой волнуют сердце запахи свежеспеченного ржаного каравая, только что вынутого бабушкой из русской печи. Что такое аромат всех гастрономических приправ по сравнению с запахом родной аржанники!

И еще — запах горькой полыни. Широкая, неоглядная полынная степь. Растет полынь горькая не как, скажем, пшеница, не сплошным, а куртинками, которые заполняют от края до края все видимое пространство. Хорошо в молодости скакать по такому пространству на резвом коне, хорошо в старости идти не спеша по такой равнине даже с костыльком — ничто не мешает глубокому раздумью...

Есть южнее Челябинска одна такая степочка, дорогое мне место — там спят вечным сном мои родители, мои бабушки. И из года в год проносятся над ними легкие ветерки густой аромат горькой полыни, а в зимние метели под порывами буйного ветра вздрагивают и клонятся долу ее будилья, увешанные бубенцами опустевших семенных коробочек.

И если судьба подарила человеку счастье родиться и жить в полынной степи, ни на что он это счастье не променяет. Помните, у Майкова: молодого хана Отрока соблазняют вернуться домой в половецкие степи и властью, и золотом, и женщинами. И как последнее средство дает властитель Сырган послу пучок степной полыни-ешмана и говорит в полной уверенности: «Отдай ему пучок травы — и он вернется!»

Нет на Бугре полныи горькой, не растет она в этих местах. Казалось бы, надоедливый сорняк, живучий, приспособленный ко всяческим условиям — а не растет. Лишь изредка встречается на участках с более плотными почвами полныи обыкновенная — чернобыл, но нет в ней буйства степной полныи, хотя в медицинском отношении она далеко превосходит свою родственницу: корни чернобыла применяются при расладе нервной системы, туберкулезе легких и ряде других болезней. У авторов, заслуживающих глубокого уважения и доверия (например, у В. В. Кархута), есть рецепты лечения алкоголизма смесью полныи и чабреца, но мои попытки вылечить некоторых своих родственников не дали положительных результатов. Вероятно, алкоголизм надежнее лечить все-таки не только травами...

А всего полнейей около четырехсот видов, и почти половина из них встречается в СССР.

СЕМЯТЯ ТРАВЫ...

В конце апреля шел с пруда, с последнего подледного лова, напрямую через луг на Бугре. И среди прошлогодней невзрачной травы вдруг увидал два кустика очень редкой в этих местах горечавки крестоватковой. Сорвал перелинявшие, исхлестанные прошлогодними осенними дождями, пролежавшие зиму под снегом, уже потерявшие свой цвет стебли с остатками листьев и семенными коробочками и высушил на печке. Потом оборвал коробочки и измельчил их. Посыпались крошечные чечевицеобразные семена, по цвету очень напоминающие зерна светло-желтых сортов проса.

Рассыпал их на тряпку для прораствания. Через несколько дней семена взошли кучкой. Представил, что упала такая коробочка, растрескалась, высыпалась кучка семян, числом до полусотни, и все они враз взошли. А места-то всего лишь для одного растения! Из полусотни сорок девять должны погнубнуть. Да и победившему в этой жестокой конкурентной борьбе еще предстоит побороться за свою жизнь. Вот потому-то и встретил я на Бугре за все годы лишь единственное растение горечавки крестоватковой.

Иногда думаешь: ну чего бы не жить на Бугре и другим растениям? Сеял я на нем семена самых различных трав, но даже через годы ни одну из них не находил. Чернокорень, неприхотливый сорняк, не прижился: трехлитровую стеклянную банку его семя-лепухи разбросал, наприкапывал, посеял под зиму, чтобы стратифицировать по-природному, а так и не увидел ни одного всхода, не то что растения. Та же история произошла с маральим корнем. И даже лопух растет только в самой нижней части Бугра, на стыке с речной поймой, а выше его нет, хотя семена зверушки натаскивают на верхнюю часть его, наверное, предостаточно.

Как трудно размножаются травы, и как легко, порой совершенно бездумно, мы их уничтожаем!

МЕЛИССА

Второй инфаркт настиг меня двадцать второго сентября на даче, в глухой деревне, в пятидесяти километрах от районного центра. Была глубокая ночь, а за медицинской помощью и днем-то обращаться не к кому, так как в деревне не было

даже фельдшера. Обильный холодный пот так окропил тело, что оно казалось облитым студеным вязким глицерином. Тошнило. Сердце отчаянно частило. Я задыхался, так как не мог вдохнуть глубоко, всей грудью. Перепуганная жена не знала, что делать.

По обычаю травников, у нас в доме не было совершенно никаких порошков и таблеток. Мозг лихорадочно искал травку — такую, чтобы была успокаивающей, уменьшала тошноту, была бы слегка снотворной и благотворно влияла на сердце. И я вспомнил мелиссу. Только она обладала всеми этими свойствами.

Пока жена в темноте ходила за мелиссой в палисадник, я мысленно беседовал со своим сердцем, успокаивая его. Все вроде бы делаем правильно. Лежу на правом боку, даже рукой не двигаю. (При инфаркте поднятие руки — чрезвычайная нагрузка на сердце. Руку больному переключать должен кто-то другой, а переворачивать его с боку на бок должны даже двое). И дыхание стараюсь уреживать, дышать как можно ровнее. Самое главное при инфаркте миокарда — не поддаваться чувству страха и обреченности, хотя это и нелегко сделать.

Жена принесла листиков мелиссы, заварила их, слегка остудила — и я выпил полный стакан отвара. «А теперь — спать!» — дал я себе команду. И заснул!

Проснулся часа через три: сердце уже не частило, тошнота почти прошла, а главное — прошел испуг.

Так и не уснувшая ни на минуту жена дала мне еще стакан отвара мелиссы, и я снова заснул. Потом был кардиологический центр, где я пролежал долго-долго, и много месяцев не видел Бугра. Но это уже другая песня...

Рассказал же я эту историю к тому, чтобы воздать хвалу маленькой травке мелиссе, растущей у нас в палисаднике. Места мы ей много не давали, так как не находили в ней ничего особенного в лекарственном отношении. И лишь в беде вспомнили обо всех ее достоинствах. Путно припомнили, что мелисса лекарственная, как именуют ее ботаники, действует еще и противовоспалитично, ветрогонно, мочегонно, успокаивает нервы, регулирует половую деятельность, снижает кровяное давление и обладает еще многими другими полезными свойствами. Вот тебе и маленькая травка!

ГОРЕЦ АЛЬПИЙСКИЙ

К верхнему краю Бугра примыкает хлебное поле: если пересечь его в северном направлении, то можно выйти к небольшой горной речке, притоку Сылвы, именуемой Первым Ключом, а если двигаться еще дальше в том же направлении, то при-

дешь к чуть большей речке, носящей громкое название Большого Ключа.

Хаживал я сюда на рыбалку за хариусом и плотвой, ходили с женой в примыкающие к ним елово-лихтовые леса за грибами и ягодами, не раз и не два пивали их студеною, чистую до синевы, непередаваемо вкусную воду.

Однажды июньским утром отправились мы за грибами. Хлеба в тот год стояли невысокими, редкими. Был конец июня, а они едва-едва начинали колоситься. Сев весной был произведен как попало, пьяными севаками, поэтому среди поля тут и там видны были большие проплешины.

На одной еще издали мы заметили белое кипенное облако. Это оказались доселе не виданные нами растения почти метровой высоты, стоящие тесной кучкой. Кипа пышных цветов, похожая на огромную белую шапку туркмена, вблизи приобрела розоватый оттенок, а при подробном рассмотрении на каждом цветке нашли коричневое окаймление. Цветы пахли гречишным медом — ох, как давно мы его не пробовали, а запах все равно помнится! Прямые голые короткоцветистые стебли были усажены очередными, ланцетными, на концах острыми листьями с буроватыми расплывчато-неясными пятнами.

«Какие чудные цветы! Не перенести ли их в палисадник?»

И на жару, среди открытого поля, перочинным ножом стали выкапывать куртинку растений, стараясь оформить ком земли как möglich большего размера. И кричал я под тяжестью этого кома почти два километра.

Высаженный в тень, обильно политый, чудесный цветок к вечеру чуть приувял, но за ночь отдохнул и рассвет встретил с бодрой поднятой головой. Цвел он, радуя нас, довольно долго, но надо же было узнать, что это за растение.

Ответ нашли в книге «Сорные растения — враги урожая» (Свердловск, 1987). Это оказался горец альпийский из семейства гречишных. Злостный сорняк, размножающийся семенами, такими же трехгранными орешками, как и зерна гречихи, а в северных районах из-за большой влажности и низких температур — вегетативно. Прочитал и горько усмехнулся: господа, кого пригрел, кому обрадовался — злостному сорняку! И о лекарственных свойствах этого горца в определителе ничего не сказано.

И все же, несмотря на то, что растение оказалось сорняком, раскаянья в своем поступке я как-то особо не ощущал: видно, красота покоряет человеческое сердце в любом ее виде. Любуется же мир и другими сорняками: вьюнком полевым (березкой), синими звездочками цветов цикория (петровыми батогами), дремой белой...

КНЯЖИК СИБИРСКИЙ

В уральских лесах мало лиано-подобных растений — я знаю, пожалуй, один хмель, да еще вьюнок (березку) и повилыку. И вот однажды летом в кустарнике на южном краю Бугра встретилось мне чудное растение: между двух высоких трухлявых березовых пней поднялась молодая березка, а на ней на высоте моего роста ожерельем висела тонкая лиана с красивейшими белыми цветками.

Придя домой, стал листать определители. Ага, вот он — княжик сибирский! Наверное, зря травам князь. Ведь слово-то зря не молвится.

Потом я еще несколько раз встречал это растение в кустарниках, елово-лихтовых лесах Шалинского района Свердловской области, в малинниках. Встречал в июньскую пору, когда его красивые одиночные пазушные цветы гроздьями свисали на длинных тонких цветоножках и в густой тени кустарников казались особенно ярко-белыми. Встречал и ранней осенью, когда его плодиками с длинными перисто-волосистыми столбиками, похожими на зорьки белых птичьих перьев с коротко остриженными опахалами, были изредка увешаны кусты дикой жимолости и куртинки отплодоносившей малины.

Попытался узнать о лекарственном значении княжика сибирского, но из всех прочитанных книг лишь в одной, определителе Б. А. Вакара, говорилось, что при испытании препаратов из цветущих частей растения было отмечено возбуждение сердечной деятельности, как в результате действия кофеина. Хотел испытать, как обычно, на себе, но, честное слово, рука не поднялась сорвать ни одну лиану. Долгий опыт научил, что отдельное растение, отдельная трава почти никогда не бывает лекарством. Любую болезнь и травознани, и научная медицина лечат комплексом трав, именуемым сбором. Травы сильны именно действием в комплексе, а в какие сборы входит княжик сибирский — пока никому неизвестно. А пока — берегите и охраняйте милое растение от жадных невежественных рук, попытайтесь дать ему место в укромном тенистом уголке вашего сада — семян княжик сибирский дает достаточно, найти их легко.

ДОНКИХОТЫ

Еще от бабушек знаю — не вылечить человека, если к сбору целебных трав не добавить частичку души и море доброты. А бабушки мои, — и Татьяна Михайловна, и Крестина Егоровна, — обе владели искусством заговора, вылечивали такие болезни, какие вылечить было не под силу врачам, и обе были найдобрейшими людьми из всех, кого я знал. И, как

мне теперь кажется, лучше всех умели рассказывать сказки и петь колыбельные песни: ведь это — своеобразный, безотказно действующий, веками отшлифованный и выверенный заговор от бессонницы, особенно детской.

Я — примитивный материалист, ни в бога, ни в черта, ни в экстрасенсов не верю. Несколько лет изучал философию, люблю физику, окончил технический вуз, знаю, что нельзя сделать доброту материальной силой, лечашей недуги. Знаю, но...

Великий физик Альберт Эйнштейн верил, что за вещами должно быть еще что-то глубоко скрытое, а писатель Л. М. Леонов говорил, что мы до сих пор открываем в человеческом теле железки, о значении которых не ведаем. Да и химический состав растений еще до сих пор недостаточно изучен. Не найдено, например, то химическое соединение, которое содержится лишь в володушке золотистой: от приема настоя этой травы, а это доказано тысячелетним народным опытом, уменьшается боль утраты, тоска по умершим близким и родным. Психотропное лекарство из растительного мира, как сказали бы ныне врачи на своем профессиональном языке. Подобным же свойством обладает и змееголовник тимьяноцветковый.

Знаменитый доктор Норман Казинс говорит, что нет реальной границы между физическим и психическим состоянием. Болезнь — это всегда взаимодействие, взаимопроникновение телесного и психического. Не зря же в наше время врачи, например, диатез у ребенка начинают лечить с психотерапевтического лечения матери, внушением ей доброты, покоя и ласки. Ведь материнская грудь для ребенка не только сосуд для молока, но и источник покоя и той доброты, что излечивает любую болезнь.

Нет настоящего травника без чистых стиранных-перестиранных мешочков под травы, мытой-перемытой посуды под настои и мази, светлого и ухоженного жилища, как нет его без большой, чистой и щедрой на доброту души. К тому же, траволечение — всегда творчество, поэтому им может заниматься только человек, привыкший к глубоким поискам, знающий цену ошибкам и находкам. И лишь такой человек, что умеет смотреть на травы, людей и весь мир добрыми глазами.

Если бы Дон-Кихот взялся лечить людей, он стал бы, наверняка, великим лекарем!

Озеро Джека Лондона

Наверно, не найдется среди моих соотечественников ни одного человека, который остался бы равнодушен, услышав такое название: озеро Джека Лондона. Это на крайнем северо-востоке нашей страны, в краю суровом, называемом Колыма, Колыма — значит... да что говорить, все знают, что означало это еще совсем недавно.

— А что, Джек Лондон был здесь? — поинтересовался я, когда оказался в поселке Ягодное Магаданской области. Ответ последовал не сразу.

— Да нет, вроде, не бывал. Нам про то, во всяком случае, не известно, — говорил коренной житель Ягодного.

— Откуда же взялось такое название?

Пожал плечами:

— Есть байки... легенды.

Беседуем в Магадане. Марина Юрьевна Нейман, гидробиолог, три сезона проработала на озере Джека Лондона.

— Существует версия. В конце двадцатых, начале тридцатых там работали геологи, плавали по озеру на плоту и утопили томик Джека Лондона... Когда-то оно называлось Студеное. От Ягодного до озера шестьдесят километров (если ехать на машине). Есть подходы ближе, но только пешком. Одно из самых красивых озер...

Дальше она говорила языком гидробиолога:

— Озеро находится на высоте 803 метра над уровнем моря, глубина до 50 метров, считается одним из самых глубоких в этих местах. Вода буровато-зеленоватая, но чистая, прозрачность 9-10 метров. В современном виде образовалось в последнее оледенение, подпружено моренной десятки тысяч лет назад. Длина 12 километров, ширина до трех. Лиственничная тайга поднимается метров на 900, до 1000 и даже до 1200 метров. А вверху горная тундра. Но вечных снегов нет, только в отдельные годы сохраняется «шапка». В озеро впадают три ручья (километров 17-20 каждый): Неведомый, Студеный (действительно Студеный) и Пурга, и несколько мелких безымянных. Погода переменчивая. Зима начинается раньше недели на две. Климатически сто метров в высоту соответствует ста километрам на север (или одному градусу). Внизу идет дождь, а вверху снег. Но загорать можно, как на южном курорте. Песчаные пляжи. Туристы бывают редко. За три года встретила одну группу из Уфы. Но со стороны Ягодного берег захламлен.

Потом принялась вспоминать. Жил там с ней целое лето пудель Тимофей. Прогнал однажды медведя, потом еще двух молодых косялапых. Так же агрессивно обляял бочку с бензином — незнакомый, посторонний предмет! Стоило ей сесть в лодку и не взять Тимофея, — он пускался за ней вплавать, хотя воду не любил. Строго соблюдал иерархию: она — главный начальник, если что нашел — сразу несет ей, положил у ног, вручил — успокоился.

Муж Марины, Михаил Борисович Скопец, тоже природовед и исследователь, работал в другом районе.

Итак, утопили томик Лондона, отсюда и пошло... Немножко легковесно, хотя, конечно, чего не бывает. Впрочем, предпримем свое расследование.

Быть на Колыме и не повидать озеро Джека Лондона — непростительно и свидетельствует об ограниченности ва-

ших интересов. Такую красоту удается увидеть не часто, разве что на Камчатке. Не случайно фотографии озера, снятые в самых разнообразных ракурсах, можно увидеть здесь чуть ли не в каждом доме.

Если вам не доводилось ездить от Магадана до Ягодного, очень рекомендую. Увидите близко всю природу Приколывья и саму «золотую» Колыму. Река вся ископанана-перекопанана, говорят, уже не по одному разу, едешь с каким-то чувством отрешенности, как будто ты совсем на другой планете, пережившей гигантские катаклизмы. Неужели все это наделали человеческие руки?! И как отрада для души и сердца возникают из-за поворота уютно расположенные поселки. И при свете яркого полуденного солнца, заливающего щедро всю округу, даже забываешь, что это — Север.

Озеро — в труднодоступном месте бассейна Колымы. После Ягодного, районного центра на берегу Лебина, притока Колымы, от развилки еще 48 километров. Переправились через приток Пламенный, долго двигались вдоль речки Правая Сухаха, пересекли приток Коридорный (ручьев тут не счесть, питают их многочисленные снежники массива Большой Анначаг). Дорога по камням постепенно вверх, вверх, вот-вот вытрясет душу. Последние километры лучше пешком, машине не пройти. Не так давно здесь вообще не было никакой дороги, добирались либо по заброшенному зимнику, либо по кромке безымянного ледника, напрямиком по наледи, с риском сломать или вывихнуть ногу. Хотя ртутный столбик в летнюю пору поднимается до тридцати градусов и больше, набравшая за зиму толщину в несколько метров наледь растаять не успевает. По бокам, на склонах распадков редкие перелески с характерным для здешнего древостоя желто-белым отливом (конец августа уже скazujeается). Тон задает лиственница. Даурская лиственница — более холодостойкая, ее встречаешь здесь везде.

Пейзаж будто расписан волшебной кистью чудодейного художника. Сопки цветут. Ягод много. Красная — брусника, оранжевая — морошка... голубика... Плывут низко-низко облака, вот-вот зацепятся за выступы скал да так и останутся тут навсегда. Невысокий перевал, мы в Урочище Верхних Озер (есть еще Урочище Нижних Озер)... Еще несколько шагов, и мы у цели. Открывается панорама озера Джека Лондона.

— Озеро — будто в специально сделанной для него искусственной чаше: эта гигантская чаша имеет ледниковое происхождение. В отдалении, четко рисуясь на фоне ярко-голубого неба, высится пик Абориген. Маленький «колымский Байкал» принимает в себя много речек и ручьев, а дает жизнь только одной реке — Кюзль-Сиен. Озеро и его окрестности — настоящий оазис на Крайнем Севере.

И вообще весь этот обширный (площадью около десяти тысяч квадратных километров) район может быть причислен к категории действительно уникальных. Каскад горных озер в 60-70 километрах от поселка Ягодное образует своеобразную живую цепочку. Самое западное называется Пурга, вероятно, потому, что оттуда часто приходят сильные ветры, а туда, как говорят старожилы, ни зверь не

бежит, ни птица не летит. К востоку расположены два самых красивых озера — Джека Лондона и Танцующих Хариусов. Цепочка через рукав в пологом восточном берегу озера Джека Лондона соединяется с озером Танцующих Хариусов, а оно, в свою очередь, с озером Серой Чайки...

«Система, романтически названная Страной Озер, Любви и Мужества, — писал краевед и журналист В. Казакул (привожу описание как одно из наиболее точных и ярких), — начинается озером Пурга в скалистых угольно-черных горах... Свои базальтовые, антрацитово-блестящие пики они взметнули на высоту двух тысяч метров, полукругом обхватив ими с востока Пургу, словно хищной челюстью. Один клык в челюсти выбит, и там образовался водопад, который глухо, но мощно низвергается вниз, образуя в свою очередь озеро Джека Лондона.

Но вот что примечательно: ниже озеро бурлит и серо пенится только там, где принимает воды с гор. Вся остальная площадь его совершенно гладкая, и цвет воды в ясный день аквамариновый. Поездив немало по миру, я видел подобную шелковую синь разве что в Эгейском море... В центре озера Джека Лондона как будто поставлен на якорь небольшой островок. Он кажется плавучим от того, что его лиственный наряд, отражаясь в зеркальной воде, создает иллюзию полуутонувшего перевернутого букета. Один из углов пологого восточного берега рассечен узкой протокой — там озеро Джека Лондона сливается с озером Танцующих Хариусов, похожим своими очертаниями на кривое лезвие турецкого ятагана. Острие необыкновенной сабли держит в клюве птица озера Серой Чайки...»

А дальше к востоку идут: Места, Разлука, Невидимка, Надежда, Испытание, Верность... Не ошибусь, если скажу, что «крестил» их человек очарованной души! Но к такому, пожалуй, не отнесешь тех, кто задумывал построить здесь гидростанцию на сливе вод. Посчитали, почесали в затылке и признали невыгодным. И хорошо, что признали. Испортить красоту легко, а чтоб создать ее, требуются иной раз миллионы лет. Как напоминание об этом несостоявшемся (и несостоятельном) замысле осталась протока Ваянатов.

Откуда взялось название — озеро Танцующих Хариусов, ясно без особых розысканий. В озере давно поселились хариусы, красивые грациозные рыбки. Они все лето кормятся насекомыми, выскакивая из воды за добычей. Волшебная картина: искрится золотом под лучами солнца водная гладь, а из нее там и тут взлетают, посверкивая, стайки рыб... Танцующие Хариусы! Их много, косяки, стада, они водят в прозрачной голубой глубине настоящие хороводы. Кажется, опусти руку в воду и ухватишь за хвост целый десяток...

Обжили хариусы и озеро Джека Лондона, но здесь они имеют свои отличия. Зимой нормальный хариус перемещается на бентос, а здешний — на планктон, в желудке рыбы можно обнаружить красную кашлицу, местные жители считают это болезнью.

Кстати, на озере Эльгыгытгын (с чукотского «Озеро негашущего льда» — это уже далеко в Заполярье, на Чукотке) нашли три вида хариусов, из них два совершенно новых. Один пелагический, живущий в толще воды, мелкий планктофаг, а второй придонный, нечто среднее между голецом и хариусом, видимо, форма, близкая к их предку.

Озеро образовалось три с половиной миллиона лет назад в результате падения метеорита. Гигантский взрыв проделал в толще земли глубокий кратер, со временем получилась огромная заполненная водой воронка, покрытая льдом. Лед на поверхности не тает, и тем не менее, глубины полны жизни. Вопреки законам физики, теплая вода лежит ниже холодной. Крупный хариус, набив желудок глубоководным голецом, переваривать уходит в устья речек, летом там теплее, градусов шесть...

Однако вернемся к озеру Джека Лондона. Здесь самое короткое лето, и до середины июня озеро наглухо закрыто льдом, безмолвствует, но зато потом предстает во всей изначальной красе. Охотники до всего необычайного утвер-

ждают, что им приходилось наблюдать, как на рассвете появилось сразу два небесных светила, а находились и такие очевидцы — видели три. Все это срабатывает как магнит. Неведомое и таинственное влечет так же, как и красота*.

На озере взгляд сразу задерживается на кусочке суши посреди сверкающей водной глади. Это небольшой островок Ветроудевский. Там расположена станция Института биологических проблем Севера, старейшая на Колыме метеостанция, постоянно ведутся наблюдения, несмотря на свирепые морозы с ветром, доходящие до минус шестидесяти градусов по Цельсию.

На острове свой микроклимат, а его исключительное положение не могло не привлечь внимание аборигенов, древних поселенцев края. В 1984 году там нашли стрелы с наконечниками из вулканического стекла. Находили в окрестностях озера и неолитические стоянки древнего человека, но, по заключению специалистов-археологов, неолит тут не очень древний.

Места фантастические. Неподдалеку бежит ручей Олень, и если внимательно прислушаться к его бормотанию, то, в зависимости от настроения, можно услышать либо плач, либо смех, либо пение, бормотание...

Воображение рисует ритуальные сцены: шаманы с бубнами, смуглолицые полуголые люди в звериных шкурах исполняют священный танец и приносят жертву — дань языческим божествам...

В газетах сообщалось: оживление через века... Золотодобытчики Колымы, пробивавшие шахту в вечномёрзлых породах, на глубине одиннадцати метров обнаружили оледеневшего сибирского углозуба (семейство хвостатых земноводных). Животное было замороженным, что называется, насквозь и твердым, как камень. Но когда его положили в таз с холодной водой... углозуб ожил! Воскрешшего передал ученым Магаданского института биологических проблем Севера Академии наук СССР и там методом радиоуглеродного анализа установили, что он пробыл в состоянии анабиоза 90 лет! Значит, правду пишут фантасты: можно уснуть, уйти в небытие и через сотни, тысячи лет вернуться снова в реальную действительность — волшебство!

В древние времена озеро имело свое название, но оно затерялось в веках и его не оживить, как углозуба. Откуда же пошло это современное — Джека Лондона?

Как пишут геолог Б. Г. Щербинин и историк В. В. Леонтьев в своей книге о происхождении названий на карте Магаданской области («Там, где геологи прошли»), уже в первые годы поисков и освоения ископаемых богатств Колымы геологов увлекли произведения Джека Лондона, писавшего много о Севере и «белом безмолвии», о мужественных негсибаемых людях — золотоискателях, охотниках, разведчиках недр. Все так похоже. Природа севера Америки, Аляска, Клондайк схожи с природой нашего северо-востока. Общего много. И разделяет их узкий Берингов пролив. В 1932 году здесь работала партия опытного геолога Петра Ивановича Скорнякова, поклонника таланта Д. Лондона. Джеком Лондоном увлекался широко известный в этих местах Юрий Александрович Билибин, ему этот край обязан многими открытыми месторождениями. Еще в холодную и голодную зиму 1929 года, сидя в ожидании транспорта, он читал северные рассказы Лондона своим товарищам, стараясь отвлечь их от тягостных дум, поднять настроение. «Мужественный писатель, — говорил он. — Надо на Колыме что-нибудь назвать его именем», — свидетельствует в своем дневнике его спутник и помощник С. Д. Раковский. Эта запись была введена Скорнякову. А подтолкнуло его выполнить желание своего старшего коллеги и друга то, что известно нам по рассказу

* «Магаданская правда» писала, что в горах сохранился питекантроп-гоминид типа «снежного человека», мигрирующий по северо-востоку, вплоть до Чукотки. Его-де видели многие, в том числе оленеводы совхоза «Россохинский»...

М. Ю. Нейман: упавшая с плота книга. Вот тогда и появилось озеро Джека Лондона...

А теперь о современном состоянии озера, о том, что приключилось с ним в недавнюю пору. И его настигла беда. Не спасли высокие горы, свирепые вьюги-метели, морозы...

У нас ведь вообще какой-то неуёмный азарт к истреблению. Вместо того, чтоб сберечь, сохранить, сделать заповедным, начинаем обживать, возводить постройки нужные и ненужные, нахваливать и зазывать... Ну, и пошла писать губерния. Скоро от красоты остаются одни воспоминания.

На озере Танцюющих Хариусов в тени деревьев приютилась избушка-временка. На двери надпись: «Товарищи! Здесь оставлено имущество детского туристического лагеря. Просим ничего не брать и не портить. Райком профсоюза, п. Ягодное. Лапшин».

Под дырявой крышей два вороха ватных матрацев... Ясно, почему тов. Лапшин оставил такую записку: матрацы-то за ним числятся. А за кем числится озеро Танцюющих Хариусов?

Летом 1968 года на озере Танцюющих Хариусов находился детский туристический лагерь. Ели ребятню комары... Надо принимать меры. Стали поливать вокруг антикомарином, берег озера посыпали хлорной известью. В воду бросали камни, палки, это — ребята. А взрослые спускали всякие нечистоты, банки, золу... Рыба пропала. Не стало танцюющих хариусов. Все оказалось отравлено, смертоносно для живого. Та же участь ждала и озеро Джека Лондона.

В середине 70-х годов озеро Джека Лондона засыпали дустом, гербицидами; да еще устроили склад в сарайчике, пошел дождь, и дуст потек в озеро, отравляя воду. Он попал в соседние небольшие озерца, и теперь попадают хариусы с уродствами — укороченным позвоночником, горбатые. Характерная деформация при отравлении ДДТ.

Какой умник додумался до этой акции? Хариуса не стало. Прошло более двадцати лет, до сих пор не восстановились озера Танцюющих Хариусов и Джека Лондона. Теперь туда и ребят не возят — вода отравленная. Зато комары как кусали, так кусают и сейчас. На них вся надежда: может, насекомые — живая пища — помогут восстановиться рыбьему стаду. Хариусов было очень много. Сейчас очень много рыбаков. Введена весовая норма ловли, да что толку — ловится больше молодежи. В Ягодном жили энтузиасты охраны озера Джека Лондона — егерь, председатель охотобщества и другие. Ныне все разъехались, вероятно, разочаровавшись. И браконьеры хозяйничают безнаказанно; достать их можно только с помощью вертолета.

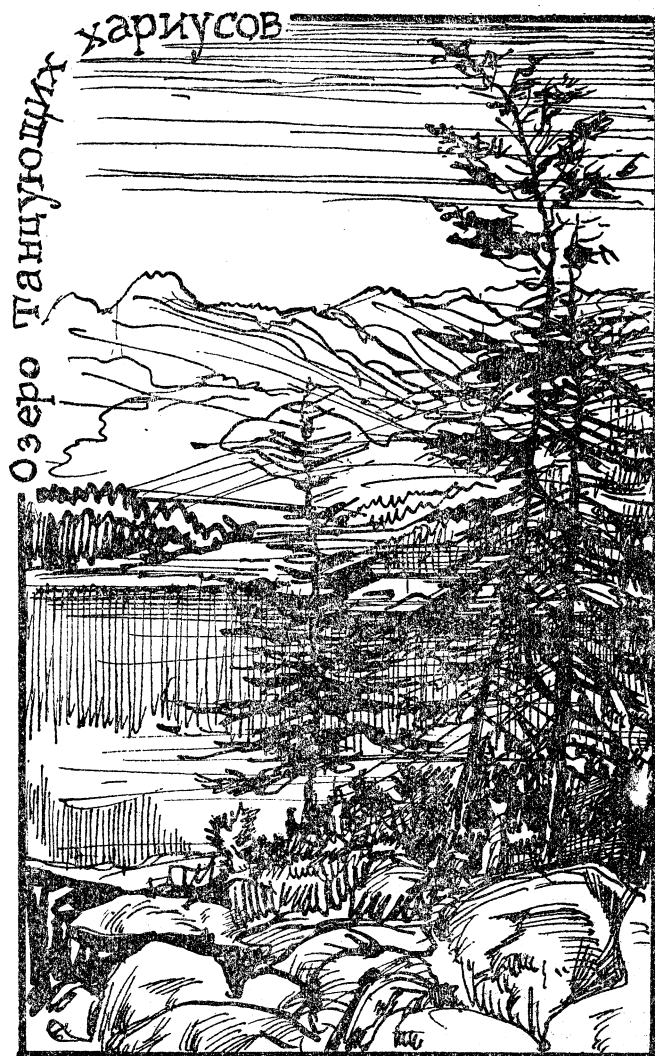
Сейчас озеру грозит еще одна опасность. Рядом Колыма, недавно возведенная ГЭС. Колымское водохранилище, когда его поднимут до проектной отметки, окажется близко к озеру. Как бы из этого не получилось беды.

В последние годы заметно прибавилось птиц (а то ведь исчезли и они), перестали сыпать дуст, закрыли дорогу химики. Сейчас, нам сказали, применять ядохимикаты запрещено на территории всей Магаданской области. Но что сделано, то сделано, и приходится ждать, когда озера Джека Лондона и Танцюющих Хариусов вновь обретут утерянную красоту. Будем надеяться — обретут, чтоб радовать нас и впредь.

Пора подумать о заповеднике. Проблема уже вышла на страницы печати. Представитель цеха науки пишет в «Магаданской правде»: «Считаю, что горный район озера Джека Лондона надо сделать действительно заповедным. Ведь здесь находится уникальная «Долина замков» — ее скальные останцы удивительно напоминают башни и бастионы, «Аборигенова пила» — скальный хребет между двумя вершинами, и многое другое... Пройдя туристский либо альпинистский маршрут, человек должен оставить след единственно в своей памяти, на кино- и фотопленках. Да, именно так. Чтоб снова и снова человек мог пережить:

...А ночи не было. Был только сумрак синий.
Да на вершинах чуть заметный иней,
Да озера незлыблемая гладь.
Но вот заря зарделась недалече,
И озеро рванулось ей навстречу,
И пережат запел на ста наречьях,
И хариусы вышли танцевать...

...Вот и закончилось наше путешествие, а тянет еще.
«Отличное занятие — ходить по земле», — говорит Р. Седов. Так он и назвал свою книгу о походах в дальние края. Согласимся с ним. Отличное занятие — ходить по земле...

ТРАГЕДИЯ В МАСДОН МЕЙНОР

Агата КРИСТИ

Рис. Николая Мооса

Я несколько дней был в отъезде. А когда вернулся, застал Пуаро за укладкой маленького чемоданчика.

— Добрый день, Гастингс! Я уже боялся, что уеду без вас.

— Значит, вас пригласили расследовать новое дело?

— Да, хотя мне кажется, оно вряд ли будет интересным. Страховое общество «Северный союз» попросило меня прояснить обстоятельства смерти мистера Мальтраверса. За несколько недель до этого он застраховал жизнь на пятьдесят тысяч фунтов.

— Вот как? — удивился я.

— Разумеется, договор содержит стандартную оговорку по поводу самоубийства. Вы же знаете, что в случае самоубийства страховка не выплачивается. Мистер Мальтраверс был обследован доверенным врачом страхового общества, и, хотя он был в годах, врач счел его полностью здоровым. Однако в среду — то есть позавчера — труп мистера Мальтраверса был найден в его имени Мас-

дон Мейнор в Эссексе. Причиной смерти объявлено внутреннее кровотечение. В этом не было ничего необычного, если бы о финансовом положении мистера Мальтраверса не бродили темные слухи. «Северный союз» установил, что покойный был на грани разорения. Это меняет дело. У Мальтраверса красивая, молодая жена, и предполагают, что он собрал по крохам все наличные деньги, чтобы уплатить за страховку в ее пользу, а затем покончил жизнь самоубийством. Такое случается. Мой друг Альфред Врингт, один из директоров «Северного союза», попросил меня проверить обстоятельства смерти мистера Мальтраверса. Я его предупредил, что ничего не обещаю. Если бы в свидетельстве о смерти было написано «инфаркт», я был бы настроен более оптимистично. При инфаркте можно предположить, что врач ошибся. Но внутреннее кровотечение устанавливается однозначно. И все же нам стоит исследовать некоторые моменты. У вас есть пять минут на сборы, Гастингс.

Примерно через час мы вышли на небольшой станции Масдон Лей. На вокзале выяснилось, что до Масдон Мейнор около мили пути. Пуаро не захотел брать такси, и мы двинулись пешком.

— Каков план боевых действий? — спросил я.

— Вначале я хочу разыскать доктора. В Масдон Лей только один врач — Ральф Бернард. О, кажется, мы уже пришли.

Усадьба располагалась в глубине сада, несколько в стороне от улицы. Латунная табличка подтверждала, что мы у цели. Мы позвонили.

На наше счастье, хотя у доктора Бернарда как раз были часы приема, пациентов не оказалось. Сам врач, уже пожилой человек, выглядел несколько надменным, но вызвал симпатию. Пуаро представился и сообщил о цели визита: он объяснил, что страховое общество вынуждено проводить перепроверку таких случаев.

— Конечно, конечно! — сказал доктор Бернард. — Я полагаю, что Мальтраверс был состоятельным человеком и застрахован на большую сумму?

— Вы считаете, что он был очень богат?

Врач недоуменно посмотрел на нас:

— А разве нет? У него было две автомашины, да и Масдон Мейнор — большое имение, оно требовало немалых расходов.

— Я слышал, у него в последнее время были большие убытки, — сказал Пуаро и внимательно посмотрел на врача. Тот задумчиво покачал головой:

— Вот как? Тогда счастье для его жены, что есть эта страховка. Она очень красивая и обаятельная молодая женщина! Эта история на нее сильно подействовала. Она все еще сплошной комок нервов, бедняжка. Я попытался помочь ей, чем мог, но все же полностью снять шок не удалось.

— Вы лечили мистера Мальтраверса?

— Нет, он никогда не был моим пациентом.

— Что? Но труп-то осматривали вы?

— Да.

— И причина смерти не вызвала у вас сомнений?

— На его губах была кровь. Это, без сомнения, внутреннее кровотечение, вызванное язвой желудка.

— Вы осматривали мистера Мальтраверса там, где его нашли?

— Да, труп не трогали. Он лежал на опушке небольшой рожицы. Вероятно, мистер Мальтраверс захотел пострелять ворон — рядом с ним нашли мелкокалиберное ружье.

— А может, его застрелили?

— Да что вы, дорогой мистер Пуаро!

— Прошу прощения, — сказал Пуаро скромно. — Но недавно в одном деле об убийстве врач сначала назвал причиной смерти сердечный приступ, и лишь когда полицейский указал ему огнестрельную рану, он изменил заключение о смерти.

— Вы не найдете на теле мистера Мальтраверса никаких огнестрельных ран, — сказал доктор Бернард сухо. — Угодно вам что-нибудь еще, господа?

Мы поняли намек.

— Большое спасибо, доктор, что вы так любезно ответили на наши вопросы. Впрочем... вскрытие вы посчитали излишним?

— Совершенно излишним! — Врач оживился. — Причина смерти вполне ясна, а в моей профессии принято избегать всего, что может без нужды волновать родственников покойного.

В Масдон Мейнор нас встретила горничная средних лет. Пуаро дал ей свою визитную карточку и письмо от страхового общества для миссис Мальтраверс. Горничная провела нас в небольшую столовую и пошла известить хозяйку дома. Минут через десять в дверях появилась стройная женщина в траурном платье.

— Мистер Пуаро? — спросила она тихо.

— Мадам! — Пуаро галантно вскочил со стула и скло-

нился в вежливом поклоне. — Я не могу выразить, насколько я сожалею, что вынужден досаждать вам. Но вы понимаете, что никак нельзя избежать некоторых формальностей.

Глаза миссис Мальтраверс сильно покраснели от слез, но это не могло скрыть ее необыкновенной красоты. Ей было примерно двадцать семь или двадцать восемь лет.

— Речь пойдет о старховке моего мужа, не так ли? Неужели мне прямо сейчас надо его заниматься — всего лишь через два дня после его смерти?

— Надеюсь, вы простите нас, милостивая государыня! Дело в том, что ваш муж застраховал свою жизнь на довольно большую сумму, а в таких случаях страховое общество должно как можно скорее разобраться во всех деталях. Поверьте, я буду предельно деликатен и постараюсь выяснить только необходимые детали. Не могли бы вы мне вкратце рассказать о печальных событиях?

— Я переодевалась к чаю, когда ко мне поднялась служанка — один из садовников прибежал в дом... Он нашел его...

Ее голос становился все тише. Пуаро сочувственно пожал ее руку.

— Принимаю. Ну хорошо, вы видели своего мужа во второй половине дня?

— После ленча — не видела. Я ходила в деревню, чтобы купить почтовые марки, и думала, что он в саду.

— Он часто стрелял ворон?

— Да, он обычно брал с собой мелкокалиберное ружье. В тот раз я слышала издали один или два выстрела.

— Где сейчас это ружье?

— В холле, наверное.

Она пошла с ним в холл, и Пуаро тщательно осмотрел оружие.

— Двух патронов в магазине нет, — заметил он, ставя ружье на место. — Сейчас, мадам, если можно, мне хотелось бы осмотреть... — он сделал тактичную паузу.

— Служанка ответит вас, — отвернувшись, пробормотала миссис Мальтраверс.

Вызванная горничная повела Пуаро по лестнице.

Оставшись наедине с такой прекрасной и такой несчастной женщиной, я мучился, решая, стоит ли заводить разговор или оставить ее в покое, и, наконец, произнес пару общих фраз, но миссис Мальтраверс ответила очень рассеянно. Несколько минут спустя к нам вернулся Пуаро.

— Благодарю вас, мадам, за уделенное нам внимание. Не думаю, что потребуются еще беспокоить вас. Впрочем, вы были в курсе финансового положения вашего покойного супруга?

Она покачала головой:

— Ни в малейшей степени. Я совсем не разбираюсь в финансовых делах.

— Понимаю. Значит, вы не можете нам сказать и о том, почему ваш супруг столь внезапно решил застраховать свою жизнь? Он ведь, насколько я знаю, раньше никогда об этом не думал.

— Нет, смогу. Мы, правда, были женаты чуть более года, но я знаю, почему он решил застраховаться. Муж был убежден, что не проживет долго. Он предчувствовал свою скорую смерть. Я узнала, что у него уже однажды было кровотечение, и он понимал, что рецидив очень опасен. Я как могла пыталась развеять его мрачные настроения и страхи, но — безуспешно. К несчастью, он оказался прав. — Со слезами на глазах она попрощалась с нами.

Когда мы спустились ко входу, Пуаро сказал:

— Да, вот каковы дела! Назад, в Лондон, друг мой. Кажется, тут пустой номер. И все-таки...

— Что?

— Легкое противоречие — всего лишь! Вы заметили его? Нет? Да, жизнь полна противоречий, и человек, конечно же, не сам выбирает себе жизнь. Но нет такого яда, от которого рот бы наполнялся кровью. Нет, нет, я должен покориться судьбе и думать, что здесь все ясно и нет ни малейшего сомнения, но... Кто это?

Высокий молодой человек шагал нам навстречу. Он прошел мимо, не обратив на нас внимания. У него было

волевое, сильно загоревшее, обаятельное лицо — загар явно тропический. Садовник, который сгребал листья, проводил незнакомца взглядом. Пуаро быстро подошел к нему:

— Скажите, пожалуйста, кто этот господин? Вы его знаете?

— Не припомню его имени, сэр, хотя я его слышал. Он на этой неделе ночевал здесь. Во вторник.

— Быстрее, друг мой, за ним, — сказал Пуаро.

Мы вновь поспешили вверх по въезду, за удаляющейся фигурой. Силуэт дамы, одетой в черное, был хорошо виден на террасе дома, и незнакомец свернул с дорожки. Мы последовали за ним и стали свидетелями встречи.

Увидев молодого человека, миссис Мальтраверс еле удержалась на ногах, ее лицо сильно побледнело.

— Вы... — выдохнула она. — Я думала, что вы уже в море — по дороге в Восточную Африку?

— Я получил известие от моего поверенного, которое задержало меня, — объяснил молодой человек. — Мой дядя в Шотландии неожиданно умер и оставил мне кое-какие деньги. При таких обстоятельствах я счел за лучшее отложить свое путешествие. А потом прочитал печальную весть в газете и приехал, чтобы узнать, не смогу ли я чем-нибудь вам помочь. Ведь нужен кто-то, чтобы позаботиться о ваших делах.

В этот момент оба заметили наше присутствие. Пуаро, рассыпаясь в извинениях, объяснил, что он оставил в холле свою трость. С заметным недовольством миссис Мальтраверс представила нас:

— Мсье Пуаро, мистер Гастингс, капитан Блэйк.

Мы перекинулись несколькими фразами, и Пуаро выяснил, что капитан Блэйк живет в гостинице «У якоря». Так как забытая трость не нашлась (что, впрочем, было не удивительно), Пуаро принес еще тысячу извинений, прежде чем мы окончательно не удалились.

Вернувшись в деревню, Пуаро напрямик направился к гостинице «У якоря».

— Мы подождем здесь, пока не вернется наш друг капитан Блэйк, — заявил он. — Вы обратили внимание, я специально сказал, что все это — пустой номер и мы следующим поездом возвращаемся в Лондон? И, надеюсь, не подумали, что это я всерьез? Заметили выражение лица миссис Мальтраверс, когда она увидела юного Блэйка? Она была явно потрясена. Ночью во вторник — за день до смерти мистера Мальтраверса — он был тут. Мы должны выяснить, что капитан Блэйк делал здесь, Гастингс.

Примерно через полчаса из окна мы заметили Блэйка, который приближался к гостинице. Пуаро вышел навстречу, заговорил с Блэйком и провел его наверх, в комнату, снятую нами.

— Я объяснил капитану Блэйку, что нас привело сюда, — сказал он мне. Затем, обращаясь к молодому человеку, продолжил: — Вы поймете, мсье капитан, как для меня важно выяснить, в каком душевном состоянии мистер Мальтраверс находился непосредственно перед смертью. Я бы не хотел травмировать миссис Мальтраверс такими вопросами. Ну, а вы были здесь незадолго до этого печального события и, конечно, можете дать нам ценную информацию.

— Я к вашим услугам и готов сделать все, что в моих силах, но боюсь, что не сообщу вам ничего интересного. Видите ли, хотя Мальтраверс был старым другом нашей семьи, я не слишком хорошо знал его.

— Когда вы приехали сюда?

— Во вторник перед обедом. А рано утром в среду уехал в город, потому что мое судно должно было отправиться около двенадцати часов из Тильбери. Но известия, которые я получил, заставили меня изменить свои планы.

— Вы хотели вернуться в Восточную Африку, не так ли?

— Да. После войны я безвыездно жил там.

— Ну, а о чем вы говорили за обедом — во вторник вечером?

— О, я уже не припомню. Обычная болтовня. Мальтраверс расспрашивал меня о семье. Потом мы рассуж-

дали о политике, а после этого миссис Мальтраверс пожелала узнать о жизни в Восточной Африке, и я рассказал ей пару историй — вот, кажется, и все.

— Благодарю вас, — Пуаро помолчал, а затем осторожно сказал: — С вашего позволения, я проведу маленький эксперимент. Вы рассказали нам все, что смогли вспомнить — все, что, так сказать, находится в вашем сознании. А сейчас мне хотелось бы задать несколько вопросов вашему подсознанию.

— Что-то вроде сеанса психоанализа? — спросил Блэйк с некоторым беспокойством.

— О, нет! — поспешил успокоить его Пуаро. — Это очень простая вещь. Я буду говорить вам слово, а вы станете отвечать мне другим словом, и так далее. Вы будете называть первое слово, которое вам придет на ум. Начнем?

— Ну, ладно, — неохотно согласился Блэйк.

— Записывайте, пожалуйста, слова, Гастингс, — сказал Пуаро. Затем он достал из кармашка свои массивные часы в форме луковицы и положил рядом с собой на стол.

— Давайте начинать: день.

После секундной паузы Блэйк ответил.

— Ночь.

Затем его ответы на вопросы Пуаро стали быстрее.

— Имя, — сказал Пуаро.

— Фамилия.

— Бернارد.

— Шоу.

— Вторник.

— Обед.

— Путешествие.

— Судно.

— Страна.

— Уганда.

— Рассказ.

— Львы.

— Мелкокалиберка.

— Ферма.

— Выстрел.

— Самоубийство.

— Слон.

— Бивни.

— Деньги.

— Адвокат.

— Благодарю вас, капитан Блэйк. Вы не откажете в просьбе еще раз помочь нам примерно через полчаса.

— Охотно.

Молодой офицер посмотрел на него с любопытством и, вставая, вытер пот со лба. Когда дверь за Блэйком закрылась, Пуаро, улыбаясь, сказал:

— Ну, а сейчас, Гастингс, вы все наверняка поняли сами. Не так ли?

— Я не знаю, что вы имеете в виду.

— Разве вам ничего не сказал список слов?

Я в недоумении покачал головой.

— Я помогу вам. С самого начала Блэйк отвечал уверенно и без колебаний. Отсюда мы можем сделать вывод, что он не пытался скрыть свое чувство вины. «День» и «ночь», «имя» и «фамилия» — совершенно обычные ассоциации. Интересные начинаются со слова «Бернارد». Оно должно было напомнить ему здешнего врача, если бы он знал его. Но он явно не знал. Дальше он сказал в ответ на мой «вторник» — «обед», но на слова «путешествие» и «страна» ответил «судном» и «Угандой», что ясно показывает, как важна для него поездка, от которой пришлось отказаться. «Рассказ» напомнил ему историю про львов, которую он рассказывал за столом. Я продолжил «мелкокалиберка», а он совершенно неожиданно ответил «фермой». Когда я сказал «выстрел», он ответил — «самоубийство». Ассоциации, кажется, ясны. Какой-то человек покончил с собой на ферме при помощи мелкокалиберки. Он явно все еще вспоминает истории, которые рассказывал за столом. Теперь я снова пригласу капитана Блэйка и попрошу рассказать нам историю про самоубийство, которую он преподнес во вторник во время застолья. Мне кажется, что моя гипотеза недалеко от истины.

Блэйк был совершенно откровенен:

— Да, я за обедом рассказал такую историю, сейчас припоминаю. Один мужчина застрелился на ферме. Он выстрелил из мелкокалиберки в рот, пуля вошла в мозг и осталась там. Врачи были в полной растерянности — снаружи не было никаких признаков, только немного крови во рту. Но в чем, собственно...

— В чем тут связь с делом мистера Мальтраверса? Разве вы не знаете, что рядом с ним нашли мелкокалиберку?

— Вы думаете, что моя история навела его на эту мысль? Это ужасно!

— Не мучьте себя — это бы все равно произошло, так или иначе. Извините, мне надо срочно позвонить в Лондон.

Пуаро долго говорил по телефону и вернулся с отрешенным видом. После полудня он ушел куда-то. Лишь около семи вечера он пришел в гостиницу и объявил, что более не вправе откладывать момента, когда он сообщит молодой вдове новости. Миссис Мальтраверс между тем успела снискать мою неразделенную симпатию. Она не просто лишилась денег, но и всю жизнь будет мучиться, сознавая, что ее муж самоубийца. Это невыносимо для всякой женщины. Я надеялся, что юный Блэйк окажется в состоянии утешить ее, когда минует первый приступ горя. Было очевидно, что он боготворит ее.

Наша беседа была очень неприятна для молодой женщины. Она наотрез отказалась поверить в факты, которые ей сообщил Пуаро, а когда ей пришлось убедиться в его правоте, разразилась рыданиями. После обследования трупа наше подозрение подтвердилось. Пуаро нанес бедной женщине сильный удар, но он, в конце концов, работал по поручению страхового общества — что же ему оставалось делать? Прощаясь с миссис Мальтраверс, он сказал ей:

— Мадам, вы должны лучше чем кто-либо знать, что мертвые не успокаиваются навеки!

— Что вы хотите этим сказать? Что вы имеете в виду? — пролепетала она. Глаза ее округлились.

— Я повидал в жизни кое-какие странные вещи. Вы же знаете, в деревне ходят слухи, что в этом доме появляются привидения?

Она кивнула. В этот момент служанка сообщила, что стол накрыт.

— Вы не останетесь с нами, чтобы перекусить?

Мы с благодарностью приняли приглашение. Я надеялся, что наше присутствие немного отвлечет миссис Мальтраверс от печальных дум.

Мы ели суп, когда раздался вопль и звон разбитого стекла. Мы вскочили. Вошла служанка, держась рукой за сердце.

— Там человек — он стоит в коридоре.

Она перешла совсем на шепот.

— Я подумала... Мне показалось, что это был хозяин...

Какая-то паника охватила нас. Служанка была явно в ужасе, а когда трапеза завершилась, миссис Мальтраверс попросила Пуаро не уходить.

Мы сидели в маленькой столовой. Поднявшийся ветер завывал вокруг дома. Два раза медленно-медленно — сама собой — открывалась дверь, и каждый раз молодая женщина со стоном ужаса судорожно хватала мою руку.

— Ох, эта дверь, она как заколдованная! — сердито воскликнул Пуаро. Он встал и закрыл ее, повернул ключ в замке. — Все, я ее закрыл.

— Не надо было этого делать, — прошептала миссис Мальтраверс. — Если дверь опять откроется...

Она еще не закончила говорить, как произошло невозможное. Закрытая на замок дверь медленно, очень медленно отворилась. Я со своего места не мог видеть коридор, но она и Пуаро видели. Женщина взвизгнула:

— Вы видели его — там, в коридоре?!

Пуаро посмотрел на нее недоумевающим взором и покачал головой.

Вдруг, как по команде, светильники мигнули и погасли. Из темноты раздались три громких удара. Я услышал стон миссис Мальтраверс.

А потом — я увидел!

Мужчина, труп которого я еще недавно разглядывал, стоял перед нами. От него исходило слабое свечение. На губах была кровь, и он протягивал правую руку, указывая на нас пальцем. Свет, который он излучал, резко усилился, и появился луч, который скользнул по Пуаро, по мне — и остановился на миссис Мальтраверс. Я увидел белое, как снег, обьятое ужасом лицо и еще кое-что.

— Господи, Пуаро! — воскликнул я. — Посмотрите на ее правую руку. Она вся красная!

Ее взгляд тоже упал на руку, она почти без сознания опустилась на пол.

— Кровь! — закричала она. — Да, это кровь! Я его убила, я! Он показывал мне, как это можно сделать, а я положила палец на курок и нажала. Спасите меня от него... спасите! Он вернулся!

Она забилась в истерике.

— Свет! — сказал Пуаро сухо.

Светильники, как по мановению волшебной палочки, зажглись снова.

— Ну как, вы все хорошо слышали, Гастингс? А вы, мистер Эверетт? Да, кстати, это — мистер Эверетт, актер столичного театра. Я вызвал его сегодня после полудня. Его маска неплоха, не правда ли? Вылитый мистер Мальтраверс! А фонарик и флюоресцентные краски дают безупречный эффект. На вашем месте я бы не задевал правой руки дамы, Гантингс, красная краска плохо отстирывается. Когда погасли лампы, я взял ее за руку. Впрочем, мы должны успеть на поезд. Инспектор Джепп — там, на улице, за окном. Ужасная погода — но он, надо думать, немного развлекся, когда стучал в окна.

— Видите ли, — продолжал Пуаро, когда мы пробирались по грязи на станцию. — Тут было несколько противоречий. Почему к доктору мистер Мальтраверс не обращался, а его жена утверждает, что мужа все время мучило предчувствие смерти? Почему ее так потрясло возвращение юного Блэйка? И, наконец, — я знаю, конечно, что женщина, муж которой умер, должна носить траур, но должна ли она подкрашивать себе веки румянами? Вы этого не заметили, Гастингс? Нет? Я всегда говорил, что вы ничего не видите!

Существовало две возможности. Либо рассказ Блэйка навел мистера Мальтраверса на мысль покончить с собой, либо жена его, тоже слышавшая рассказ, задумала совершить утонченное убийство. Я склонился ко второй версии. Если бы мистер Мальтраверс захотел застрелиться таким образом, ему пришлось бы спускать курок большим пальцем ноги. Но тогда его ботинок был бы снят с ноги, и об этом бы непременно сказали свидетели — такое бросается в глаза.

Итак, повторю, меня больше привлекла гипотеза, что это было убийство, а не самоубийство. Но в то же время я сознавал, что у меня нет ни малейшего доказательства. И потому я устроил небольшое представление, на котором вы присутствовали сегодня.

— Даже сейчас не могу представить себе всех деталей преступления, — сказал я.

— Мой друг, начнем с самого начала. Живет на свете неглупая, даже хитрая женщина, которая выходит замуж ради денег, выбрав мужа гораздо старше себя. Она узнает о предстоящем финансовом крахе и наводит его на мысль заключить договор страхования жизни на очень большую сумму. Затем начинает искать путь, как избавиться от мужа. И находит — услышав историю, рассказанную молодым офицером. В среду, когда она полагает, что капитан уже бороздит просторы океана, она отправляется с мужем на прогулку. «Что за странную историю рассказал вчера юный Блэйк? Все это выдумки. По-моему, человек так застрелиться не может. Покажи мне, как он это сделал?» И бедный глупый муж показывает ей. Он вставляет ствол себе в рот. Она наклоняется и кладет палец на курок. Она улыбается ему: «А что, милый мой, если я вдруг сейчас случайно нажму на курок?»

И затем — затем, Гастингс, она нажимает на него!

Перевод Д. Миронова, А. Перцева

После анонса о коллективном интервью с рок-группой «Чайф» Николай Лысенко из пос. Приютово БАССР написал нам: «Давненько я ждал этого интервью. Скажу больше, я его ирревидел. В плейде свердловских групп (о которых так много сейчас говорят) «Чайф» ничуть не хуже «Наутилуса», а может, даже и лучше».

Николай предвидел редакционные планы. Мы же в свою очередь пытались прогнозировать читательскую реакцию на новый анонс. Догадывались, что писем-вопросов будет чуть меньше, чем к «Нау», но все же с их потоком придется повозиться. Боялись, что многие поклонники «Чайфа» соблазняются самыми яркими вопросами из предыдущего коллективного интервью и просто переписут их. Надеялись, что неоднократно проявленный нами интерес к читательским письмам (которые мы постоянно публикуем) заставит поклонников группы не только составить вопросник, но и поразмышлять о творчестве музыкантов, поведавать о своем «чайфе» от шахринских альбомов... Рубрика-то «Музыка и мы»!

Но... На художочную стопочку писем жалко смотреть. Интерес к группе оказался не равен интересу к возможной беседе с ней. Так что в первом своем предположении мы ошиблись. Зато с блеском подтвердилась вторая догадка: большинство вопросов оказались либо заимствованными, либо уныло одинаковыми, как ответственные электрогитары... За редким исключением.

Поэтому о «Чайфе» мы решили рассказать в иной, нежели беседа, форме.

Надеемся, что Т. Селезнева из Якутии, Д. Осолодков из Березников Пермской области, Н. Досаева из г. Междуреченска Кировской обл., Н. Опокина из Нижнего Тагила и другие наши читатели найдут в предлагаемом материале ответы на все свои вопросы.

И еще... Обратите внимание на последнюю обложку. Мы все-таки не отказываемся от совместной работы с тобой, читатель, и делаем новую попытку.

ОТДЕЛ МОЛОДЕЖНЫХ ПРОБЛЕМ

НАШ ГИМН — ЖЕСТЧЕ!

Михаил ОРЛОВ

*Наш гимн жестче,
Но, может быть, светлей!*

В. Шахрин

«Чайф». Это не совсем понятное для непосвященных слово можно встретить на городских заборах чаще, чем, к примеру, «Спартак» — чемпион! Тем не менее «Чайф» — всего-навсего сочетание двух слов: «кайф» и названия того напитка, которым группа поддерживала работоспособность во время записи дебютного альбома. На рок-барда Володю Шахрина ребяга из будущего рок-клуба обратили внимание во время фестиваля МЖК в сентябре 1985 года.

Шахрин и его приятель Владимир Бегунов играли вместе еще в школьном ансамбле «Пятна». Сходили в армию, обзавелись семьями — и решили тряхнуть стариной! Первая сборка песен Шахрина была записана в трио Шахрин — Бегунов — Олег Решетников непосредственно на шахринской квартире. Ее назвали «Дурные сны». После этого неутраченного Шахрин с помощью М. Перова (экс-«Трек», ныне — «Кабинет»), лучшего гитариста Свердловска, записал альбом «Волна простоты». Эти материалы составили двойник «Жизнь в розовом дыму» (лето 1985 года).

В одну из зимних суббот 1986 года на штаб-квартире «Чайфа» в ДК им. Горького с помощью друзей из «Нау», «Урфина Джюса» и «Р-клуба» записали очередную подборку песен Шахрина, более «электрическую», чем предыдущий альбом, где преобладала акустика. В альбоме «Субботним вечером в Свердловске» вошла и пара песен В. Бегунова («Зинаида» и «Ты сказала»), позднее перекочевавших в следующий альбом. В тот же вечер «Чайф» и «Нау» получили приглашение выступить в Челябинске, который для Свердловска что-то вроде Гамбурга для Ливерпуля. Сегодня «Чайф» — самая неуловимая из всех свердловских групп. Если попросить Шахрина перечислить города, где они выступали, это, наверное, его изрядно затруднит: география концертов охватывает весь Союз — от Мурманска до Владивостока.

Со дня открытия Свердловского рок-клуба «чайфы» стали самыми активными его участниками. Группа была признана открытием первого фестиваля, много выступала на местных площадках. В январе 1987 года прошла на «ура!» в Казани, вместе с «Нау» и группой Егора Белкина, в апреле оказались первый раз в Ленинграде, к которому Свердловск традиционно тянется больше, чем к

Москве. «Чайф» признали «самой ленинградской» из наших групп.

3 мая 1987 года во Дворце молодежи лучшие группы свердловского рок-клуба дали концерт, весь сбор с которого был перечислен детским домам Свердловска. Шоу «Чайфа» было признано лучшим. На 2-м фестивале рок-клуба группу трижды вызывали на бис. Июль — впервые в Риге. Потом два месяца идет запись сразу двух альбомов: «Дерьмонтин» и «Дуля с маком». У иногородних рокеров они стали самыми популярными из всех работ «Чайфа».

К концу года сформировался сегодняшний состав группы: В. Шахрин, В. Бегунов — гитары, Антон Нифантьев — бас-гитара, Игорь Злобин (экс-«Тайм-аут», «Апрельский марш»), заменивший В. Назимова, «подержанного» «Наутилусу». Перед третьим рок-фестивалем в «Чайфе» появился Павел Устюгов, бывший гитарист «Тайм-аута».

Ребята очень легко устанавливают контакт с залом. Их музыкальный стиль ближе всего к «Роллинг Стоунз» и Чаку Берри: старый добрый рок-н-ролл, хотя сами «чайфы» называют его «чпок-рок» («максимум напора в минимум времени»). Еще его можно окрестить «балалайка-рок», потому что на рок-звучание накладывается веселая дурашливость народного гуляния. Сценический имидж группы — «парень из соседнего подъезда, такой же, как я». Никакого набившего оскомину фрейдизма. «Я стараюсь быть проще», — говорит В. Шахрин, и это не подставление под публику — не зря их любят в рок-клубе. Правда, однажды Шахрина обвинили в том, что он шагает не в ногу со всеми, этот вывод сделал партийный секретарь стройуправления, когда монтажник, депутат райсовета Шахрин отказался голосовать на выборах («Понимаешь, надоела вся эта показуха, когда заранее знаешь, как и что будет в конце»).

Герой песен Шахрина, — если брать его в общем контексте рок-поэзии, — человек городской, запертый в клетку своей квартиры, человек потребляющий, труды без вдохновения («от звонка до звонка»), и даже в свободное время он так же механистичен, ибо обречен общественными стандартами на унитарность. Все, как у всех. Редкие всплески над ровным серым полем жизни тоже входят в этот механистический ряд «как все». Все предопределено жизненным бегом по кругу. Куда? Зачем? Иногда появляются где-то увиденные (услышанные?) «нездешние» картинки, из того измерения, где все по-другому: «Фудзияма, где на вершине — «она», удача, счастье (а рядом в реальном мире — девятипудовая «любовь Зинаида»). Предел мечтаний, как трамплин для рывка от обыденности: «А у меня на книжке скоро будет сто рублей!» Но пока — «срок минут, выброшенных за борт. Сорок минут — сплошной

ЧАЙ = ФФ

Владимир Шахрин

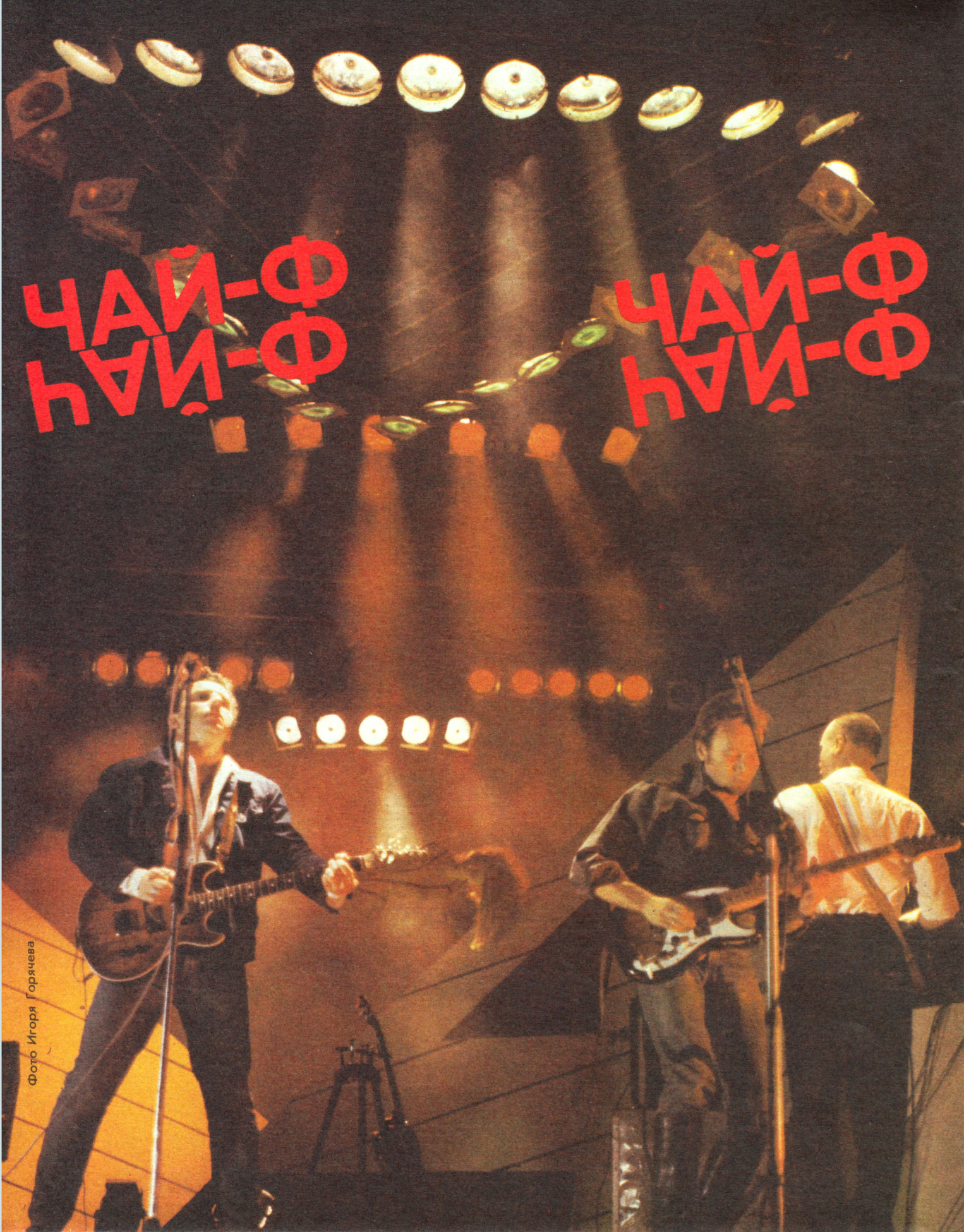

Фото Евгения Станкевича

ЧАЙ-Ф
Ф-ИДЧ

ЧАЙ-Ф
Ф-ИДЧ

Фото Игоря Горячева

забор» («33-й маршрут»). Но пока — «будильник разбудит тебя в полседьмого, как и вчера», в мире, где все «делают то же» («Будильник»). От этого замкнутого круга хочется сбежать куда-нибудь, хоть в «психушку», но даже и это недостижимо: «врач сказал мне: «С тобой все в порядке» («Сибирский тракт»). Правда, если какое-нибудь утверждение повторить много раз, можно в него и поверить. Не оттого ли в песнях «Чайфа» часто используется прием двойного повтора одной строчки в строфе или многократный повтор в финале?

У Шахрина можно довольно четко выделить два песенных ряда: фиксация и осмысление (впрочем, довольно условное разделение). В первом зачастую фиксируется событийный ряд, без анализа: что? как? почему? Во втором — попытка осмысления причинности происходящего («Где вы, где», «Снимите с нас строгий ошейник», «Красноармейская», «Гадость», «Делай мне больно», «Религия», «Вместе теплей» и др.). Есть и просто песни-«разрядки», на грани пародии («Вольный ветер», «Белая ворона», «Дуля с маком»).

Есть, конечно, и откровенно проходные — кто без греха? — но никогда нет конъюнктуры «на потребу дня». У сатирического театра песни В. Шахрина есть реальные исторические, социологические и психологические корни.

В лучших текстах Шахрина на первый план выступают заботы, надежды и стремления его вполне заурядных героев. Их трудно принимать слишком серьезно, они как бы заключены в кавычки. В отличие от пассивно-порядочных людей герои Шахрина действуют, не рассуждают о «высоком и прекрасном», не болеют современной болезнью: рефлексированием там, где «нужно бить морду». Даже в песнях с откровенно банальной (впрочем, можно ли говорить о банальности философии автора, если банальна философия героя?) точкой отсчета вдруг проskalзывает свое, когда «ихнего» нехорошего президента вдруг не дипломатично, но совершенно по-человечески, крестят «сволочью» — и это тоже работает на образ героя. Он может быть туговат к восприятию разного рода тонкостей и хитростей, даже порой туповат или закручен в лабиринтах быта, несносно упрям или повадлив к соблазнам, но он всегда стремится сохранить чувство собственного достоинства. (Своеобразный «закон фанеры»: поступок к поступку, чтобы стать крепче, как становится крепче фанера от наращивания слоев).

Авторы многих сатирических сочинений убеждены в своем праве изобличать и высмеивать, поскольку изображаемое ими самоочевидно. Шахринский смех служит не столько изображению, сколько «распрямлению стана», духовному раскрепощению, поскольку связан прежде всего с самопознанием. Его героев вполне можно обозначить эпиграфом, словами Гоголя: «Над кем смеетесь? — Над собой смеетесь!» Он потому так беззлобно, вкусно смеется над человеческими слабостями, что умеет взглянуть в себя самого — посмеить публику, не возвышаясь над ней в качестве всезнающего творца, но и нимало не панибратствуя с ней. Он в лучшем смысле демократичен. Смешное в песнях Шахрина то и дело соприкасается с грустным, даже трагическим, как это бывает в жизни — и в настоящем искусстве.

«Чайф» сейчас очень популярен, много ездит по стране, недавно выступал в Чехословакии. На 4-м фестивале Свердловского рок-клуба, в ноябре прошлого года ему присужден приз зрительских симпатий. Популярность таит в себе вирус самообмана. Вроде бы у них пока не заметны поближки себе. Не дай бог, чтобы авторитет истинный сменился бы у группы авторитетом положения, завоеванного однажды. Дай им бог необходимого самоедства.

Я (да и не только я) не совсем понял необходимость ввода в состав группы еще одного гитариста: мощи прибавилось, конечно, но тексты — основное у «Чайфа» — порой стали отходить на второй план, тогда как Паша Устюгов, очень любящий «попилить» в духе Блэкмора, не совсем вписывается в систему звучания группы. Может, я просто пристрастен — ведь это моя любимая команда из всех свердловских групп прошлого и настоящего...

Владимир ШАХРИН

ГАДОСТЬ

Стою у ночного окна.
Я слышал взрыв, я жду,
Когда поднимется гриб.
Ударил дождь, значит это гроза.
По отчего так сердце странно стучит?
А ночь еще встает стеной.
Я пытаюсь уснуть, но сквозь зубы шепчу:
«Я не хочу, чтоб эта гадость
Была рядом со мной!»
Кто мне скажет, где можно купить
Противогаз себе и жене.
Еще два детских, поменьше размером?
И я повешу это все дома на стене.
Но ничего поделаться с собой не могу
И сквозь зубы шепчу:
«Я не хочу, чтоб эта гадость
Была рядом со мной!»
Быть может, я не понимаю
Энергозадач огромной страны.
Наверно, гораздо важнее
Борьба против новой войны...
Но туда меньше часа езды по прямой.
И я все упорней сквозь зубы шепчу:
«Я не хочу, чтоб эта гадость
Была рядом со мной!»
Я верю, у них там надежные люди,
Я знаю, у них тоже дети есть.
Но если это случилось там.
То почему это не может случиться и здесь?
И ночь опять встает стеной,
И я, как молитву, сквозь зубы шепчу:
«Я не хочу,
Чтоб эта гадость
Была рядом со мной!»

КРЕПОСТЬ

Ты — моя крепость, я — камень в кирпичной стене.
У меня на боку написано гнусное слово,
Но это относится только ко мне.
Ты же надежна вполне и к новому штурму готова.
Ты — мое небо, я облако в синей дали.
Правда, радиоактивен с прошлой субботы.
И теперь я лишний в системе твоей любви.
Но нести облака — это твоя работа.
Ты — вся политика нашей страны,
Я — заявление ТАСС в местном эфире.
Ты — мораторий с одной стороны,
Я — «нулевой вариант» в нашей квартире.
Ты — свод законов на этой земле,
Я же — параграф, или же исключенье.
Но никто не знает ничего обо мне.
Твой закон — любовь, и ты веришь в это ученье.
Ты — моя крепость, я — камень в кирпичной стене.
У меня на боку написано гнусное слово,
Но это относится только ко мне.
Ты же надежна вполне
И к новому штурму готова.

ВМЕСТЕ ТЕПЛЕЙ

Он приходит к нам, когда уже вечер ответ,
Он привык к темноте, не включает свет.
Бесшумной походкой войдет в эту дверь.
Он ищет здесь то, чего уже нет.
Он ищет здесь свой вчерашний день,
Он берет в руки крест и говорит мне: «Надень!»
Но мы будем нелепы с этим крестом.
И я говорю ему мирно: «Оставь его на потом!»
Он хочет увидеть в наших глазах ту весну.
Он хочет увидеть любовь и одну.
Одну с нами нить и корень один.
Но у нас другой ритм, и мы поем другой гимн.
Наш гимн жестче, но, быть может, светлей.
За каждой строчкой мы видим конкретных людей.
Есть смысл за каждым движеньем руки,
Он знает все это, но приходит к нам вновь,
Наверное, вместе просто немного теплей...

«НЕ МНОГИХ ДОБРОВОЛЬНЫЙ КРЕСТ...»

Какую бы информацию мы не получали о распространенности коллекционирования, все же — оглядев, к примеру, круг своих знакомых — мы придем к выводу, что настоящих коллекционеров, наверно, на тысячу один. Далеко не все, по разным причинам, несут на себе этот добровольный крест.

«СОБИРАНИЕ».

Читаем в «Словаре» В. И. Даля: «Собрание... чего-либо однородного в одно место, с какой-либо особой целью. Собрание ископаемых, оружия, древностей...»

Читаем в «Энциклопедии»: «Коллекция — систематизированное собрание каких-либо однородных предметов, представляющих научный, исторический, художественный или другой интерес».

...И тут же многообразная жизнь и не поддающаяся учету человеческая инициатива вносят поправку. Почему «однородные предметы»? В Одессе, на улице Гарибальди, открылся музей частных коллекций, где можно встретить рядом с вышивками крымских татар бухарские скульптурки из хлебного мякиша, рядом с гуцульскими писанками — фарфор, рядом с древними иконами — рисунки Максимилиана Волошина... 30 коллекций — более двух тысяч экспонатов — подарил городу Александр Владимирович Блещунов, инженер морского флота, альпинист, путешественник.

И все же это — исключение из правил. Коллекционирование, в основном, подразумевает собиране предметов однородных.

Какой смысл в нем? Ответим прекрасными словами Валерия Брюсова: «Открытых выходов есть много из тесной жизни человека».

Коллекционирование — это средство очеловечить мир вокруг себя, средство против сенсорного голода. В нем есть цель, есть мотив, есть мечта, есть любовь. Американские социологи утверждают, что интеллектуальные люди более долгожители, чем «спортивные». А коллекционирование подразумевает и интеллект.

Коллекционирование — это свой мир в большом человеческом хаосе. Это ситуация, которая дает человеку выход из будничного течения жизни. Человек, как известно, иной раз склонен считать себя «богом», и не без оснований.

Коллекционирование — это жизненный баланс. В нем есть и новизна, и стабильность, столь же необходимые человеку, сколь и небезопасные для него во всем другом. Ведь эти два процесса в некотором смысле взаимоисключающи. Стабильность — это система, основательность, уют, надежность. Новизна — процесс обратный, и действие его противоположное: поиск, взрыв, стресс. Коллекционирование сочетает оба момента и дает равновесие.

Коллекционирование — это знание. Только оно обеспечивает отбор, когда уходит однодневки и остается постоянный фонд.

«Не лучше было бы людям, если бы все их желания исполнились?», — как будто эти слова принадлежат Гераклиту. Упаси господь, если будет на свете хоть один человек, чьи желания были бы исполнены — все и абсолютно... Коллекционирование — это исполнение желаний, но нескончаемое. Непредолимый вечный интерес.

И, наконец, коллекционирование — это поиск, творчество, контакт.

В наш обиход прочно вошло слово «неформалы». Зачастую при одном упоминании о неформальной организации нам рисуется образ скандалиста, бунтаря, мы связываем его с политическими акциями и выступлениями. Народный фронт, Демократический союз, «металлисты»... Но ведь в этот же список можно включить любителей из клубов фантастики, «кээспэшников», свободных художников, да мало ли еще кого.

И, безусловно, — коллекционеров. Есть ли хоть один человек, который ничего и никогда не коллекционировал? Боюсь, что нет. Мы собирали марки и спичечные этикетки, значки и упаковки от жевательных резинок. Милые «обмены» детства: одна иностранная марка на две советских, четыре этикетки на один значок... А как мы завидовали соседскому Кольке, когда ему родители купили новый классер, новый календарик; как завидовали приятно, нашедшему пачку от сигарет «Друг»... Давно это было. Большинство коллекций растеряно, раздарено, оставлено детям и внукам или пылится где-то в шкафу как память о прекрасной поре бескорыстного собирательства.

Но огромная масса людей не забросила в угол альбомы и классеры, а продолжила и во взрослой жизни увлекательное дело коллекционирования.

БУДЕТ АДРЕСНАЯ КНИГА

ИНТЕРВЬЮ С «УПРАВЛЯЮЩИМ» БАНКОМ КОЛЛЕКЦИОНЕРОВ

Кооператив «Дикси» под руководством Владислава Новикова готовит к изданию «Адресную книгу коллекционеров СССР», в которую войдут 1000 адресов и описаний коллекций, вступительные статьи ведущих «со-

бирателей», фотографии наиболее интересных экземпляров.

— Владислав, как появилась идея создания такой книги?

— На базе Московского Дома

народного творчества в 1985 году образовалось объединение коллекционеров-нумизматов. Немного поработав, мы столкнулись с колоссальной проблемой — отсутствием информации, и не только о коллекциях наших коллег по хобби. Провести грамотный обмен, посмотреть коллекцию, поделиться опытом практически невозможно. Перебрав литературу о коллекциях и коллекционерах, мы натолкнулись на изданную в 1903 году под редакцией Параделова «Адресную книгу коллекционеров». Увы, последующих изданий не было. Вот и появилась идея создать подобную книгу сегодня.

— Кто осуществляет работу по сбору информации, и как происходит этот сбор?

— Непосредственно сбором и обработкой информации занимаются двенадцать человек, естественно, на общественных началах. Все адреса и сведения приходят к нам по почте на так называемых «бланках-заказах». Адресат заполняет заявку на участие в адресной книге, сообщает краткие сведения о своей коллекции и адрес. А инициативная группа, получив его почтовую открытку, отсортировывает ее, вносит в списки и таблицы.

— Но откуда, скажем, коллекционеры Урала узнают ваш адрес, где возьмут бланки заказов?

— У нас очень тесная связь практически со всеми клубами и объединениями коллекционеров страны. В клубах имеется подробная информация о готовящейся книге, форма заявки, наши адреса.

— Тираж издаваемой книги — 100 000 экземпляров. Уверены ли вы в его реализации?

— Ну... мы же начали работу над «Адресной книгой» не с бухты-барахты, и тираж определили не случайно. Заявки имеются на гораздо больший тираж, но реальные возможности пока нам не позволяют это сделать. Надо учесть и то, что это лишь первое издание, а мы наметили переиздавать книгу каждые два года, а с 1992 года — издавать целую серию книг подобного содержания.

— Владислав, а как вы решаете вопрос с бумагой, полиграфией, оплатой?

— Бумага на 100 000 уже лежит, где достали — извините, коммерческая тайна... Есть договоренность с рядом типографий — нам требуется высокое качество полиграфии. Спонсором издания выступит полиграфический кооператив «Дикси».

— Не опасаетесь ли вы, что «Адресная книга» станет пособием для воров и рэкетиров?

— Нет, «наводчиками» мы не собираемся быть. Во-первых, любой коллекционер, указывая адрес, вправе его зашифровать, дать адрес, например, посредника. Во-вторых, любой вор, наметивший поживиться на богатой коллекции в городе Н-ске, способен посетить клуб коллекционеров и взять там сведения — но пусть он учтет, что коллекционеры свои «вещи» знают хорошо, и найти их, как правило, труда не составляет.

— И последний вопрос. Что собираете вы сами, и какие существуют наиболее интересные и оригинальные коллекции?

— Со мной все ясно: я коллекционирую коллекционеров, а начинал с нумизматики. Наиболее интересные коллекции... Их очень много, и в Москве, и в Свердловске, и в любых городах. Андрей Кропоткин из Москвы коллекционирует игрушечных солдатиков, и не просто собирает их, но и сам делает; в его коллекции — солдатики всех эпох, от древнеримских войнов до наших дней. Андрей Мирон собирает выигрышные лотерейные билеты (да-да, именно выигрышные!) и... некрологи на политических деятелей. А. Дубасов из г. Руза собирает все, что имеет отношение к пиву: этикетки, банки,

подставки, кружки, карикатуры. Приемы и погода — увлечение жителя г. Кемерово И. Костина... Вот лишь несколько примеров. Кстати, по моему, ваш журнал тоже собирает старину — старинные кирпичи, печные дверцы?..

— Да, вы правы, у журнала есть свой музей.

— Ну, вот видите... Сколько же нас всех, коллекционеров? Собрать их всех воедино — титанический труд!

— Мы желаем вам успеха в этом хорошем деле. И называем для читателей-коллекционеров адрес информационного банка: 103104, Москва, Большая Бронная, 6. Спасибо, Владислав!

Интервью взял
Михаил КОЗЛОВСКИЙ.

РЮРИК НА АВЕРСЕ

Олег САРДАК

Однажды я выменял на какую-то монету медаль. Принес ее домой, с трудом отчистил и узнал, чем пополнилась моя коллекция.

На лицевой стороне медали было изображение Рюрика, великого новгородского князя, и царя Александра II. На оборотной стороне изображен памятник и выбита надпись: «В память сооружения памятника тысячелетия России».

Медаль моя оказалась не рядовой, история создания ее необычна.

В 1862 году Россия праздновала свой тысячелетний юбилей. В Новгороде был торжественно открыт памятник тысячелетию России. Памятник воздвигнут по проекту академика Михаила Осиповича Микешина, известного скульптора, создавшего к тому времени уже немало памятников, среди которых был и памятник Екатерине II в Петербурге, он до сего времени стоит в Ленинграде на Невском проспекте, в сквере у Пушкинского театра.

Оставили память об этом событии и русские медальеры. В том же 1862 году к празднованию открытия памятника тысячелетия России были отчеканены крупные (в диаметре 86 мм) медали с портретом Александра II, бывшего в то время на русском престоле. Автор этой медали

П. Брусницын. Было выпущено и множество малых медалей, одна из которых оказалась у меня.

Эти медали не имеют подписи медальера и не значатся в списке штемпелей Петербургского монетного двора. Возможно, что их делала какая-то частная фирма. Изготовлена эта медаль из меди, размер ее примерно такой же, как и у металлического современного рубля. Вручались подобные медали малых размеров присутствующим на церемонии открытия памятника в Новгороде лицам низкого звания — солдатам, многочисленным зрителям. Часть подобных медалей продавалась коллекционерам, которых уже в то время было много.

Представляет ли медаль какую-нибудь ценность? С точки зрения чисто практической она невелика, но она интересна как память о монументе, воздвигнутом более столетия назад, чуть не погибшем во время Великой Отечественной войны и восстановленном после ее окончания.

Что же касается изображения на медали Рюрика, то тут дело вот в чем. В русской историографии долгое время существовала норманнская теория, сформулированная во второй четверти XVIII века. Суть ее сводилась к тому, что основателем России были не славяне, а пришельцы из Скандинавии, так называемые варяги, потому теория имеет и свое второе название — варяжская. В частности, первым правителем России принято было считать великого новгородского князя Рюрика, восшедшего на русский престол в 862 году и положившего начало первой русской династии царей Рюриковичей, которая просуществовала до 1613 года, когда на смену ей пришла династия царей Романовых.

В настоящее время советская историография окончательно доказала несостоятельность норманнской теории. Но в 1862 году сторонники норманнской теории считали норманнов (варягов) основателями государства в Древней Руси, отсюда и на медали был выбит портрет Рюрика.

ПРАВДА ЛИ, ЧТО...

«...Знаете, женщины подвержены всевозможным страстям, но они сроду не собирали коллекций. Вам доводилось хоть раз в жизни встретить женщину, которая владела бы коллекцией марок или жуков, первоизданий или чем-нибудь в том же роде? Никогда в жизни!.. У женщины нет такой основательности и... и фанатизма. Женщины так ужасно трезвы!..»

Этот отрывок взят из рассказа Карела Чапека «Похищенный кактус». Вопрос, как видите, стоит ребром. Действительно ли «женщины так ужасно трезвы», что не тратят свои страсти на коллекционирование, действительно ли не имеют они той основательности, без которой это занятие невозможно?

Чтобы опровергнуть это мнение, мы для начала не пойдем дальше Урала и Свердловска и в следующих номерах расскажем о коллекции — не будем пока раскрывать карты и скажем условно — ...чугуна, которую много лет собирает именно женщина. Не марки или жуков-бабочек, как иронизирует известный чешский писатель, а собирает она самый настоящий тяжелый чугун.

Но вопрос стоит гораздо шире. В самом деле, много ли женщин в Союзе — обладательниц каких-нибудь коллекций? Возразим мы Чапеку или придется согласиться с ним?..

Колокольчики

Елены Радкевич

Самая известная коллекция колокольчиков — у писателя Владимира Солоухина. Но, конечно, это не единственная коллекция. К примеру, есть подобная же у московской художницы Елены Адамовны Радкевич. Первый, ямщицкий колокольчик, появился у нее во время археологической экспедиции по Новгородской области. А теперь их огромное количество — поддужных, станционных, свадебных, для овцы, лошади, коровы, слона...

Черты

Светланы Смелянской

Уникальным считается собрание представителей «нечистой силы», начало которому положил народный художник СССР Антанас Жмуйдинавичюс. После его смерти 260 чертей стали частью дома-музея худож-

ника. Сейчас это музей «Тысяча чертей», и для него строится новое здание.

В отличие от известного художника, кандидат искусствоведения, работник Московского театра кукол Светлана Александровна Смелянская собирает не только фигурки, но и рисунки, упоминания о чертях в литературе, живописи, кинематографе. Коллекция С. А. Смелянской имеет научное значение.

Открытки

Зинаиды Урш

Жительница города Синельниково Зинаида Павловна Урш — филокартистка. Она собирает поздравительные открытки. В ее коллекции более четырех тысяч открыток: 980 — новгородных, 306 — «октябрьских», 420 — «первомайских», 701 — «восьмомартовских» и прочие. Наверно, есть и более объемные коллекции. Но нужно учесть, что Зинаиде Павловне — 81 год.

Матрешки

Любови Устиновой

Многие считают, что матрешка родилась на Руси. Но первой «матрешкой» была деревянная фигурка, изображавшая восточного мудреца Фукуруму — она раскрывалась, и в ней находились меньшие фигурки. Русская же игрушка была изготовлена мастером игрушечного дела Василием Звездочкиным по эскизам художника С. Малютина. Именно эта яркая, красочная, с русским характером игрушка и была названа Матрешкой.

У жительницы города Пензы Любови Петровны Устиновой собрано около полутора тысяч матрешек: знаменитые загорские куклы, киевлянка «Наталка», воронежская «Светлана», куклы из самых разных городов и краев страны.

Коты

Ванды Кавалаяускиене

Ну вот, нашлась и любительница котов... Заслуженный провизор Литовской ССР Ванда Кавалаяускиене собрала 10 000 сувенирных котов. Есть фигурки из Франции, Англии, Бельгии, Австралии. Почти каждый день приходят посылки с «пополнением».

Двери

Элизы Деманш

От отца-столяра Элиза Деманш, жительница французского городка Пор-Вандр, получила «в наследство» тридцать пять дверей, им изготовленных и отреставрированных. Но держать такую коллекцию немислимо!.. И Элиза перевела «наследство» в рисунки, описания, фотографии, это сподручнее. А в картотеке всегда можно узнать, где какая дверь; и в картотеке есть разделы — двери храмов, домов, дворцов, ресторанов, гостиниц...

Вернисаж

* Музей истории наводнений организуют в Ленинграде строители комплекса защитных сооружений, коллективы управления «Ленгидроэнергоспецстрой» и Музей истории Ленинграда. Музей расскажет о более чем трехстах случаях, когда бушевала морская стихия; о проектах защиты от наводнений, об истории борьбы с ними, начиная с петровских времен.

* Историей древних ремесел интересуется преподаватель музыки из Калуги Владимир Никанорович Раков. В его собрании — несколько сотен работ умельцев бондарного, гончарного дела, работы вышивальщиц и вязальщиц.

* Все бабочки — а их 116 — в коллекции жителя города Кайракума Александра Михайловича Соколова сделаны из камня.

Александр Михайлович в свое время собирал минералы; и однажды при обработке крупного агата обнаружил рисунок крыла бабочки... Все остальное доделали руки. Филлигранность и оригинальность коллекции сделали ее знаменитой. Бабочки Соколова «летают» и на ВДНХ, и за рубеж.

* Старинные прялки — увлечение Степана Ивановича Николенко, жителя села Парфеново Костромской области. Семьдесят прялок составляют коллекцию. В каждом уезде Северной Руси были свои традиционные формы лопасти и донца прялок: олонечские — расписанные, лопатообразные, ярославские похожи на ажурные башенки, вологодские отделаны деревянным кружевом...

Вернисаж

ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫЕ ЧУДАКИ

Александр ВИГИЛЕВ

Во второй половине прошлого века жил в Петербурге известный знаток русской старины М. И. Пыляев. Итоги своих многолетних поисков в архивах, музеях, библиотеках он подвел в книге «Замечательные чудачки и оригиналы». Ее герои — люди, отличавшиеся «странностью своих личных привычек, образом жизни, прихотями и наружным видом».

Листаешь книгу М. И. Пыляева и ловишь себя на мысли: этот тип описан Н. В. Гоголем, этот случай напоминает рассказ И. С. Тургенева, а этого заклеил Г. Р. Державин. Некий П. В. Н-н переоделся в женский наряд и несколько дней прожил у известной актрисы Александры Асенковой в качестве горничной. Анекдот дал повод А. С. Пушкину написать «Домик в Коломне».

Фокусник Аффельбаум — не вымысел М. Ю. Лермонтова. Упомянутый в «Герое нашего времени» маг действительно существовал, ходил по улицам Петербурга, «ловко вынимал у извозчиков с носа картофель; ломал у пирожника пироги, в которых находил червонцы; сковывал всячим замком рот какого-нибудь ротозея». Был среди пылевских чудачков коллекционер Д-ов. Но что вошло в его собрание? Трость, сделанная из одного корня хрена, железная кочерга, согнутая руками безвестного силача, кирпич из развалин Мамаева двorca...

Кирпич в коллекции! Что может быть нелепее?

Московский архитектор-реставратор Л. И. Антропов собрал... около двух тонн старых кирпичей. «Нелегкая» коллекция не уместилась в доме архитектора, и он передал ее в музей русской архитектуры имени А. В. Щусева. Сейчас она хранится в Донском монастыре. Какая же польза от подобного увлечения? Оказывается, немалая.

Лет сорок назад в среде специалистов-пушкинovedов возникло сомнение по поводу места венчания поэта. Найденные архивные документы неопровержимо доказывали, что церковь Большого Вознесения у Никитских ворот (а там венчался А. С. Пушкин) архитектор А. П. Григорьев построил только в 1848 году, спустя 11 лет после гибели поэта. Антропов при обследовании здания обратил внимание на клейма кирпичей — в большей части кладки они относились к концу XVIII века. Зна-

чит церковь, пострадавшая от пожара 1812 года, не была построена вновь Григорьевым, а только им перестраивалась.

Кирпичи Антропова спасли от гибели замечательный памятник русской архитектуры — башни Новодевичьего монастыря в Москве. Всякий посетитель этого музея обращал, наверное, внимание на то, что верхние изящные игрушечные части совсем не подходят к их строгим могучим основаниям. Еще в прошлом столетии была выдвинута гипотеза: верхний декор — позднейшая надстройка. Несколько лет назад даже разрабатывался проект реставрации монастыря, предлагавший все украшения сломать и башням вернуть «первоначальный вид». Много дней провел Л. И. Антропов в монастырских башнях и доказал, что они сверху донизу выложены одним и тем же кирпичом, и нет основания для их «исправления».

Любое возведенное пенсионером В. И. Садовниковым сооружение в точности повторяет оригинал, только меньше его в пятьдесят раз. В макетах его коллекции переданы конструктивные особенности зданий, детали архитектурной отделки, различные тонкости плотницкого искусства.

Рядом с В. И. Садовниковым, работы которого уже много лет экспонируются в наших музеях, сварщик одного из московских заводов Геннадий Кострыгин выглядит новичком. У него несколько иной стиль работы, другие материалы используются в «строительстве». Свои макеты он сооружает из спичек с помощью клея и скальпеля. Создавая точные копии архитектурных памятников, он во всем следует древним мастерам.

Доктор технических наук А. К. Ганулич собирает поддужные звонки Валдая, Пуреха, Слободского, Тулы, Кунгура... На одних отлиты только названия городов, другие украшают затейливые присказки: «Звону много — веселей дорога», «Купи — не купишь, ездй — веселись», «Звенит — потешает, ездйть поспешает». Некоторые фабриканты отливали на своих звонках слова «с серебром», хотя старым литейщикам было известно, что добавка в колокольную бронзу любых металлов — благородных или неблагородных — ухудшает звучание колокольчика. Но название «серебряный звон» прижилось в народе, и роди-

лась новая легенда о поддужниках с серебром.

Сегодня А. К. Ганулич — один из признанных авторитетов по поддужным колокольчикам. Он опубликовал ряд статей на эту тему, участвовал в различных конференциях по колоколам, выступал по телевидению.

Москвич архитектор В. А. Резвин коллекционирует самовары, чайники, утюги. Предметы в коллекции Резвина невозможно даже перечислить. Одних кранов от пришедших в полную негодность самоваров около тысячи. Но особой гордостью собирателя являются чайники. Первые русские чайники начали изготавливать в XVIII веке на Урале. Ковали их из меди, металла мягкого, податливого. Каждый мастер по-своему загибал носики, чтобы струя кипятка вытекала плавно, не разбрызгиваясь. Есть у коллекционера необычный чайник с длинной ручкой на боку. Из него, оказывается, удобно наливать чай из-за спины сидящих за столом.

Владимир Алексеевич Телешев собирает перья для письма. Точнее, как скромно говорит сам Телешев, продолжает коллекцию своего деда Дмитрия Николаевича, известного русского писателя.

Началось увлечение Телешева-старшего со школьной игры в «перышки». Сейчас она уже почти забыта, поэтому напомним читателю ее смысл. Нужно было так ударить по тому концу перышка другим пером, чтобы оно перевернулось и легло на спинку. Такое перо считалось выигранным. Гимназисты старались для игры подбирать тяжелые длинные перья — их труднее было перевернуть. Особенно высоко ценились огромное перо «Мастодонт» и «Наполеон», на котором фигура императора выдавливалась во весь рост. Гимназистки старались писать перьями, наверняка приносившими счастье. На одном из них изображалась подкова, на другом — колесо с крыльшками, символ богини удачи Фортуны. Перья выпускались в память о знаменитых людях или событиях. Например, с портретами Пушкина, Толстого, Гарибальди, адмирала Макарова, в память об отмене крепостного права в 1861 году. Хранится в коллекции первое стальное перо, изготовленное в Англии в 1831 году. Возможно, им писал А. С. Пушкин. Перьев у Телешева великое множество: прямые и кривые, гладкие и узорные, черные и золотистые. Есть перо для левши, крохотное — дамское — с узким кончиком менее миллиметра и широченное плакатное.

Сейчас стальными перьями пользуются редко, их меньше стали выпускать, люди предпочитают им более удобные шариковые ручки и фломастеры. А трудягу-карандаш ничем не заменишь. Он продолжает свою нелегкую работу. Им пишут, затачи-

вают, выбрасывают, когда от него остается маленький кусочек. Есть люди, для которых карандаш не только приспособление для письма, но и предмет страстного увлечения. Среди них К. А. Покровский. Он и его отец за сорок с лишним лет собрали около трех тысяч этих пишущих палочек. Здесь карандаши, выпуклавшиеся миллионами штук, и редкие, сделанные специально для их коллекции в одном экземпляре. Всевозможные карандаши подбирались у Покровского. Круглые, шестигранные, плоские, эллиптические... Есть карандаши с резинкой. Не понравилось написанное — сразу его стер. Вот карандаш с увеличительным стеклом на конце. Страдающему сонной болезнью не дает заснуть карандаш, на конце которого укреплен малюсенький бубенчик. При письме он все время звякает. Тут уж не до сна — сиди и пиши без перерыва. Глядя на это разнообразие, не сразу и сообразишь, что начался карандаш в XII веке с тонкого свиного штюфта, бледный след которого с трудом различался на пергаменте.

Перо и карандаш — неотъемлемые атрибуты делового человека. Главное «оружие» журналиста или писателя — пишущая машинка.

Быстрые пальцы летают по клавишам, и на белый лист бумаги ложатся ровные ряды букв. Но, оказывается, этот процесс когда-то выглядел иначе. В первой промышленной модели пишущей машинки «Ремингтон», выпущенной в США в 1867 году, печатаемый текст вообще не был виден. Германская модель «Йост» не требовала заправки ленты — ее заменяла пропитанная чернилами подушка, заложенная в специальный держатель. А первая русская машинка, запатентованная в 1870 году, по внешнему виду напоминала шарманку: выбор нужного знака и установка его в рабочее положение осуществлялись поворотом штифтового колеса. Многих предков современной пишущей машинки можно увидеть в

коллекции бывшего мастера завода «Мосгорреморгтехника» Б. Ф. Булкина. За двадцать лет ему удалось собрать более тридцати ценнейших экземпляров прародительниц современной пишущей машинки. Многие из них удалось отремонтировать.

Далеко не на всех экспонатах коллекции Булкина смогут печатать современные машинистки. Давным-давно в редакциях не пользуются «Смитт-премьером» выпуска 1904 года с семирядной клавиатурой. Но тексты, написанные на нем, разошлись многотысячными тиражами газетных полос, некоторые из которых тщательно сохраняются коллекционерами.

Несколько страничек обычного книжного формата, напечатанных бледным шрифтом на плотной бумаге с водяными знаками; над виньеткой, изображающей трубящего вестника и «трофеи», — название: «Санкт-Петербургские ведомости». Так выглядит одна из первых русских газет. С нее начинается обширное собрание газет старейшего куйбышевского коллекционера А. С. Ханчина. У него хранится свыше пятнадцати тысяч наименований газет на восьмидесяти языках. Есть в коллекции номера ленинской «Искры» с проектом программы РСДРП. Оттиск на тонкой, очень прочной бумаге можно было незаметно пронести через любые полицейские кордоны. «Самарской газете» 1895 года не нужно было прятаться от царской охранки, но фельетон, написанный Иегудиилом Хламидой, сделал ее ценнейшим памятником русской культуры. Под этим псевдонимом выступал молодой А. М. Горький. Много в коллекции газет времен Великой Отечественной войны. Пожалуй, еще более полное собрание дивизионных, армейских, фронтовых газет хранится у пензенского журналиста В. И. Нуждова. Наиболее дорогой в коллекции является газетная полоса, которую Нуждов набрал собственными руками, когда в 16 лет начал работать в местной газете учеником линотиписта.

ПЕРВЫЙ, ПЕРВЫМ И ВПЕРВЫЕ...

Григорий КАЁТА

Моя коллекция размещена в простеньких альбомах, носящих название «Первый, первым и впервые». Вырезки из газет, журналов, записи рассказывают о том, когда, что и кем сделано впервые. Есть здесь «Уральский раздел», фактами из которого хотелось бы поделиться с читателем. В качестве примечания скажу, что широко известные факты в материале опущены.

ПЕРВЫЙ...

...поход русского войска за Урал состоялся в 1364 году, им командовали новгородские воеводы Александр Абакумович и Степан Ляпа.

...уральский чугун получен в 1701 году на Каменском и Невьянском заводах.

...в России и Европе платиновый прииск заложен в 1824 году в Гороблагодатском горном округе и назывался он Царево-Александровским.

...русский алмаз найден мальчиком Павлом Поповым 5 июля 1829 года в Адольфовском логу на реке Полуленке.

...на Урале стекольный завод основан в последние годы XVIII века купцом Юрьевым в Кунгурском уезде. Он выпускал оконное стекло и посуду.

...отечественный никель получен в 1933 году из открытых на Урале месторождений никелевых руд. Родина никеля — В. Уфалей.

...советский прокатный стан «800» был одним из первых заказов вступившего в строй в 1933 году Уралмаша.

...герб Екатеринбурга утвержден правительственным советом в июле 1783 года, с частичными изменениями просуществовал до 1917 года.

...уральский университет открылся в 1916 году в Перми. Он являлся самостоятельным отделением Петроградского университета, в полную самостоятельность перешел в 1917 году.

...на Урале естественноисторический музей организован при Неплюевском военном училище в Оренбурге в 1831 года ссыльный Т. Зан.

...в нашем крае «музей» российских ископаемых начал создаваться

...А что у них!

* В западногерманском городе Кельне открывается первый в мире музей шоколада. В экспозиции будет представлено 70 000 предметов: этикетки, рекламные плакаты, шоколадные игрушки, даже грамластинки из шоколада...

* Около тысячи членом насчитывает клуб «курьезных коллекционеров» при Центральном доме железнодорожников в Праге. Располагают они разными коллекциями: бритвенных лезвий, этикеток от сыра, автомобильных мини-моделей, бумажных салфеток, курительных трубок, картонных тарелочек и пр. Ежегодно проводятся выставки, издаются информационные бюллетени, устраиваются конкурсы на лучший экспонат.

* Если говорить о курьезах, то, пожалуй, никто здесь не переплюнет граждан ФРГ. На телевидении ФРГ популярна передача «Видеобарахолка». Она подстегивает страсть к собирательству самых разных предметов: молитвенников, игральные карты, швабр, шлепанцев, ночных горшков, музыкальных диковинок, имитирующих самые разные шумы, мышеловок... При этом настоящим буме коллекционирования каталог 125 наименований известных в ФРГ коллекций, выпущенный литератором Эрнстом Ролоффом, разошелся так быстро, что стал библиографической редкостью.

* Еще о шоколаде. Самая богатая коллекция оберток — у чеха Станислава Крамского, жителя Праги: 29 372 образца из 80 стран мира.

* Жевательная резинка богато собрана тоже чехом — Зденеком Писаржским — 6900 экспонатов.

* И еще одна чешская коллекция: собрание часов с боем, насчитывающее около сотни экспонатов, — ее владелец Алоис Шванда.

...А что у них!

в 1834 году в Екатеринбурге по инициативе Горного общества. Вскоре музей представлял собой одно из богатейших минералогических собраний в мире.

...в России провинциальный геологический музей, имеющий практическое значение, открыт в Турбинских рудниках (г. Красноурьинск) выдающимся русским ученым Е. С. Федоровым в 1895 году.

...на Урале бальнеологический курорт стал функционировать с 1840 года в Нижних Сергах.

...единственный в стране заповедник диких бортовых пчел был организован в Башкирии. Прибельский пчеловодческий филиал Башкирского заповедника расположился на 22 тысячах гектаров вдоль широкой излучины реки Белой.

...географический атлас уральской земли вышел из печати в 1760—62 годах и назывался «Атлас Оренбургской губернии». Его автор — участник Оренбургской экспедиции П. И. Рычков одновременно выпустил «Лексикон Оренбургской губернии», ставший первым в России региональным географическим словарем.

...сборник русских былин вышел во второй половине XVIII века. Исследователи полагают, что его составителем являлся уральский казак Кирша Данилов.

...самолет уральцы увидели в 1911 году; полеты демонстрировал знаменитый летчик А. А. Васильев.

...чемпионат Урала по бегу на коньках проходил в Екатеринбурге в 1915 году.

ПЕРВЫМ...

...известным русским поселением на Урале стал городок Анфаловский, основанный между 1398 и 1409 гг. в верховьях Камы новгородским воеводой Анфалом Никитиным.

...промышленным предприятием на Урале были соляные копи, основанные в 1430 году купцами Калининскими в селеньи Соль-Камская.

...уральским металлургическим предприятием стал Ницинский железодобывательный завод, построенный казной в 1631 году на притоке реки Туры — Нице. Завод действовал более полувека.

...освоил выпуск легендарных «катуш» Челябинский завод дорожных машин имени Колющенко.

...в мире заповедником минеральных богатств стал Ильменский государственный заповедник имени В. И. Ленина, созданный по декрету В. И. Ленина от 14 мая 1920 года.

...открывателем богатейших залежей кизеловского угля был рудознатец Моисей Югов, заявивший о своей находке в 1786 году.

...русским историком по праву считают В. Н. Татищева, видного уральского деятеля, первого горного командира заводов Урала. Он впер-

вые сделал попытку создания истории государства российского.

...научное исследование по бериллию провел в начале XIX века инженер Екатеринбургской заводской лаборатории Иван Авдеев.

...операцию зоба на Урале, занявшую достойное место в истории отечественной хирургии, провел врач Турбинского госпиталя А. А. Миславский.

...доктором геолого-минералогических наук среди советских женщин была В. А. Варсанофьева, посвятившая много лет исследованию Северного Урала. На Полярном Урале есть ледник, названный ее именем.

...иностранцем, посетившим Екатеринбург, полагают, был датчанин, известный путешественник Витус Беринг, побывавший в «столице» Урала в 1733 году.

...военным училищем на Урале было училище в Оренбурге, начавшее работать в 1822 году.

...женским учебным заведением явилось «девичье училище», открытое в 1824 году в Перми. Оно давало начальное образование.

...высшим уральским учебным заведением был Учительский институт, основанный в 1873 году в Оренбурге. Его ликвидировали в 1894 году из-за «недостатка средств».

...на Урале документальные фильмы — движущиеся фотографии — выпустил екатеринбургский фотограф-художник В. Л. Метенков.

...уральским городом-миллионером стал 23 января 1967 года Свердловск. ...из 88 столбов-памятников, указывающих линию границы Европы и Азии, установлен обелиск на Московском тракте у Первоуральска.

...среди уральских спортсменов конькобежцев мастером спорта СССР стал свердловчанин В. Смолин; среди лыжников звание заслуженного мастера спорта получил свердловчанин В. Нагибин.

...мастером спорта СССР по бадмингону стала свердловчанка Н. Кудряшова-Ишина в 1970 году.

...на Урале звание заслуженного мастера спорта СССР по самбо получил токарь Уралмаша А. Федоров. Он — четырехкратный чемпион РСФСР и СССР.

...чемпионом страны и мира по художественной гимнастике была свердловчанка Л. Назмутдинова. Лиля первой в стране получила звание мастера спорта и заслуженного мастера спорта СССР в этом виде.

...на Урале заслуженным тренером по лыжам стал В. Ужинцев, наставник пятикратной чемпионки мира и трехкратной чемпионки Олимпийских игр К. Боярских.

...орденом Советской республики считается орден Красного Знамени, этой награды № 1 удостоен начдив В. К. Блюхер — за беспримерный прорыв его дивизии из белогвардейского окружения.

ВПЕРВЫЕ...

...из числа русских на Урал приехали новгородцы. В 1092 году «новгородский отрок», посланный боярином Гюргятой Роговичем, совершил поход в «Югру». После этого в летописи «Повесть временных лет» появляется описание Уральских гор.

...русская православная церковь начала колонизацию Урала в 1383 году.

...слово «кама» в понятии названия уральской реки появилось в русских летописях в 1220 году.

...термины «Урал», «Уральские горы» стали бытовать среди русских поселенцев края в XVII веке. В учебнике географии они появились в 1758 году.

...перепись населения на Урале проведена в 1530 году по указанию государя Василия III с целью введения регулярного сбора налогов. Перепись вел писец Иван Бобров.

...азбука для коми (зырян) — древнепермская — была составлена миссионером Стефаном Пермским в XIV веке. В 1775 году казанский епископ Пуцек-Григорович составил первую азбуку и грамматику удмуртского языка.

...летописание уральского края началось в XVII веке. От тех времен до нас дошли «Повесть о взятии земли Сибирской» (Строгановская летопись) и «Летопись Сибирская, краткая» (Кунгурская). Обе посвящены походу Ермака в Сибирь.

...на территории нашей страны наскальные рисунки, сделанные человеком эпохи палеолита, были обнаружены в 1959 году в Каповой пещере на правом берегу реки Белой.

...строительство каменных зданий на Урале началось в последней трети XVII века. Первыми каменными постройками стали крепость в Верхотурье (1698 г.), воеводский дом и комплекс церквей в Соликамске (1683—1713 гг.).

...уральский асбест открыт в 1720 году крестьянином Софроном Согра на реке Тагил. Новая отрасль уральской промышленности прочно начала основываться с 1889 года.

...русское золото, имеющее промышленное значение, обнаружено в 1724 году на берегах реки Березовой крестьянином Ерофеем Марковым. В 1748 году на месте находки возник первый в стране рудник по добыче драгоценного металла.

...русская платина открыта в 1819 году в Нижнетагильском округе, а ее первым исследователем стал инженер и химик Иов Варвинский.

...аметисты найдены на Урале в конце XVIII века и прославились особой красотой. Соперник уральского камня лишь аметист бразильского.

...русская броня родилась в Златоусте. Ее создателем был мастер-самородок В. С. Пятков. В 1859 году он первым в мире разработал способ

изготовления броневых плит прокаткой.

...русская стальная пушка сделана в 1860 году златоустовскими мастерами по инициативе ученика Аносова П. М. Обухова.

...в России горный инженер Николай Воронцов ввел на Пермском заводе малые локомотивы. Он сконструировал известный молот-коLOSS силою в 10 тысяч пудов для Мотовилихинского завода.

...среди филателистов мира учащиеся школы II ступени из города Златоуста предложили в 1925 году тематическое коллекционирование почтовых марок, четко сформулировав его принципы. Опровергнув буржуазные взгляды на коллекционирование, юные златоустовцы совершили своеобразную революцию в филателии.

...школьное обучение на Урале началось в первом десятилетии XVIII века. В 1709 году Петр I предписал Никите Демидову «устроить деткам школу». Первая школа для «обучения иноверцев русскому языку» была создана в Уфе в 1738 году.

...типография на Урале открылась в 1792 году в Перми. Первой ее книгой стало сочинение медика М. Л. Гамалеи «О сибирской язве и ее народном лечении».

...в России работу по гигиене труда написал выдающийся врач И. В. Протасов, работавший в Пермской губернии в конце XVIII — начале XIX вв. В книге он дал картину условий труда на заводах Красноуфимского уезда.

...библиотека на Урале появилась в 1802 году в Екатеринбурге. Обслуживала она только чиновников.

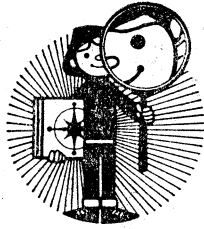
...международную встречу по футболу уральцы увидели в 1927 году, когда свердловская команда встретилась на своем стадионе с финским клубом «Тул».

...в истории спорта семьей чемпионов мира стала супружеская чета Стенниных из Свердловска. В 1960 году Борис и Валентина завоевали звание чемпионов мира по конькобежному спорту.

...в стране искусственная ледяная беговая дорожка вступила в строй в октябре 1967 года на свердловском стадионе «Юность».

...в 1974 году свердловским альпинистам-скалолазам довелось собирать опоры первой в стране высокогорной ЛЭП-500 Кара-Куль — Андиган.

Естественно, приведенные факты не исчерпывают всей картины истории нашего края. Автор был бы весьма признателен всем, кто поможет пополнить коллекцию «Первый, первым, впервые».

МИР

НА ЛАГУНИ

Памятники индустрии

Где и как работали прадеды? Чтобы ответить на этот вопрос, западногерманские историки и работники музеев начали в последнее время восстанавливать и собирать свидетельства столетидесятилетней истории промышленности в Германии. Достопримечательностью мирового ранга станет «Индустриальный музей Вестфалии», который создадут в течение пяти лет. С 1931 года в семи различных местах Вестфалии возвращаются в прежнее состояние промышленные сооружения, которые еще в пятидесятые и шестидесятые годы безжалостно разрушались: машинные залы, копры и другое шахтное оборудование, судоподъемник, ткацкая фабрика, стекольный и кирпичный заводы. Эти памятники индустрии станут действующими: на глазах посетителей будут обжигать кирпич и изготавливать сукно.

И. ПОДОЛЯНОК

Роддом у китов

Каждой зимой на побережье лагуны Заячий глаз у Калифорнийского полуострова появляются тысячи туристов, чтобы наблюдать китов, прибывающих сюда после долгого путешествия с Берингова моря. Сюда они приплывают, чтобы продолжить род, здесь же составляются новые пары. Вид выскакивающих из воды гигантов и китов-самок, кормящих своих тысячекилограммовых «младенцев», необыкновенно впечатляющий. Мексиканское правительство объявило лагуну заповедником, а его директором назначило Мартина Барахаса, который уже несколько десятилетий дружит с китами и знает их повадки не хуже любого ученого. Барахас распознает своих любимцев, некоторым из них он дал имена.

После того, как в марте киты уплывают, Мартин возвращается к возделыванию фасоли, но в декабре, когда фонтаны воды оповещают о новом прибытии китов, — садится в лодку и направляется приветствовать своих любимцев.

П. ВАСИЛЬЕВ

Охотник за потерянным флиртом

Молодой человек едет в метро, в вагон входит девушка. Их глаза встречаются... но через две остановки она выходит. Что бы они ни увидели в глазах друг друга — все потеряно, унесено людским потоком...

Молодым человеком в метро был студент германистики Уве Эберляйн, 31 год, холостой. «Я никогда больше не видел этой девушки». Он вспоминает о ней до сих пор. Из-за нее он и открыл Бюро «потерянного флирта».

В этом бюро находок все держится на одном компьютере. После опубликования небольшой заметки и адреса в местной газете Уве получил тысячи писем. Он заложил данные обо всех описанных случаях в компьютер, который сравнил их схожесть по таким параметрам, как место, время и т. п. Таким образом Уве воссоединил уже более 20 пар, 8 из которых впервые встретились в самолете, 4 — в метро, 3 — на перекрестке, 2 — у телефонной будки, 3 — в лифте и одна — в супермаркете. До сих пор он делал все бесплатно — ради любви.

Б. ПИНАЕВ

Перьявая валюта

На острове Санта-Крус, расположенном к востоку от Новой Гвинеи в Тихом океане, используются деньги из птичьих перьев. Все товары можно там купить за американские или австралийские доллары, однако традиционный выкуп за невесту может быть внесен только «валютой из перьев». Это пояс длиной около десяти метров, шириной около шести и толщиной два сантиметра. Основу пояса образуют темные перья голубя. Снаружи он украшен ярко-красными перьями местной птицы — медосола. Для изготовления одного пояса надо ощипать около трехсот медосолов. Птиц, к счастью, не убивают, а ловят с помощью специального клея. После вытягивания нескольких перьев их отпускают на свободу. Средняя цена невесты составляет шестнадцать таких «банкнот».

И. МОСКВИН

НОВОЕ В ЭКСПОЗИЦИИ МУЗЕЯ

В 1984 году в Нижнетагильский Государственный музей изобразительных искусств поступил «Портрет Прокопия (?) Акинфиевича Демидова» кисти Дарбеса Ф. И. Произведение имело значительные разрушения: разрывы, потертости, утраты красочного слоя. Портрет не имел подрамника, поэтому края холста обтрепались и были сильно измяты.

Уже сейчас портрет прошел сложный путь реставрации. Грунт и красочный слой укрепили осетровым клеем с медом, после чего холст осторожно растянули на раздвижном рабочем подрамнике, расчистили с обратной стороны и сделали вставки в местах разрыва. Затем авторский холст сдублировали и натянули на новый подрамник. После удаления поверхностных загрязнений, живопись очистили от старого потемневшего лака, отчего изменился общий тон авторской живописи.

Автор портрета — немецкий художник, профессор, член Академии Художеств в Берлине Дарбес Иосиф Фридрих Август (1747—1785 гг.). Портрет, публикуемый впервые, представляет несомненный интерес. Предположительно, на нем изображен Прокопий Демидов (1710—1786 гг.), сын Акинфия Никитича, яркой и колоритной фигуры в династии уральских горнозаводчиков. Мамин-Сибиряк отмечал, что «Акинфий Никитич исчерпал в конце всю фамильную энергию»... и «...дальше пошли уже наследники, люди бесхарактерные и бессильные». Потомки Никиты и Акинфия Демидовых считались людьми «просвещенными», все получили образование в русских и иностранных университетах, по крайней мере, слыли знатоками и ценителями искусств. Прокопий Акинфиевич унаследовал Невьянские заводы, которые в 1757 году продал Яковлеву. Прокопий Демидов явно был неординарной личностью в своей среде, но имел репутацию чудака, благотворителя, любителя садоводства. Богач-горнозаводчик и меценат, он был проникнут идеями просветительства, жертвовал огромные суммы на Московский Воспитательный дом, университет, основал в столице коммерческое училище.

На портрете Прокопия Демидова, работы Левицкого, который хранится в Третьяковской галерее, герою очерка 63 года. Художник, как гласит «История русского искусства», «...использовал некоторые приемы парадного портрета, но придал им новый характер, совместив внешнюю торжественность изображения с реалистической трактовкой человека... Выражение его самодовольного лица вполне соответствует представлению о человеке умном, способном и вместе с тем самодуре».

Портрет, который хранится в ниж-

нетагильском музее, судя по датам жизни художника в России (1776—1785), написан несколькими годами позднее. Прокопий Демидов изображен пожилым человеком, одетым в обычный суконный фрак темно-зеленого цвета, заменившем в те годы кафтан. Высокий отложной воротник красного цвета, белый жилет и, характерная деталь того времени — крупные пуговицы до трех сантиметров в диаметре. На жилете они меньшего размера. На портретируемом — белый шейный платок и жабо, парик с двумя буклями, закрывающими уши. Волосы зачесаны назад и закреплены черной бархатной лентой.

Лицо Демидова, по-прежнему холодное, но с отвисшими щеками, тяжелыми веками, удивленно приподнятыми бровями, застыло в полуулыбке. Перед нами умный, уставший от жизни человек, запечатленный художником в естественной позе. Некоторая статичность композиции, характерная для портретов восемнадцатого века, как бы подчеркивает представительность и монументальность заводчика.

Нижнетагильский портрет П. Деми-

дова не велик по размерам, имеет овальную форму. Изображение погрудное, трехчетвертное, с разворотом правого плеча на зрителя. Колорит построен на сдержанных коричнево-зеленых тонах, оживлен сочным пятном красного воротника и белизной шейного платка и жабо. Формы мягкие. Художник использовал традиционную в академической школе живописи технику лессировок. В портрете выдержано тональное единство. Свет сосредоточен на лице и верхней части одежды, но теряется в изображении фона и складок. Умбрный фон портрета спокоен и гладок.

По окончании реставрационных работ появится возможность включить портрет Прокопия Демидова в экспозицию музея. Зрители смогут познакомиться с еще одним образом человека XVIII века, связанного с историей нашего края.

АНТОНИНА НАСЕДКИНА,
художник-реставратор

г. Нижний Тагил

АНОНС!

Группа **КОСТИ ПАХОМОВА**
Блиц-интервью
«УРАЛЬСКОГО СЛЕДОПЫТА»
— Костя, почему ты ушел
из «ЛАСКОВОГО МАЯ»?
— Я дословно приведу слова
РАЗИНА, ОБРАЩЕННЫЕ КО МНЕ,
«ПОКА Я ЖИВ, ТЫ БУДЕШЬ
РАБОТАТЬ ПОД ФОНОГРАММУ!»
МНЕ НАДОЕЛА ФАЛЬШЬ!...

АНОНС!

Сейчас группа Кости Пахомова — в объединении «Совинтер-интрада» при МГИМО МИД СССР.
Ждем вопросов к молодым музыкантам, чья творческая судьба только начинается.
Для авторов самых интересных писем, вопросов к группе и размышлений о дебютах на эстраде редакция приготовила сюрприз.

Фото Игоря Горячева